

ГЛАВА VII.

ЦАРИЦЫНЫ НАРЯДЫ, УБОРЫ И ОДЕЖДА.

Общій обзоръ. Головной уборъ, дѣвичій и женскій. Золотые уборы или ларечная кузнь: золото, саженье, низанье. Одежды. Обувь. Мастерская Палата. Свѣтлица и ея рукодѣля. Бѣлая казна.

Иностранцы бывавшіе въ Москвѣ въ теченіи XVI и XVII ст. единогласно восхваляютъ красоту русскихъ женщинъ; иные (Лизекъ) присовокупляютъ, что красотѣ соответствовали и достоинства ума. Но за то всѣ очень неодобрительно говорятъ о разныхъ прикрасахъ женскаго лица, которыя были въ большомъ употребленіи и по ихъ замѣчанію только безобразили природную красоту. Одинъ итальянецъ (Барберини), видѣвшій нашихъ прабабокъ въ половинѣ XVI ст., отмѣчаетъ вообще, что русскія женщины чрезвычайно хороши собою, но употребляютъ бѣлила и румяна и при томъ такъ неискусно, что стыдъ и срамъ! О томъ же свидѣтельствуетъ Флетчеръ, говоря, что женщины, стараясь скрыть дурной цвѣтъ лица, бѣлятся и румянятся такъ много, что каждому это замѣтно; что этого не стараются и скрывать, ибо таковъ обычай; мужчинамъ это очень нравится и они радуются, когда ихъ жены и дочери изъ дурныхъ превращаются въ красивыя куклы. Изъ его словъ можно заключать, что всякія притиранья въ то время вовсе не имѣли значенія искусственныхъ средствъ поддѣлывать природу, натуру лица или своей красоты, а были, такъ сказать, необходимою одеждою лица, безъ которой невозможно было появиться въ обществѣ. „Что касается женщинъ, говоритъ Петрей (нач. XVII

т.), то онъ чрезвычайно красивы и бѣлы лицомъ, очень стройны, имѣютъ небольшія груди, большіе *черные* глаза, нѣжныя руки тонкіе пальцы, только безобразятъ себя часто тѣмъ, что не только лицо, но глаза, шею и руки красятъ разными красками, бѣлою, красною, синею и темною: черныя рѣсницы дѣлаютъ бѣлыя, бѣлыя опять черными или темными, и проводятъ ихъ галъ грубо и толсто, что всякому это замѣтно. Такъ онѣ украшаются особенно въ то время, когда ходятъ въ гости или въ церковь^а, т. е. вообще когда появляются въ общество. Олеарій въ половинѣ XVII ст. пишетъ между прочимъ, что „русскія женщины вообще средняго роста, стройны, нѣжнаго тѣлосложенія, красивы, но въ городахъ всѣ почти румянятся, притомъ чрезвычайно грубо и неискусно; при взглядѣ на нихъ можно подумать, что онѣ намазали себѣ лице мукой и потомъ кисточкой накрашили себѣ щеки. Онѣ красятъ себѣ также брови и рѣсницы черною, а иногда и коричневою краскою“. Дальше онъ говоритъ, подтверждая Флетчера, что это былъ неизмѣнный обычай, которому противиться не было никакой возможности. „Посѣщая своихъ близкихъ или являясь въ общество, женщины непременно должны быть нарумянены, не смотря на то что отъ природы онѣ гораздо красивѣе, чѣмъ въ румянахъ. Это исполняется ими для того, объясняетъ авторъ, чтобы природная красота не брала перевѣса надъ искусственнымъ украшеніемъ. Стало быть, прибавимъ мы, это исполнялось для того, чтобы одѣть лице въ извѣстный образъ красоты, возможно ближе стать подъ извѣстный, господствовавшій въ то время, ея типъ и идеалъ, какъ въ дѣйствительности и было, о чемъ скажемъ ниже. Въ доказательство своего заключенія авторъ приводитъ примѣръ. „Такъ, говоритъ онъ, во время нашего пребыванія въ Москвѣ, когда жена знатнаго вельможи князя Ивана Борисовича Черкаскаго, женщина прекрасной наружности, не хотѣла сначала румяниться, то тотчасъ же оговорена была прочими женами бояръ: зачѣмъ де она презираетъ обычаи своей земли, что хочетъ, видно, опозорить прочихъ подобныхъ ей! И чрезъ мужей своихъ онѣ до того довели дѣло, что отъ природы прекрасная женщина, должна была румяниться и такъ сказать уподобиться свѣчкѣ, зажженной при свѣтломъ солнечномъ сіяніи“. Такова была власть обычая, власть общественнаго мнѣнія, прибѣгавшаго по характеру вѣка, къ самымъ предосудительнымъ способамъ, чтобы заставить противника повиноваться.

Очень вѣроятно, что дѣло о бѣлилахъ и румянахъ Черкасской доходило до царя и что изъ хорошихъ царицы ей указано строго держаться въ этомъ отношеніи общаго уровня. Англичанинъ Коллинсъ, описывая такіе обычаи русскихъ женщинъ, замѣчаетъ, что „румяны ихъ похожи на тѣ краски, которыми мы (англичане) украшаемъ лѣтомъ трубы нашихъ домовъ, и которыя состоятъ изъ красной *воэры* и испанскихъ бѣлилъ (изъ висмута). Онѣ *чернятъ* свои *зубы* съ тѣмъ же намѣреніемъ, съ которымъ наши женщины носятъ *черныя мушки* на лицѣ (т. е. для придаванія лицу большей бѣлизны или бѣлизнѣ лица большей выразительности). Зубы ихъ портятся отъ меркуріальныхъ бѣлилъ и потому онѣ превращаютъ необходимость въ украшеніе и называютъ красотою сущее безобразіе. Здѣсь любятъ низкіе лбы и продолговатые глаза, и для того стягиваютъ головные уборы такъ крѣпко, что послѣ не могутъ закрыть глазъ, также, какъ наши женщины не могутъ поднять рукъ и головы. Русскіе знаютъ тайну чернить самые бѣлки глазъ. Маленькія ножки и стройный станъ почитаются безобразіемъ. Красотою женщинъ они считаютъ толстоту. Худощавыя женщины почитаются нездоровыми и потому тѣ, которыя отъ природы не склонны къ толстотѣ, предаются всякаго рода эпикурейству съ намѣреніемъ разтолстѣть: лежатъ цѣлый день въ постелѣ, пьютъ русскую водку, очень способствующую толстотѣ, потомъ спятъ, а потомъ опять пьютъ“. Женщины въ Московіи, прибавляетъ Корбъ (конецъ XVII ст.) имѣютъ ростъ стройный и лицо красивое, но врожденную красоту свою искажаютъ излишними румянами; станъ у нихъ также не всегда такъ соразмѣренъ и хорошъ, какъ у прочихъ европейнокъ, потому что женщины московскія носятъ широкое платье и ихъ тѣло, нигдѣ не стѣсняясь уборомъ, разрастается, какъ попало“. Путешественникамъ съ европейскаго Запада наша старая жизнь казалась вообще до чрезвычайности странною, нелѣпою, чудовищною, и они, какъ видимъ, каждый по своему, старались объяснить себѣ ту или другую сторону нашихъ бытовыхъ порядковъ. Относительно женскихъ прикрасъ, иностранцевъ главнымъ образомъ поражало, какъ нельзя не замѣтить, полнѣйшее отсутствіе и малѣйшаго даже искусства, малѣйшей утонченности въ употребленіи такихъ прикрасъ; ихъ поражала эта необыкновенная грубость мазанья и безъ того красиваго лица. Но существовали же какія либо причины, достаточныя для того, чтобы крѣпко держался

обычай. Намъ кажется, что первую изъ та-
кихъ причинъ былъ своеобразный русскій идеалъ женской кра-
сы, а вторую — недостатокъ лучшихъ средствъ въ самыхъ ма-
териалахъ, ибо краски для притиранья употреблялись простыя
и грубыя, особенно въ среднемъ городскомъ быту, какой больше-
го и наблюдали завязжіе иноземцы. У русской красоты было

Блкое лицо какъ бы былой снѣгъ,
Ягодицы (на щекахъ) какъ бы маковъ цвѣтъ,
Черныя брови какъ соболи,
Будто колесомъ брови проведены;
Ясныя очи какъ бы у сокола...
Она ростомъ-то высокая,
У ней кровь то въ лицѣ словно блага заяца,
А и ручки бляньки, пальчики тоненьки...
Ходить она словно лебедушка,
Глазомъ, глянетъ, словно свѣтлый день...

Если смотреть на то, что эта послѣдняя черта русской красоты —
заглядъ словно свѣтлый день, — переноситъ представленіе о
ней въ область идеаловъ поэтическихъ или романтическихъ,
такъ въ общемъ ея типъ, какъ видите, господствуютъ, представ-
ленія самыя матеріальныя, господствуютъ сильныя, рѣзко опре-
деленныя краски безъ всякой поэтической, т. е. романтической
отживки, а такъ, какъ ими расписывались старинныя эстампы
деревянной лубочной печати.

Въ приведенномъ изображеніи идеала женской красоты ма-
териально обрисовываются и самыя средства, какими обыкно-
венное лицо могло достигать этого идеала. Близна лица упо-
доблялась бѣлому снѣгу, — естественно было украшать его бѣли-
лами въ такой степени, что въ цвѣтъ кожи не оставалось уже
ничего живаго, ибо и самый первообразъ не указывалъ ничего
живаго или поэтически и эстетически жизненнаго. Самое срав-
неніе: кровь-то въ лицѣ словно блага заяца, еще сильнѣе обо-
значаетъ тоже представленіе о снѣгоподобной бѣлизнѣ лица.
Щеки — маковъ цвѣтъ, или щеки — аленькій цвѣтокъ, точно
также свое идеальное низводили слишкомъ прямо и непосред-
ственно къ простому матеріальному уподобленію красному цвѣтку
мака. Маковъ цвѣтъ долженъ былъ покрывать, какъ бы цвѣ-
токъ на самомъ дѣлѣ, только ягодицы щекъ; такимъ образомъ
снѣгоподобная бѣлизна должна была довольно рѣзко освѣщаться
яркимъ алымъ румянцемъ, который не разливался по всему
лицу, а горѣлъ лишь на ягодицахъ. Очень понятно, что при

такомъ сочетаніи на лицѣ бѣлаго и краснаго цвѣта, требовался и цвѣтъ волосъ на бровяхъ и рѣсницахъ наиболѣе опредѣленный, который бы какъ можно сильнѣе выдѣлялъ эту *писаную* красоту всего лица. Конечно для такой цѣли ничего немогло быть красивѣе черныхъ волосъ соболя, тонкихъ, мягкихъ, нѣжныхъ, блестящихъ. Оттого соболю становится исключительнымъ идеаломъ для характеристики бровей и черная соболина бровь, проведенная колесомъ, является необходимымъ символомъ красоты. Все это вмѣстѣ служило самою выгодною обстановкою именно для свѣтлости и ясности глазъ. Ясныя очи своимъ блескомъ, а вмѣстѣ и взглядомъ, указывали идеалъ яснаго сокола, который, по всему вѣроятію, и яснымъ обозначался тоже за особую свѣтлость своихъ глазъ. Однакожъ для того, чтобы еще больше возвысить ясность, свѣтлость и блескъ очей, подкрашивали не только рѣсницы подъ стать бровямъ тоже черною краскою, сурьюю, но пускали черную краску и въ самые глаза, особымъ составомъ изъ металлической сажи съ гуляфоною водою или розовою водою.

Такимъ образомъ Петрей могъ справедливо говорить, что у русскихъ женщинъ глаза черные, чего, конечно, въ дѣйствительности не было, но выходило такъ по украшеніямъ бровей, рѣсницъ и самыхъ бѣлковъ.

Черные брови и рѣсницы, какъ и черные глаза служили типомъ желаемой красоты, а потому и господствовали въ уборѣ красавицъ и тѣмъ болѣе, что сурмленіе доставляло болѣе легкую возможность уподобить прикрасу самой природѣ. Другое дѣло было, когда желали украсить волосы подъ цвѣтъ русыхъ или темно-русыхъ. Недостатокъ добраго матеріала или же неискусство въ составленіи краски тотчасъ обнаруживалось и волоса выходили коричневыми, какъ замѣчаетъ Олеарій. Чтоже касается украшенія рѣсницъ бѣлою краскою, о которомъ говоритъ Петрей, то, вѣроятнѣе всего, здѣсь лишь неискусно употреблялись бѣлилы или какая либо пудра, собственно для украшенія лица. Также должно сказать и о синемъ цвѣтѣ, который на лицѣ, на шеѣ и на рукахъ могъ происходить отъ плохихъ бѣлилъ или румянъ, оставившихъ по себѣ синеватые слѣды. Какъ бы ни было, но эпическій идеалъ красоты, жившій съ незапамятныхъ временъ въ воображеніи народа, заставлялъ своими указаніями приближать къ нему всякій образъ красиваго лица. Онъ дол-

женъ былъ подчинять своему образу всѣ другія представленія о красотѣ, уравнивать ихъ по своимъ чертамъ.

Однакожъ, въ сущности, основнымъ понятіемъ или основнымъ представленіемъ о красотѣ женскаго лица въ допетровской Руси было простое представленіе о физическомъ цвѣтущемъ здоровьѣ. Это, конечно, самая коренная идея красоты. Старина не только не уважала блѣдной и изнѣженно — слабой красоты, но почитала ту и другую болѣзненнымъ состояніемъ здоровья, если такъ бывало на самомъ дѣлѣ, или же относила эти болѣзненные по ея понятіямъ признаки прямо къ худому поведенію, къ разврату, которому и самое имя выводила изъ одного корня съ словомъ блѣдный. Въ этомъ она совершенно расходилась съ понятіями красавицъ конца XVIII ст., а отчасти и нашей памяти, которыя употребляли всевозможные способы, *чтобы поглядить*. Рассказываютъ, что нѣкоторыя изъ нихъ всякое утро принимали по 8 катышковъ бѣлой почтовой бумаги и безпрестанно носили подъ мышками камфору; также кушали мѣлъ, пили укусуъ и т. п. ¹, стараясь достигнуть этой желанной цѣли. Старинныя допетровскія красавицы, напротивъ, употребляли всѣ усилія, чтобы казаться въ полномъ смыслѣ дѣвницами красными и разцвѣчивали себя, какъ маковъ цвѣтъ. Идея романтической, сентиментальной красоты не была имъ извѣстна; онѣ еще были очень близки къ самымъ реальнымъ представленіямъ по этому предмету, къ древнѣйшему коренному значенію самого слова красота. Онѣ еще переживали эпическій возрастъ русскаго развитія, а потому и были такъ матеріальны въ своихъ понятіяхъ о красивомъ лицѣ.

Само собою разумѣется, что и въ ихъ время, какъ и во всякое время, уборы и наряды должны были служить тому же господствовавшему идеалу красоты. Головной уборъ, какъ и уборъ одежды, точно также ставилъ себѣ цѣлью придать лицу еще большую цвѣтность и вообще возвысить описанную красоту въ большей степени. Неизмѣнныя части такого убора всегда стремились произвести необходимую гармонію и съ близкою лица, съ алыми щеками и черными бровями для чего въ головномъ уборѣ одно изъ видныхъ мѣстъ занималъ уборъ, повязка изъ тонкаго бѣлаго полотна съ золотымъ шить-

¹ Магазины общепольныхъ знаній съ просокупленіемъ моднаго журнала, часть II, Спб. 1795, стр. 271.

емъ и низаньемъ изъ жемчуга; золотныя кики украшались жемчугомъ въ такомъ видѣ, что жемчужныя нити окаймляли бѣлое лицо со всѣхъ сторонъ: лобъ украшала жемчужная кичная поднизь, стороны у щекъ жемчужныя нити рясъ, шея красилась жемчужнымъ стоячимъ ожерельемъ или же жемчужною нитью, которая называлась *перломъ*. Припомнимъ, что и самое достоинство жемчуга заключалось въ особенной бѣлизнѣ и чистотѣ его блеска; желтаго жемчуга по свидѣтельству торговой книги XVI ст. никто не покуналъ на Руси. Среди жемчугу иногда блистали дорогіе каменья, большею частію лалы (алые, малиновые) и изумруды, цвѣтъ которыхъ подбирался съ тою же главною цѣлью придать лицу и глазамъ наибольшую цвѣтность, свѣтлость и выразительность. Само собою разумѣется, что общимъ фономъ для всѣхъ такихъ уборовъ служило непременно золото, т. е. золотное тканье, шитье, плетенье, а также и золотая кузнь, кованье въ различныхъ видахъ. Безъ золота невозможно было устроить никакого убора; это былъ самый обычный, всеупотребительный матеріалъ для всякихъ уборовъ, какъ и для убора самого платья. Для алыхъ щекъ являлся господствующимъ особый цвѣтъ матерій, атласовъ, бархатовъ, камокъ и т. п., именно червчатый и алый. На шапкахъ этотъ цвѣтъ красился также жемчугомъ, что придавало не мало блеску притиранью лица, румянамъ и бѣлиламъ. Въ отношеніи бровей и рѣсницъ, ихъ цвѣтность усиливалась еще въ большей степени мѣховою, обыкновенно черною бобровою или соболиною опушкою шапки. Мѣхъ, особенно соболій и бобровый, принадлежалъ къ самымъ любимымъ и неизмѣннымъ уборамъ въ одеждѣ и нѣтъ сомнѣнія по той именно причинѣ, что вполне отвѣчалъ тогдашнимъ идеальнымъ представленіямъ вообще о женской красотѣ, служилъ самою изящною для нея и наиболѣе выразительною рамкою. Почти всѣ одежды, особенно выходныя, парадныя, какъ зимнія, такъ отчасти и лѣтнія окаймлялись бобровымъ пухомъ; а накладное бобровое ожерелье, родъ пелерины, составляло самую видную часть женской одежды въ торжественныхъ случаяхъ и принадлежало къ царственнымъ уборамъ царицъ, и зимою и лѣтомъ. (См. рисунки на заглавномъ листѣ и въ концѣ книги I и II). При этомъ должно замѣтить, что бобровый мѣхъ для такихъ уборовъ всегда подрашивался черненьемъ. Словомъ сказать русскія красавицы XVI и XVII ст. вовсе не были безучастны

красотъ своего наряда; онѣ вовсе не были такими, какими ихъ ують нѣкоторые наши изслѣдователи, говоря вообще что рус- женщины допетровскаго вѣка „не заботились ни объ изя- ствѣ формы, ни о вкусѣ, ни о согласіи цвѣтовъ, лишь бы тѣло и пестрѣло!... не имѣли понятія о томъ, чтобъ платье ло хорошо и т. д. Русскія красавицы, какъ и красавицы хъ временъ и народовъ, точно также очень много заботи- о томъ, чтобы нарядится *къ лицу*, и нарядиться со вкусомъ изяществомъ, какъ этотъ вкусъ и изящество сознавались въ в время. Вкусъ и понятія изящнаго и красиваго по отно- нію къ одеждѣ вопросъ весьма сложный и весьма спорный, къ что не разобравши въ подробности всего дѣла, едвали ко выводить рѣшительныя заключенія. Необходимо прежде го раскрыть основы и всѣ условія, какія способствовали извѣстное время образованію того или другаго вида эстети- чскихъ представленій и вкусовъ.

Уже давно рѣшено, что достоинство вкусовъ трудно оспари- ть и нельзя не согласиться, что вкусы, управляющіе повсе- дневными мелочами жизни, суть только выразители извѣстной ти въ развитіи эстетическихъ, а также и нравственныхъ идей и представленій у того или другаго народа. Въ дѣлѣ вкуса нравственные идеи имѣютъ даже преобладающее значеніе. Пра- вы же въ своихъ мелочахъ переходятъ, видоизмѣняются, какъ и все то, что именуемъ жизнью; а вмѣстѣ съ ними переходятъ и видоизмѣняются и вкусы, чему самымъ выразительнымъ до- казательствомъ служатъ наши моды, которыя такъ нравятся въ свое время и становятся потомъ такъ нелѣпы и смѣшны. Въ этомъ отношеніи съ такою же долею правды можно судить, упрекая въ отсутствіи вкуса, даже разсудка, обо всякой старой модѣ. Съ точки зрѣнія нашихъ модъ мы засудимъ конечно все, что съ ними не согласуется. Но старинное народное платье, которое было носимо не мѣсяцы или только годы, а цѣлыя столѣтія, всегда отличается несравненно въ меньшей степени разными нелѣпостями и неразуміемъ вкуса. Его покрой и ха- рактеръ убора устанавливается и обрабатывается подъ вліяніемъ самой культуры народа и потому въ немъ лежитъ всегда ка- кая либо очень разумная основа, которая даетъ ему многія черты отвѣчающія вкусамъ всякаго времени, слѣд. вообще отвѣчающія закону изящнаго, не говоря уже о томъ, что ста-

ринное народное платье вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчаетъ всегда и климатическимъ условіямъ страны.

Изучая старинные русскіе вкусы въ женскомъ нарядѣ, мы встрѣчаемся здѣсь съ предметами, которые навсегда останутся наилучшимъ уборомъ красоты, каковы напр. дорогіе мѣха, жемчугъ, золото и шелковыя ткани, атласы, бархаты. Особенностью этихъ вкусовъ, для нашихъ глазъ конечно, является излишняя пестрота или въ сущности цвѣтность наряда. Но яркая жизнь старины, даже въ нравственныхъ дѣлахъ, требовала всего яркаго и во всей внѣшней обстановкѣ. Она въ женскомъ нарядѣ, какъ видимъ, особенно предпочитала теплый, жаркій, живой колоритъ, что было совершенною необходимостью для обстановки живаго здороваго румянаго лица, которое почиталось высшимъ идеаломъ красоты. Романтическія тѣни, неземныя созданья, т. е. красоты — мечты, отвлеченности, въ родѣ античныхъ бѣломраморныхъ статуй, старинѣ были недомыслимы. При томъ и античныя статуи, какъ доказываютъ, были тоже расписываемы красками для живства. Такимъ образомъ наша старина, предпочитая въ красотѣ тоже самое живство, ни сколько не отставала въ своихъ идеалахъ отъ всѣхъ другихъ своихъ товарищей по древности. Въ ней только быть можетъ ужъ слишкомъ долго сохранялись самые первоначальные и первобытные вкусы по этому предмету. Въ уборахъ одежды она очень любила напр. сочетаніе цвѣтовъ, напоминавшее египетскую древность; лазоревое платье она окаймляла по подолу червчатою, алою или желтою тканью, желтый цвѣтъ ставила рядомъ съ зеленымъ или синимъ, голубымъ и т. п.

Все это обозначало только глубокую древность вкуса, но ни какъ не безвкусіе, ибо верѣдко и самыя моды попадають на тотъ же слѣдъ въ разныхъ прикрасахъ наряда.

За такое свойство или за такой характеръ нашихъ старинныхъ вкусовъ иные причисляють нашу старину къ разряду культуръ восточныхъ, азіатскихъ. Есть мнѣніе, что даже весь свой старинный костюмъ мы заимствовали у татаръ; да и на наши теперешніе глаза старинная русская женская одежда прямо является татарскою. Но обманчивое сходство объясняется только тѣмъ, что у теперешнихъ татаръ употребляются въ одеждахъ золотныя ткани, парчи, и мы забываемъ, что было время, когда вся Европа носила такія же ткани, что большею частію онѣ и привозились къ намъ изъ той же Европы.

Дѣйствительно, нашъ допетровскій костюмъ общимъ своимъ характеромъ приближаетъ насъ больше къ Азіи, чѣмъ къ Европѣ. Но это нисколько не доказываетъ, что онъ былъ когда-то заимствованъ у того или другаго азіатскаго народа. Напротивъ, это доказываетъ только его глубочайшую древность, недостижимую для изслѣдователя, когда таковой костюмъ былъ общимъ для многихъ народностей и азіатскихъ и европейскихъ, обитавшихъ въ той же климатической полосѣ. Самыя названія, напр. кафтанъ и др., сходныя съ татарскими, турецкими, сходны также и съ греческими (*χαβαδιον*) и указываютъ только на одинъ общій источникъ ихъ происхожденія, разумѣется изъ Азіи, откуда идутъ и древніе народы и древніе языки. Нельзя думать, чтобы и наша народность, перенеся въ Европу свой древнѣйшій языкъ, не перенесла въ тоже время и костюма съ его названіями. Родились мы и были одѣты конечно въ незапамятное время, и происхожденіе нашего костюма, особенно въ главнѣйшихъ его очертахъ, необходимо отыскивать въ той же странѣ, гдѣ образовался и нашъ древнѣйшій языкъ. Само собою разумѣется, что бывали и заимствованія; но онѣ всегда ограничивались лишь тѣми частями и формами, которыя являлись какъ бы знаками или выразителями новыхъ идей и стало быть новыхъ формъ развитія и жизни. Являлось особое сословіе военное; по необходимости оно усваивало себѣ и различные знаки своего особаго призванія и заимствовало ихъ оттуда, гдѣ находило ихъ уже въ полномъ употребленіи. Явилась идея княжескаго, а впослѣдствіи царскаго достоинства, она точно также по необходимости брала свои знаки оттуда, гдѣ это достоинство было облечено уже въ полный его нарядъ. Такимъ образомъ немалая доля нашего стараго костюма была заимствована у византійскихъ грековъ и принадлежала въ свое время къ общимъ для всей Европы формамъ одежды, каковъ именно и былъ царскій или княжескій нарядъ, сначала устроенный вездѣ по византійскимъ образцамъ, заимствованнымъ въ свою очередь у древнихъ царей востока. Потомъ мы остались на мѣстѣ, а европейская культура ушла дальше; мы такимъ образомъ и остались съ восточнымъ, азіатскимъ, а въ сущности съ самымъ древнѣйшимъ обликомъ во всемъ нашемъ развитіи. Вотъ почему тѣже европейцы, пріѣзжавшіе къ намъ, въ XVI и XVII ст., писали единогласно (Флетчеръ, Олеарій, Лизекъ), что русская одежда весьма сходна съ греческою.

Особенно значительно въ этомъ случаѣ свидѣтельство Оларія, который путешествовалъ и по татарскимъ землямъ въ Персію, слѣд. могъ основательно судить о сходствѣ русской одежды съ татарскою. На самомъ дѣлѣ, отъ татаръ мы могли заимствовать развѣ только нѣкоторыя незначительныя части нашего костюма, которыя всегда и обозначались въ названіяхъ *татарскими*, ибо, скажемъ опять, одѣты мы были за долго до появленія татаръ и во всякое время крѣпко держались своей старины, недопуская въ ней большихъ измѣненій. Скорѣе наоборотъ, татары должны были заимствовать отъ насъ нѣкоторые наши кафтаны, ибо въ XVI и XVII ст. мы постоянно ихъ одѣвали своимъ платьемъ въ видѣ даровъ или поминковъ, замѣнившихъ ордынскую подать; точно также, какъ въ ту же эпоху мы постоянно одѣвали своимъ платьемъ и сибирскихъ инородцевъ, у которыхъ у женщинъ до сихъ поръ остаются въ употребленіи наши женскія красныя суконныя шубки XVII ст. Такъ точно въ свое время нашихъ первыхъ князей и дружинниковъ одѣвали своими даже царскими одеждами византійскіе императоры, о чемъ свидѣтельствуегъ Константинъ Багрянородный, совѣтуя своему сыну Роману прекратить этотъ постыдный обычай и рассказывать варварамъ, что царскія одежды дѣлаются не человѣческими руками, что получены онѣ еще Константиномъ Великимъ отъ ангела съ небесъ, всегда хранятся въ Софійской церкви и кто изъ императоровъ станетъ ихъ носить въ обыкновенное, не торжественное время или дарить ими кого-либо, тотъ будетъ проклятъ. Если такая ложь требовалась для того, чтобы по возможности охранить передъ варварами достоинство царскаго наряда, не вводя его въ употребленіе между ними, то безсомнѣнія, прочіе, такъ сказать, рядовые богатые византійскіе одежды и уборы принадлежали къ самымъ обычнымъ подаркамъ для нашихъ варваровъ. Такимъ образомъ наиболѣе богатый костюмъ первыхъ русскихъ князей и ихъ дружинниковъ, а слѣд. и ихъ женъ, долженъ былъ установиться по византійскимъ образцамъ и въ отношеніи своихъ видовъ нѣсколько отдѣлиться отъ костюма народнаго. Близкія сношенія съ Византіей естественно много способствовали тому, что всякія мелочи ея культуры легко и свободно переносились въ нашъ бытъ. Константинополь въ свое время былъ тѣмъ же Парижемъ не для одной русской земли. Богатая и роскошная обстановка его быта представлялась для всѣхъ окружавшихъ

съ образцомъ наиболѣ изящной, т. е. богатой жизни особ въ отношеніи костюма, который поэтому, если не нѣтъ, то наиболѣ видными частями водворялся повсюду. отъ-то костюмъ, частію заимствованный у византійцевъ, а частію украшаемый въ подражаніе ихъ образцамъ, составилъ особый выборъ одеждъ, который исключительно употреблялся княжескимъ и боярскимъ, вообще знатнымъ и богатымъ лювіемъ допетровской Руси и былъ потомъ упраздненъ реформами Петра. Что съ древнѣйшаго времени оставалось въ нѣмъ въ собственномъ смыслѣ народнаго или всенароднаго, то раяняется и до сихъ поръ въ народѣ, а все сословное, принадлежавшее княжеской и боярской культурѣ, совсѣмъ утрачено съ преобразованиемъ самой культуры по европейскимъ образцамъ.

Нельзя однако въ этомъ отношеніи забывать и вліянія на нашъ костюмъ со стороны сѣверной Европы, черезъ варяговъ, чь послѣдующее время чрезъ новгородскія торговыя связи. ранней мѣрѣ съ одеждами норманнскими встрѣчается въ ншихъ одеждахъ довольно сходнаго, частію въ общемъ, а такъ же и въ частностихъ.

Но румыны, бѣлилы, сурмилы, подкрашиваніе глазъ и прочее тому подобное, все это мы заимствовали съ востока, непременно у византійскихъ красавицъ и если не прежде, то покрайней мѣрѣ еще во времена Ольги, ибо при ней русскія женщины собственными очами могли любоваться красотой греческой обстановки. Въ ея путешествіи въ Царьградъ, сопутствовали ей 6 (или 16) родственницъ и 18 приспѣшницъ (женщинъ служебныхъ), обѣдавшихъ также, какъ и княгиня, въ царскихъ палатахъ и получившихъ царскіе дары ¹.

И нѣтъ сомнѣнія, что это былъ не первый, да и не послѣдній примѣръ пребыванія русскихъ женщинъ въ Константинополѣ. Оттуда же наши красавицы заимствовали, если не самую форму, то ея княжескую или царственную форму съ ея особыми украшениями, именно *рясами*, длинными жемчужными прядями, ниспадавшими къ плечамъ по обоимъ сторонамъ этого головного убора. Такія рясы были носимы въ Византіи, не только царицами, но и царями на царскихъ вѣнцахъ, какъ это видно на ихъ монетахъ и на другихъ древнихъ изображеніяхъ ви-

¹ Известія Виз. Истор. III, 54, 55.

зантийскихъ царей и царицъ. Точно такой же головной уборъ существовалъ еще раньше въ греческихъ черноморскихъ колоніяхъ, именно въ странѣ Киммерійскаго Босфора, гдѣ, на Таманскомъ полуостровѣ, въ древнемъ царствѣ Фанагорійскомъ, намъ случилось въ 1864 г. открыть подобный уборъ въ гробницѣ тамошней царицы или, какъ доказываютъ, жрицы богини Деметры (IV вѣка до Р. X.)¹. Онъ состоялъ изъ золотой кики, золотого начельника въ видѣ волнистыхъ волосъ и золотыхъ же рясъ въ видѣ большихъ бляхъ съ сѣтчатыми длинными подвѣсками, тоже золотыми. Для насъ въ этомъ случаѣ очень важно лишь то, что форма убора и его составныя части имѣютъ много сходнаго съ такими же уборами русскими XVI и XVII ст., а это указываетъ вообще на глубокую древность нашего убора и можетъ отдалять его происхожденіе даже и за эпоху нашихъ сношеній съ Византією.

Точно также одна изъ женскихъ одеждъ съ очень широкими и длинными рукавами, всегда роскошно украшаемыми золотымъ шитьемъ, именно лѣтникъ, по своему покрою тоже много напоминаетъ подобныя же одежды византійскія, въ которыхъ изображаются тамошніе цари и царицы. Первообразъ такой одежды (саккосъ) можно указать даже на изображеніяхъ въ катакомбахъ Рима, относимыхъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, не говоря о сходныхъ изображеніяхъ послѣдующаго времени. Въ XIII в. Рубруквисъ обозначилъ, что русская одежда вообще сходствовала съ одеждою народовъ западной Европы. Мы не имѣемъ возможности удалиться въ подробныя сравнительныя розысканія по этому предмету и желаемъ только обозначить сходство нашего стариннаго костюма съ древнѣйшими образцами византійскими, а частію и съ средневѣковыми западноевропейскими. Мы ограничиваемъ свою задачу лишь посильнымъ объясненіемъ собственной древности, послѣ чего доступнѣе будутъ и сравнительныя изслѣдованія и выводы.

Какъ бы ни было, но Византія имѣла значительную долю вліянія именно на женскій нашъ костюмъ, по крайней мѣрѣ въ томъ его составѣ, который принадлежалъ верхнему народному слою древней Руси, княжескому и боярскому, или вообще, какъ мы говорили, знатной и богатой средѣ. Здѣсь это вліяніе

¹ См. Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1864 г. Спб. 1865.

и известною постническою идеей, подчинившей своим требованиям даже и покроем женской одежды. В монастырском училищном заведеніи, на которомъ воспитывалось и оканчивало жизнь наше старинное жезское племя, смотрѣль вообще на красоту, какъ на запрещенный плодъ и поучалъ убѣгать ея, какъ ольщеній, какъ великой грѣховной напасти. Онъ спряталъ въ теремъ, чтобы не смущался ею міръ, чтобы и она не льщилась красотой міра; онъ неутомимо слѣдилъ за нею, волюдалъ каждый ея шагъ съ цѣлью отстранить отъ нея и алтійшій соблазнъ убора и наряда или какого бы то ни было чарма (кокетства) въ отношеніи умноженія ея прелестей. Онъ ограничивалъ ея естественнымъ и впрочемъ исключительнымъ причиною, въ которую онъ вѣдалъ въ уборѣ и нарядѣ съ цѣлью возвысить красоту, благословлялъ только возрасту невѣстѣ, которыя по крайней мѣрѣ могли носить открытые волосы. Этимъ обозначалась и известная доля женской свободы въ дѣвическомъ возрастѣ. Напротивъ замужняя женщина, по слову Апостола, вновившаяся подъ власть мужа, должна была навсегда спрятать свои волосы, ибо не мужъ отъ жены, а жена отъ мужа, не мужъ созданъ для жены, а жена для мужа, посему и должна женщина имѣть покрывало на головѣ, въ знакъ власти надъ нею ¹. Кроме того покрывало вообще обозначало стыдливость и цѣломудріе, поэтому для постническихъ идей оно являлось необходимымъ и неизмѣннымъ условіемъ и сохранить и выразить свою нравственную чистоту. Для женщины не было большаго срама и безчестья, какъ всенародно опростоволоситься, т. е. раскрыть свои волосы предъ глазами общества. Цѣломудренное значеніе покроя распространилось и на покроемъ всей одежды, которая въ сущности представляла тотъ же постническій покроемъ для всего тѣла. Въ одеждѣ постническія идеи заботливо старались совсѣмъ скрыть талию и весь женскій бюстъ и торсъ, разрѣшивъ употребленіе пояса лишь въ одеждахъ нижнихъ, домашнихъ, каковы были сорочки ² и устранивъ во всѣхъ верхнихъ выходныхъ одеждахъ даже и малую складку, какая могла способствовать хоть малой обрисовкѣ лебединой груди или вообще талии.

¹ Коринѣ. XI, 10.

² Тогдашнія сорочки, верхнія, соответствовали теперешнему платью въ его специальномъ значеніи.

Самый пояс на сорочках былъ носить, какъ символъ цѣломудрія и благочестія и вовсе не служилъ средствомъ придавать стану большую стройность и красоту. Появляться въ какихъ либо случаяхъ безъ пояса на сорочкѣ значило обнаруживать свой развратъ. Такъ могла поступать только молодая Марина Игнатьевна: она, призывая въ свой теремъ Змѣя Горыныча, высовывалась по-поясъ въ окно въ одной рубашкѣ безъ пояса. Такъ бѣгала по широкому двору Настасья Королевична, во единой рубашечкѣ безъ пояса, — когда спасала своего милаго Дуная. Вообще ходить распояской во всякомъ случаѣ почиталось грѣхомъ. Распоясаны были только однѣ верхнія одежды съ тою цѣлью, какъ мы сказали, чтобы не обнаружить ни одною складкою какихъ либо частей тѣла. Всѣ такія одежды имѣли одинъ покровъ той же сорочки, т. е. простаго полотнища, разставленнаго, гдѣ необходимо, клиньями, и у нѣкоторыхъ разрѣзаннаго спереди на полы, при чемъ воротъ у всѣхъ возвышался до самой шеи. Такимъ образомъ *лифъ* былъ совсѣмъ изгнанъ изъ покроя женскихъ одеждъ, а съ нимъ, конечно, была удалена и вся красота женскаго наряда, ибо лифъ въ одеждѣ есть непосредственный и существенный выразитель всего изящнаго одежды. Естественная потребность нравиться, быть красивою, изящною, т. е. естественная потребность изящнаго въ костюмѣ была ограничена, стѣснена, а потому вмѣсто эстетическихъ духовныхъ идеальныхъ представленій о красотѣ явились представленія исключительно матеріальныя, представленія объ однихъ лишь физическихъ ея достоинствахъ. Просторно сидѣвшія и длинныя до пятъ платья по необходимости сводили понятія о красивой изящной фигурѣ на понятія о дородной фигурѣ, что на самомъ дѣлѣ почиталось однимъ изъ достоинствъ старинной женской красоты; такъ какъ другимъ ея достоинствомъ былъ высокій ростъ, которому тѣже длинныя платья безъ всякой криволинейной пышности въ подолѣ придавали конечно еще большую высоту, и тѣмъ дорисовывали идеаль красивой фигуры по стариннымъ понятіямъ.

Однакожъ необходимо замѣтить, что сужденія о нашемъ старинномъ женскомъ костюмѣ, именно объ отсутствіи въ немъ живописной красоты или вообще рисунка женской фигуры, неимѣютъ достаточныхъ основаній дѣлать объ этомъ рѣшительныя, окончательныя заключенія по той причинѣ, что нѣтъ у насъ передъ глазами, какъ говорится, живой натуре. Намъ из-

большую часть рисунки древнихъ одеждъ только ико-
 нидъ и въ платьѣ, какъ въ самыхъ фигурахъ и осо-
 въ ныхъ нѣмъ столько же натуры, сколько натуры вообще
 имъ древней иконописи. Иконописецъ даже страшился
 что либо натурально, а тѣмъ болѣе страшился изоб-
 не рать натурально женскую фигуру съ ея одеждою, дабы не
 и ли въ прелесть сатанинскую. Не говоримъ о томъ,
 онъ се не умѣлъ рисовать и особенно не удавались ему
 меты живые, одушевленные. Символизмъ, условность его
 на, рабски переводившаго одни только старые образцы
 собою были воспроизвести ни одной натуральной черты,
 ныхъ, ни въ нарядѣ. Желая обозначить пышность или
 и н, онъ чертилъ совокупность извѣстныхъ линий
 и н усвоенныхъ и приспособленныхъ для этой
 ни (рис. V, 3, 4). Онъ не могъ размышлять не только о на-
 но вообще о школьной правильности рисунка въ теле-
 емъ смыслѣ, ибо у него были свои, чисто условныя, понятія объ
 правильности, отъ которыхъ онъ, какъ знающій и опыт-
 художникъ, никогда не отступалъ. Изъ всего этого выхо-
 то, что иконописцы не только не оставили намъ изобра-
 дѣланныхъ, какъ они говорили, съ *живства*, но и на-

рисованныя ими изображенія отъ руки они болшею частью пе-
 редавали безъ всякихъ характерныхъ оттѣнковъ, плоско и стер-
 то, указывая лишь однѣ общія наиболѣе типичныя формы
 древняго костюма. Словомъ сказать изъѣтихъ иконописныхъ изоб-
 раженій мы получаемъ очень скудныя представленія о живой дѣй-
 ствительности стараго костюма, даже въ его общихъ формахъ,
 не говоря о полнотѣ разныхъ предметовъ наряда, а тѣмъ болѣе
 о разныхъ подробностяхъ, о которыхъ находимъ свѣдѣнія въ
 старинныхъ описяхъ и вовсе не находимъ ихъ въ оставшихся
 рисункахъ. Здѣсь старое русское художество не только ни чѣмъ
 не послужило старой дѣйствительности, но своими чисто ре-
 месленными, условными, рабскими приѣмами даже обезобразило
 ее въ нашихъ глазахъ до послѣдней степени. Совсѣмъ не то
 было на западѣ, отчего тамошній средневѣковой костюмъ пред-
 ставляется не только въ своей дѣйствительной, но во многомъ
 даже и преукрашенной красотѣ. Тамошніе художники, напротивъ,
 всегда идеализировали современную имъ дѣйствительность, не
 жертвою формою, а живою натурою; покрывали ее чертами не толь-
 ко правильнаго, но и изящнаго рисунка. Даже и въ древнее время,

при несовершенствѣ искусства, въ ихъ грубыхъ изображеніяхъ мы всетаки встрѣчаемся съ болѣе или менѣе правдивымъ и выразительнымъ живствомъ и въ постановкѣ фигуры и въ драпировкѣ одежды. Искусство всегда лучшій и вѣрнѣйшій выразитель жизни и всегда въ своихъ произведеніяхъ очень многое даетъ для правильнаго ея пониманія. Ложный путь, по которому слѣдовало наше древнее художество, не только отнялъ у него здоровыя силы, лишилъ совсѣмъ развитія, но и намъ передалъ искаженныя представленія о прожитомъ нашемъ бытѣ, такъ что не объ одномъ костюмѣ, но о всей нашей исторіи мы теперь думаемъ не иначе, какъ о сухой безжизненной формѣ. Придавая въ концѣ книги рисунки стараго женскаго костюма, мы должны замѣтить, что это только простые снимки изображеній, необходимые для поясненія нашихъ описаній.

Переходи къ описанію допетровскаго женскаго наряда, мы въ настоящемъ случаѣ, ограничиваемся только предметами, которые входили въ составъ наряда царицъ и взрослыхъ царевенъ въ XVI и XVII ст. и касаемся общаго описанія одеждъ лишь настолько, чтобы объяснить частности, принадлежавшія собственно царскому быту. Это вообще предметъ очень дробный и мелочной и потому требуетъ разсмотрѣнія покрайней мѣрѣ по сословнымъ отдѣламъ, ибо, въ каждомъ сословномъ кругу онъ представлялъ свои видоизмѣненія.

Само собою разумѣется, что царицынъ бытъ, какъ высшій порядокъ жизни, заключалъ въ себѣ и всѣ общія, т. е. основныя черты древнихъ нарядовъ и уборовъ. Такъ и въ царскомъ быту, какъ и во всенародномъ, взрослые дѣвицы носили волосы открытыми и распущенными по плечамъ, при чемъ въ достаточномъ и знатномъ быту, а слѣд. и въ царскомъ, волоса бывали завиты, какъ говоритъ Корбъ „съ великолѣпнымъ изяществомъ въ искусственныя кудри“. Это можно замѣтить и на современныхъ изображеніяхъ, рис. I, II, III, V.

Другой родъ волоснаго убора, столь же обыкновенный, даже и теперь въ простомъ быту, заключался въ томъ, что волосы заплетали въ одну косу или въ двѣ косы, которыя и ниспадали назадъ къ плечамъ и по спинѣ. При этомъ въ концы косъ вплетались ленты или же бахрама, а иногда прикрѣплялась зо-

или подвѣски. Это былъ *косникъ* или *накосникъ*. VIII, 2, изображенъ такой уборъ въ двѣ косы съ нками. Но здѣсь же мы видимъ, что вмѣстѣ съ косами остаются и распущенные по сторонамъ волосы. Дѣйствительно ли треблялся и въ этомъ видѣ волосной уборъ, сказать не можемъ; но знаемъ что, напр. при вѣнцахъ, корунахъ и никахъ вѣнь всегда подавался и косникъ, который составлялъ принадлежность этихъ уборовъ и описывался, какъ составная часть. Между тѣмъ царевны въ вѣнцахъ видимы тоже распущенными по сторонамъ волосами. Можно полагать, по сторонамъ оставались только пряди волосъ, завитыхъ въ локоны, ибо локоны были очень употребительны въ дѣтскомъ уборѣ и даже въ уборѣ замужнихъ женщинъ, именно царицъ, рис. I и II.

По свидѣтельству Болтина „косу заплетали сколь можно слабѣе, дабы была она шире, раздѣливъ волосы на множество прядей и перевивъ ихъ золотыми нитками“ (упомянемъ, что подблюдная святочная пѣсня поетъ: русу косу плетучи, шелкомъ первиваючи, златомъ приплетаючи); а у богатыхъ на сѣи нитки навизывался жемчугъ. Потребно было искусство и привычка хорошо заплести косу и чтобъ она закрывала всю шею отъ самыхъ ушей и низвѣшиваясь по спинѣ, постепенно спускалась до самаго косника. Такимъ образомъ заплетенная коса представляла видъ рѣшотки искусно связанной¹.

Косникъ или *накосникъ* состоялъ главнымъ образомъ изъ кисти шелковой, золотой или жемчужной, непременно съ золотною или жемчужною *ворворкою*, какъ называлась верхняя связка кисти, скрѣплявшая въ одномъ узлѣ ея нити и состоявшая обыкновенно изъ плетенья или вязанья, которое и представляло ворворку². При устройствѣ косника эта ворворка или кистевая связка получала разнообразную форму, которая поэтому и приобрѣтала отдѣльно названіе косника въ собственномъ смыслѣ. Въ богатомъ нарядѣ она дѣлалась даже изъ металла, изъ золотой или серебряной *цки*, дощечки или листа различной формы, къ которой и прикрѣплялась необходимая кисть. Иногда эта цка устроивалась съ тремя ворворками и двумя

¹ Примѣчанія на Деклерка т. I, 437.

² Отъ *вереть*, *вратъ*, *вирать*, сплестать, плести: „ворворки враны серебромъ; петли серебряны, концы обвираны золотомъ“. Срав. веревка, вервь, веретено, завереть лапти.

кистями; одна ворворка въ такомъ случаѣ помѣщалась вверху двухъ другихъ и служила для нихъ связью. Косникъ вилетался въ косу посредствомъ шнура и *пожилимъ* (Матер. стр. 113), которые находились вверху основной ворворки.

Болтицъ описываетъ старинный косникъ „треугольникомъ въ два или три вершка шириною, сдѣланнымъ изъ картузной бумаги, обшитой шелковою тканью и унизанной въ узоръ жемчугомъ и камнями; привязывался онъ къ концу косы однимъ угломъ“. Изъ предыдущихъ указаній также видно, что косникъ и въ видѣ кисти или какой либо цки дѣлался также треугольникомъ.

Для сохраненія въ порядкѣ ниспадавшихъ по плечамъ волосъ, являлась необходимою *перевязка*, какую видимъ на рис. III, 6. Это въ обыкновенномъ повседневномъ употребленіи была простая шелковая или золотная не широкая лента. Само собою разумѣется, что она служила также и весьма красивымъ уборомъ для головы, выдѣляя своимъ цвѣтомъ, прибраннымъ къ лицу, или своими украшеніями изъ золота, жемчуга и дорогихъ камней, еще сильнѣе бѣлизну, румянность и вообще красоту лица и волосъ. Очень естественно также, что въ вырѣзкѣ по краямъ она получала разнообразную форму, какая наиболѣе нравилась. Такъ у царевны Татьяны М. (12 лѣтъ) была *перевязка* низаная съ городы; у царевны Анны М. (22 лѣтъ) упоминается *перевязочка* низаная жемчужная съ камнями. Кромѣ того иногда налобная, передняя часть перевязки устроивалась съ большимъ богатствомъ въ видѣ какого либо узорочнаго узла или фигуры. Такой перевязкѣ присвоивалось преимущественное названіе *чела*, *челки*, какъ особаго налобнаго украшенія. *Чело* упоминается еще въ духовной Калиты 1328 г. Въ числѣ даровъ дочери своей, князь Верейскій (1486 г.) упоминаетъ *челку*, низану великимъ жемчугомъ¹. Въ простонародномъ быту самая перевязка-лента носила названіе *начелка*, *начельника*, *очелка*, также *повязки* и *пдвязи*; такимъ образомъ съ именемъ перевязки соединяется смыслъ вообще головнаго начельнаго убора, который могъ имѣть весьма разнообразную форму.

Перевязка-лента обращалась въ особый уборъ съ именемъ чела или очелья и вообще повязки, когда устроивалась изъ болѣе или менѣе широкой каймы, огибавшей чело стоймя на реб-

С. Г. Г. т. I, № 21, 122.

ро, причемъ начельная часть дѣлалась обыкновенно шире или выше, въ родѣ кики, а концы сходили назадъ обрѣзами въ видѣ зубцовъ или постепенно (серповидно) уменьшались до ширины простой перевязочной тесьмы. Эти концы связывались назадъ широкими лентами, ниспадавшими внизъ по спинѣ въ видѣ лопастей, рис. VII, 3. —

Можно полагать, что подобная повязка въ XV вѣкѣ называлась *челомъ кичнымъ*, ибо въ передней части она стояла на головѣ или возвышалась кикою. Впрочемъ чело кичное могло въ дѣйствительности обозначать и одну только переднюю *чку* или доску самой кики.

Повязка, устроенная сплошною, напр. жемчужною, каймою вокругъ головы, называлась *вѣнкомъ*. Особый видъ вѣнка, который дѣлался обыкновенно изъ металлической *чки* и прорѣзывался насквозь какимъ либо узоромъ съ городками или зубцами вверху, назывался *вѣнцомъ*. Вѣнцу съ городы, т. е. съ острыми углами вокругъ, присвоено было царственное значеніе, ибо онъ и дѣланъ былъ по образцу древнѣйшихъ царскихъ вѣнцовъ, въ какихъ цари и царицы, особенно восточные изображались на монетахъ и др. памятникахъ. Такой вѣнецъ употреблялся у насъ исключительно въ дѣвичьемъ уборѣ, по той причинѣ, что его носили только на открытыхъ волосахъ. Нѣтъ сомнѣнія, какъ дѣвичій уборъ, онъ существовалъ еще въ древнемъ княжескомъ быту; удѣльный Верейскій князь Михайло Андреевичъ въ 1486 г. пожаловалъ далъ дочери своей (Марьѣ) „*вѣнецъ* царской съ городы да съ яхонты да съ лалы да съ зерны съ великими; другой *вѣнокъ* низанъ великимъ жемчугомъ“¹. Въ XVI и XVII ст. вѣнецъ составляетъ необходимый уборъ царевенъ съ малаго возраста и государевыхъ невѣстъ, когда онѣ нарекались царевнами. На рисункахъ II, III видимъ, что вѣнцы надѣвались безъ всякаго другаго убора, принадлежащаго къ тому же наряду, каковы были *рясы*, *поднизь*, *косники* или *накосники*. Однажъ въ описяхъ казны царевенъ эти принадлежности наряда описываются вмѣстѣ съ вѣнцомъ, какъ его составныя части, а потому должно заключить, что рисунки изображаютъ нарядъ не вполне. — Удѣльный князь Верейскій, отдалъ дочери (1486 г.) вмѣстѣ съ вѣнцомъ царскимъ между прочимъ и „*рясы* съ яхонты да съ лалы, колткы

¹ С. Г. Г. т. I, № 122.

золоты съ яхонты“. Рясами, какъ увидимъ, назывались длинныя пряди изъ жемчугу, каменье съ серебряными кольцами и колтами, привѣшиваемыя по сторонамъ вѣнца. Поднизь въ собственномъ смыслѣ была начальникомъ и приглядывалась къ вѣнцу съ передней, налобной его стороны въ видѣ перевязки или въ видѣ сѣтки съ жемчужными или золотыми висюльками по нижнему краю.

Свадебный вѣнецъ царицы Евдокии Лук., носимый ею, когда она наречена была невѣстою-царевною, и хранившійся потомъ въ ея казнѣ въ коробѣ новгородской за печатью ея свекрови иноки Марѣы Ив., описанъ коротко: „вѣнецъ съ каменья и съ жемчуга“, съ отмѣткою, сдѣланною впоследствии, что въ 1629 г. іюля 5 „сеѣ коробью и съ вѣнцомъ отнесъ ко государю въ хоромы Ѳед. Ст. Стрѣшневъ“; и потомъ, что въ 1629 г. авг. 30, сеѣ коробью и вѣнецъ принесъ (въ казну) отъ государя изъ хоромъ В. И. Стрѣшневъ, а сказалъ, что съ того вѣнца снято съ городовъ для государева дѣла каменье да выпорото у вѣнца изъ *косника* 5 запонъ золоты съ каменья“.

Полный нарядъ вѣнца описанъ у малолѣтней царевны Ирины Мих. У ней былъ „вѣнецъ теремчатъ о десяти верхехъ дѣланъ по золотой цѣѣ травы прорѣзные съ финифты съ розными, а въ вѣнцѣ въ нижнихъ теремахъ въ золотыхъ гнѣздохъ три яхонта червчеты гранены да три яхонта лазоревы да четыре изумруда гранены; да въ верхнихъ теремахъ въ золотыхъ же гнѣздохъ четыре яхонта червчеты да три яхонта лазоревы да три изумруда четверугольны; около верхнихъ и нижнихъ теремовъ и на низу обнизано жемчугомъ; по верхъ теремовъ на спняхъ десять зеренъ гурмыцкихъ. Подложенъ тафтою червчатую. — *Поднизь* по отласу по червчатому низана жемчугомъ большимъ и середнимъ; межъ жемчугу звѣздки золоты; у поднизи въ пяти репьяхъ жемчужныхъ 5 гнѣздъ золоты четверугольны; а въ гнѣздѣхъ 3 яхонты червчеты да 2 изумруда; по сторонамъ у поднизи по репейку жемчужному, а въ нихъ 2 изумруда невелики; да межъ большихъ репьевъ 4 репья жемчужныхъ безъ каменья; у поднизи на привѣскахъ 31 зерно гурмыцкихъ на золотыхъ спняхъ. *Рясы* жемчужныя, у рясы колодочки и колца серебряныя золочены съ финифтомъ съ червчатымъ; межъ рясы и по концомъ 6 яхонтовъ лазоревыхъ да 6 лаловъ. *Косники* по цѣѣ серебряной золоченой низанъ жемчугомъ репья;

осника низана жемчугомъ, кисть золота съ шолчатымъ“.

Въ *теремчатъ* и что означаютъ здѣсь *терема*, определить не можемъ, ибо не знаемъ типической фиашевнѣхъ, которая носила названіе терема. Она являть родъ шатровыхъ башенокъ и вообще видъ это были тоже зубцы расположенные въ два яруса вращенные въ перемежку яхонтами и изумрудами, а на концы жемчужинами.

1636 г. генв. 24 на крестины царевны Татьяны, царь приказъ пожаловалъ дочери своей царевнѣ Иринѣ новый „възолотъ съ городы, по немъ травы золоты прорѣзные съ концами съ розными; у вѣнца въ городѣхъ и межъ городовъ въ да 109 лаловъ. *Накосникъ* по цѣкѣ серебряной низанъ жемчугомъ большимъ, на концѣ у накосника ворки обнизаны жемчугомъ; въ кистей мѣсто низано жемчужнымъ мелкимъ, по концамъ перепелы серебряны золоченныя подложенъ тафтою желтою. Лагалище на вѣнцѣ деревянное обложено кожею съ поталью“. Отмѣтка: 1641 г. генв. 14 отъ вѣнца накосникъ отпоролъ боярыня княгиня Марья Кованцова и взяла къ царицѣ въ хоромы“, гдѣ вѣроятно былъ пришить къ вѣнцу другой „*косникъ* по цѣкѣ серебряной золоченой низанъ жемчугомъ, межъ жемчугу 4 изумруда да 2 яхонта лазоревы да 5 лаловъ; три ворворки да двѣ кисти жемчужныя“. Въ описи при этомъ отмѣчено: на вѣнцѣ одинъ городъ въ хоромехъ сломенъ.

Въ 1635 г. авг. 4, теремчатый вѣнецъ съ поднизью и рясами царица пожаловала царевнѣ Аннѣ, при чемъ къ вѣнцу приложенъ былъ новый „косникъ цѣка серебряна золочена, ворворка низана жемчугомъ, кисть шолкъ съ золотомъ“. А для царевны Ирины тогдаже былъ купленъ вѣнецъ *литовскій* жемчужный за 430 р., изъ котораго въ царицыной мастерской палатѣ нѣмецкіе мастера устроили для царевны коруву и еще двѣ коруны для царевенъ Анны и Софьи. Коруною назывался вѣнецъ, подобный по устройству описаннымъ выше, но съ прибавленіемъ къ нему круглой тульи, состоявшей иногда изъ отдѣльныхъ огибей, которыя, какъ радіусы въ центрѣ, соединялись въ верху, на самой маковкѣ убора, гдѣ, именно въ видѣ маковки, прикрѣплялся или дорогой большой камень или золотая высокая запона, а у царей крестъ.

Коруна царицы Ирины описывается такъ: Коруна нѣмецкое дѣло, дѣлана по цѣкъ серебряной золоченой низана жемчугомъ большимъ и среднимъ, съ городы: межъ жемчугу 24 репья золоты сѣнчаты съ финиоты съ лазоревымъ да съ бѣлымъ; подложена тафтою алою. Да къ той же корунѣ приложецъ у царицы въ хоромѣхъ прежній царевниинъ косникъ „отъ теремчатого вѣнца, подареннаго царицѣ Аннѣ. Рясы къ корунѣ были низаны жемчугомъ, промежъ жемчугу и по концамъ 10 яхонтовъ лазоревыхъ, да 8 лаловъ; колодки у рясы золоты, навожены чернью; въ колодкахъ 4 яхонта червчатыхъ да 2 изумруда да на спняхъ 18 зеренъ жемчужныхъ.

Точно также описана коруна и царицы Анны, но съ однимъ только косникомъ, переложенымъ къ корунѣ отъ теремчатого вѣнца.

Подобная же коруна царицы Софьи, перешедшая по случаю ея смерти къ царицѣ Татьянѣ, была также низана жемчугомъ съ городы по цѣкъ серебряной золоченой, межъ жемчугу на корунѣ репья золоты съ финиотомъ съ бѣлымъ да съ лазоревымъ, подложена тафтою алою; лагалище коженое съ поталью.

Такимъ образомъ и вѣнецъ и даже коруна были носимы царицами съ косникомъ и рясами, а вѣнецъ кромѣ того съ поднизью. Эти принадлежности убора составляли обычный всенародный нарядъ кичный, носимый замужними женщинами при кикахъ, съ тою разницею, что вмѣсто косника или накосника, у кикъ женщины носили *задокъ* бархатный или соболій, покрывавшій затылокъ, и называемый въ простомъ народѣ подзатыльнемъ.

Замужнія женщины собирали свои волосы въ *поддубрусникъ*, родъ повойника или легкой шапочки изъ червчатой тафты или другой подобной ткани, напр. изъ дорогихъ гиланскихъ, тоже червчатого цвѣта. Покрой поддубрусника намъ неизвѣстенъ; неизвѣстно, была ли это шапочка круглая въ родѣ тафьи или скуфьи, облегающая голову по ея овалу; или она состояла изъ окола, вѣнчика, къ которому пришивался круглый *серсъ*. Неизвѣстно также стягивалась ли она около головы снуркомъ или надѣвалась просто, какъ шапка. Впрочемъ по всему вѣроятію это былъ обыкновенный повойникъ. Прямое назначеніе поддубрусника заключалось въ томъ, чтобы подобрать и спрятать

него послѣдній волосокъ, для чего съ затылочной стороны вѣкъ употреблялся еще *подзатыльникъ*, небольшой платъ таковой же ткани, закрывавшій затылокъ. Въ описяхъ частнаго имущества въ концѣ XVII ст. (1688—1695 г.), эти предметы обозначаются такъ: шесть подзубрусниковъ тафтяныхъ, шесть подзатыльниковъ; или: десять подзубрусниковъ на оба уха съ подзатыльниками. — Судя по этимъ указаніямъ, можно думать, что подзатыльникъ употреблялся и отдѣльно, какъ особый дополнительный уборъ, и сшивался вмѣстѣ, какъ составная часть убора.

Подзубрусникъ своимъ именемъ показываетъ, что онъ служилъ только принадлежностью, подставною частью другаго убора, который назывался *убрусомъ*. Это было тонкое полотняное полотенце (полотнище), уменьшительно называемое *полкою*, *полка убрусная*. Оно украшалось или браньемъ, или шитьемъ бѣлью, или вышивалось шелками съ золотомъ и серебромъ и по концамъ и на челѣ низалось жемчугомъ¹. Убрусъ свертывался, повивался² на головѣ красивымъ узломъ, для чего безсомнѣнія требовалось не малое умѣнье и навыкъ. Концы его, *застыпки* виспадали съ повязки на сторону. Составляя такимъ образомъ, наиболее видную часть въ уборѣ, они всегда богато украшались золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и даже мелкими дробницами, т. е. разнообразными бляшками. Убрусы приваливались на головѣ въ своихъ складкахъ серебряными или золотыми булавками съ жемчужинами, корольками или же дорогими камнями. На рис. I, изображена въ такомъ убрусномъ уборѣ царица Марья Ильична и придворныя женщины. Кромѣ полотна, на убрусы употреблялись и шелковыя легкія ткани, напр. тафта, и при томъ цвѣтныя, особенно любимаго цвѣта червчатого. Въ казнѣ царицы Шуйской сохранялись 7 убрусцовъ тафтяныхъ по концамъ низаны жемчугомъ. Въ казнѣ царевны Ирины Мих. находимъ „два убруса тафта червчата, *застыпки* низаны жемчугомъ, межъ жемчугу дробницы серебряны золочены, по нихъ рѣзаны травы“. Флетчеръ называетъ этотъ уборъ общимъ именемъ *шлыкъ* и обозначаетъ его русское названіе *obrosa* (убрусъ), которое Карамзинъ (X, пр. 465) полагалъ

¹ „Убрусецъ (образной) тафта червчата, по концомъ и на челѣ низано жемчугомъ мелкимъ и шито водотомъ“. А. О. П. № 153.

² И рече Ярославъ дружинѣ: знаменайтеся, *повивайте* себѣ *убрусы* голову (1016 года). П. С. Р. Д. III, стр. 1.

объяснить *каурусою*, *каурузомъ* Но это послѣднее имя обозначало мужской головной нарядъ въ родѣ колпака съ полицами. Убрусные покровы въ простомъ быту назывались также *слусками* (Времен. кн. 25, стр. 167). Рисунки такихъ спусковъ и убрусной повязки см. IV, 1 и 4; VI, 3.

Убрусу, какъ чепчику, который повязывался на головѣ изъ убрусной полни, соответствовалъ другой уборъ, въ собственномъ смыслѣ чепчикъ или готовая особая шапочка въ этомъ родѣ. Это былъ *волосникъ*—головная сѣтка, вязаная или плетеная изъ волоченаго или пряденаго золота, или изъ серебра или изъ золота и серебра вмѣстѣ. Она по большей части *ошивалась*, украшалась по вѣнцу или околу отласною или тафтяною *ошивкою*, разныхъ цвѣтовъ, но преимущественно червчатаго, алаго или бѣлаго цвѣта, которая богато вышивалась золотомъ канителью, унизывалась жемчугомъ въ видѣ запанъ, украшалась дорогими каменьями и золот. или серебр. дробницами, т. е. металлическими запонками. Само собою разумѣется, что передняя часть украшалась богаче и узорочнѣе остальныхъ, а потому и приобрѣтала даже особое названіе *очелья*, которое иногда дѣлалось съ *подзоромъ*, т. е. съ каймою, болѣе или менѣе широкою, въ родѣ дѣвичьей повязки. Такъ какъ *ошивка* въ этомъ уборѣ составляла самую видную и богатую часть, то нерѣдко весь уборъ назывался однимъ именемъ — *ошивкою*, при которой подразумевался и волосникъ; и наоборотъ, если ошивка была простая шелковая, или золотная, незатѣйливая, то уборъ удерживалъ только имя волосника. Впрочемъ въ описяхъ имущества для точности ошивка обозначалась отдѣльно отъ волосника, который нерѣдко назывался и просто *сѣткою*. По способамъ вязанья и вышиванья *въ-цѣпки*, цѣпочками или *въ-кружки*, кружками, и ошивка и волосникъ назывались цѣпковыми, кружковыми. Ошивка, сверхъ того, по большей части украшалась *паворозами*, особыми борами, сборками, въ видѣ каймы, которыя служили вмѣстѣ съ тѣмъ связью для всего убора, ибо устраивались перекрестно на темени сѣтки или волосника и окаймляли уборъ или самую ошивку по околу головы. Здѣсь паворозы служили и задерешкою, снуркомъ, посредствомъ котораго уборъ стягивался по головѣ ¹.

¹ Паворозы тоже, что пворъ, поворцы—веревки, конми связывается на возахъ сѣно, дрова; а также переметны, плетеницы на стогахъ,

Такимъ образомъ волосниковый уборъ составлялъ легкую шапочку, которая въ народномъ быту называлась *зборникомъ*¹, а въ Петровское время стала называться *челюкомъ*, по той причинѣ, что для ея изготовленія употреблялся преимущественно одинъ наиболее красивый способъ шитья шелками и золотомъ, именно *въ-цѣпки, цѣпковый*, или по старому произношенію *чепковидъ*, въ родѣ тамбурной работы. Въ XVIII ст. старинная форма убора стала измѣняться, приравливаясь къ потребностямъ европейскаго костюма; въ послѣдствіи она получила самыя разнообразныя видоизмѣненія, подчинившись прихотямъ моды; но старое русское имя сохранилось до нашего времени. Въ началѣ XVII ст. эту шапочку, волосникъ съ ошивкою и съ паворозами, или чепецъ, носили сверхъ убруса, какъ это видно на рисункѣ IV, 2. Въ послѣдующее время ее надѣвали и подъ убрусъ, выставляя только переднюю часть ошивки. Такой порядокъ въ употребленіи этихъ уборовъ могъ зависѣть отъ ихъ относительнаго другъ къ другу богатства. Более дорогой и роскошный убрусъ бралъ верхъ и надѣвался на ошивку, такъ какъ и болѣе богатая и роскошная ошивка въ свой чередъ покрывала простой незатѣйливый или менѣе богатый убрусъ.

Въ началѣ XVII ст. ошивка, или особый ея видъ, назывался *шамшурою*. Въ переписномъ продажномъ спискѣ рухляди Никиты Строганова 1620 г. упомянуты между прочими вещами: Шамшура шита золотомъ по бѣлой землѣ, *очелье* шито золотомъ и серебромъ. Шамшура плетеная съ метлеками, очелье шито золотомъ. Волосникъ, паворозы. Подъубрусникъ. Очелье волосниковое².

служащія связкою стога. Слово, какъ и ворворка, отъ тогоже корня вереть, вирать, врать—плести, сплетать. У Даля: паворозъ, паворозень—задѣрка у мѣшка, кошеля; вздѣвка, затяжка, завязка, обора, гачникъ (т. е. вообще снурокъ, коимъ стягивается что либо на петляхъ или на сборкахъ; могло обозначать и собственно *оборку*).

¹ По объясненію Акад. Словаря, *зборникъ* головной женскій уборъ, въ простомъ народѣ употребляемый, состоящій изъ начельника и верхушки, спереди съ сборами, а сзади стягивается шнуркомъ⁴. Онъ прямо называется также *волосникомъ*. См. Шевырева повздуку въ Кирилл. Бѣлоз. монастырь I, 132.

² Въ областномъ словарѣ шамшура—холстинный чепецъ, носимый замужними женщинами подъ кокошникомъ (Арх. Перм.); также (кокошникъ, повойникъ (Сибир.) Метлякъ—бабочка, мотылекъ (Перм.).

Въ описахъ частнаго имущества встрѣчаемъ слѣдующія описанія ошивокъ: 1643 г. — ошивка низаная волосникъ золотной, цѣна 10 р.; ошивка шита волоченымъ золотомъ волосникъ золотной, цѣна 4 р. — 1666 г. — ошивка низаная сѣтка золотная, другая ошивка цѣпковая сѣтка серебряная. 1674 г. — два волосника золотные, у одного ошивка жемчужная низаная съ камнемъ и съ зерны, другая золотная. 1677 г. — волосникъ золотной ошивка жемчужная съ запоны и съ каменьи; два волосника золотныхъ ошивки у нихъ жемчужные низаны въ одно зерно; пять волосниковъ золотныхъ и серебряныхъ съ разными ошивками. 1689 г. — ошивка канительная по бѣлому отласу, сѣтка серебро съ золотомъ.

Подобно тому какъ дѣвичій вѣнецъ имѣлъ значеніе какъ бы короны дѣвчества, такъ и *кика* была короною замужнихъ женщинъ или короною замужества, вѣнцомъ брачной жизни. Поэтому на свадьбахъ вмѣстѣ съ подубрусникомъ, подзатыльникомъ, убрусомъ и волосникомъ она принадлежитъ къ числу брачныхъ женскихъ регалій и занимаетъ среди ихъ первое мѣсто.

Въ царицыномъ быту рядомъ съ кикою появляется и царственная регалія, *коруна*, обозначающая царственное достоинство царицыной личности; но кика, какъ завѣтная и нерушимая старина, сохраняетъ и здѣсь свое первенствующее значеніе, по крайней мѣрѣ при свадебномъ обрядѣ, и даже въ описахъ казны ставится на свое, первое, мѣсто. О царицыныхъ корунахъ мы имѣемъ мало свѣдѣній и находимъ упоминаніе объ нихъ только въ описи казны царицы Агаѣи Сем. Тамъ въ первой главѣ описаны слѣд. наряды: „Кика 1 наряду во влагалищѣ бархатномъ за хоромною печатью. Кика 2 наряду во влагалищѣ бархатномъ за хоромною печатью“. Во второй главѣ значится: „Двѣ коруны низаны жемчугомъ съ каменьи, 1 да 2 нарядовъ, во влагалищахъ бархатныхъ за хоромною печатью. Коруна низана жемчугомъ съ каменьи 3 наряда, во влагалищѣ сафьянномъ за печатью хоромною. Коруна дѣлава въ цвѣтахъ живые репьи шолки розныхъ цвѣтовъ обнизаны жемчугомъ, во влагалищѣ сафьянномъ“ (А. О. П. № 148).

Коруна отъ кики отличалась своею формою, именно коронною, кронистою, тульею изъ огибей или изъ цѣлой цки, собранной какъ скуфья надъ обычнымъ вѣнцомъ.

Обыкновенная и древнѣйшая форма кики представляла тулью въ родѣ обыкновеннаго картуза, т. е. состояла изъ *подзора*, какъ бы пояса, вышиною въ 3 или 4 вершка, облегавшаго вокругъ голову, и изъ круга, плоскаго или устроеннаго по овалу, который помѣщался на верху, т. е. на темени. Ширина или діаметръ этого круга, собственно кичной верхушки, всегда дѣлалась вершка на $1\frac{1}{2}$ и на 2 больше ширины въ вѣнцѣ или въ лобной части кики, такъ что кика къ верху постепенно расширялась, а въ самомъ верху, гдѣ вшивался кругъ, устраивалась нѣсколько разваломъ, рис. III, 7; VI, 2; VIII, 1.

Таковую форму кики встрѣчаемъ еще у античныхъ грековъ, по крайней мѣрѣ въ ихъ черноморскихъ поселеніяхъ, не только на рисункахъ, но и въ самыхъ предметахъ, открытыхъ въ 1864 г. на Таманскомъ полуостровѣ, о чемъ говорили выше, стр. 573.

Тулья кики и съ верхомъ сшивалась изъ какой либо простой ткани на александрійской картузной бумагѣ и проклеивалась рыбьимъ клеємъ, а затѣмъ покрывалась атласомъ или другою подобною тканью яркаго, обыкновенно червчатаго цвѣта; иногда она покрывалась золотою или серебряною *цкою*, дскою, т. е. тонкимъ листомъ изъ этого металла. Эта именно цка металлическая или золотная и атласная составляла *подзоръ* кики, т. е. ея поясъ, кайму. Есть указаніе, что кичный подзоръ дѣлался изъ *перпы* или ворвани, тюленьей кожи, крашеной вѣроятно въ бѣлый цвѣтъ для бѣлыхъ кикъ. Въ казѣ дарицы Евдокіи Лук. хранились: двѣ ворвани, одна дѣланая, а другая недѣланая, черные; и тѣ ворвани пошли въ дѣло къ царицынымъ кикамъ“. По всему подзору или собственно по тульѣ ставились золотыя или серебряныя вызолоченныя запоны, репы различной формы, съ дорогими цвѣтными камнями, алмазами, яхонтами лазоревыми и червчатыми, изумрудами, лалами, бирюзами или достоканами (хрусталами), такихъ же цвѣтовъ. Межъ запонъ по мѣстамъ ставились тоже камни отдѣльно въ металлическихъ гнѣздахъ, и вообще весь подзоръ убирался подобными драгоценностями въ видѣ какого либо роскошнаго узора.

Передняя налобная часть кичнаго подзора, разумѣется, убиралась съ большимъ богатствомъ и особою затѣйливостью относительно узора. Она нерѣдко устраивалась отдѣльно отъ кики и прикрѣплялась къ ней смотря по надобности. Какъ отдѣльная часть, она получила и особое названіе; въ старину ее называли *челомъ кичнымъ*, а въ концѣ XVII ст. *переденкою*. Въ

казнѣ В. К. Дмитрія Ив. († 1509) хранилось „чело кичное золото съ яхонты и съ жемчуги и съ жемчужинами и съ плохимъ каменьемъ.

Конечно, во всемъ женскомъ нарядѣ и уборѣ бива сама по себѣ представляла подзоръ или такую часть, которая бросалась въ глаза, наиболѣе была видима; подзорный значитъ видный, также верхній, возвышенный, находящійся на видномъ мѣстѣ.

Кромѣ дорогихъ камней подзоръ особенно напередѣ убирался обыкновенно *пеленками* или *переперками*, *переперами* и *живыми рещами*, т. е. металлическими, б. ч. серебряными. булавами въ родѣ перышекъ, и другихъ подобныхъ фигуръ, которыя отъ движенія головы качались, дрожали и тѣмъ производили еще больше блеску во всемъ уборѣ. Подобнымъ образомъ были убраны кичи къ свадьбѣ царицы Евдокии Лук. въ 1626 г. Тогда старого государева двора серебряный мастеръ Давыдъ Омеляновъ дѣлалъ серебр. *чку* къ царицыной кикѣ, *спни* къ гурмыцкимъ зернамъ, золотые *иньзда* къ каменьямъ, и на живые рещи 12 чашекъ золотыхъ, да 12 трубокъ; а въ мастерской полатѣ употреблено 4 золотника волоченого серебра къ царицынымъ *кикамъ чпллять пеленки*. Уборка кикъ переперами идетъ изъ древности. Въ казнѣ в. к. Дмитрія Ив. († 1509) хранились „три переперы кичные серебряны золочены съ яхонты и съ плохимъ каменьемъ; и 11 запонокъ съ переперы съ яхонты и съ лалы и съ жемчугомъ и съ плохимъ каменьемъ (С. Г. Г. I, № 147).

Внизу подзора или тульи, со стороны лобной части, прикрѣплялась *поднизь*, особая золотная вязенная сѣтка, низаная жемчугомъ со вставкою по мѣстамъ жемчужныхъ же рещевъ съ каменьями или просто большихъ гурмыцкихъ жемчужинъ. Поднизь окаймлялась также гурмыцкими зернами. Въ нижней ея части, ниспадавшей по лбу, ставились въ привѣскѣ на спняхъ всегда самыя лучшія зерна, т. е. самыя крупныя и особенно круглыя или же отличавшіяся своею фигурою, *уродоватыя*. Кромѣ того нижняя кайма поднизи украшалась какими либо тоже жемчужными или металлическими фигурами, въ родѣ рещевъ, коронокъ, звѣздокъ и т. п., которыя при движеніи головы тряслись и блистали, какъ объ этомъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ и Таннеръ, видѣвшій, при своемъ вѣздѣ въ Москву между множествомъ народа и многихъ женщинъ, безъ милосердія набѣленныхъ и нарумяненныхъ: у нихъ у кикъ свѣшивались на лобъ серебряныя звѣздочки, которыя тряслись

Подзоръ надъ самою поднизью убирался также особою
 какихъ либо фигуръ. На одной изъ кикъ дарицы
 такая кайма состояла изъ пяти птицъ, снизан-
 емчуга и утвержденныхъ на золотыхъ сняхъ (бу-
 едь что онѣ вѣроятно выдавались изъ убора нѣ-
 едь.

Въ части киви, въ нижней каймѣ подзора, приерѣплялся
 и платъ изъ чернаго бархата или изъ соболя, на
 ялся одинъ цѣлый мѣхъ соболя, которымъ опредѣ-
 я личина этого платъ.

Въ какомъ видѣ кроился этотъ задокъ, сказать утвердитель-
 не можемъ. Должно полагать, что платъ, дабы онъ способ-
 н малъ около шеи, долженъ былъ дѣлиться на *лепести*,
 въ емъ концѣ онъ разрѣзался, вѣроятно, на 3 закру-
 ы доли, которыя и составляли лепести, одну въ срединѣ
 подзатыльи, а двѣ по сторонамъ. Бархатные и соболя
 подкладывались обыкновенно тафтою. О такихъ тафта-
 лепестяхъ упоминается при изготовленіи бѣлыхъ кикъ
 ы Марьи Ил.; рисунокъ ихъ, вѣроятно, былъ подобенъ
 етямъ каптура, см. рис. II, 16.

Ичина уборная казна не была однако слишкомъ богата
 киками. У царицы Евдокии Лук. было всего пять кикъ, изъ
 числа которыхъ одну перваго наряда царь Михаилъ подарилъ
 своей двухлѣтней дочери царицѣ Иринѣ въ 1629 г. іюля 3
 (по другому свидѣтельству ноября 3). Эта кика описана слѣд.
 образомъ: кика отласъ червчатъ на ней запоны золоты съ ка-
 меньемъ съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды; у поднизи зерна
 гурмыцкіе на золотыхъ сняхъ; назади бархатъ черной. Осталь-
 ныя: *Кика* отласъ червчатъ, на ней цѣка золота, по цѣкѣ въ репьяхъ
 камень въ гнѣздѣхъ яхонты лазоревы и червчаты и изумруды,
 въ поднизи зерна гурмыцкіе на сняхъ, назади бархатъ черной.
Кика отласъ червчатъ запоны золоты съ камнемъ съ алмазы
 и съ яхонты и съ изумруды, межъ запонъ въ гнѣздѣхъ яхонты
 лазоревы червчаты и лалы. Въ поднизи репья низаны (жемчу-
 гомъ) съ камнями; по краемъ у поднизи зерна гурмыцкіе; а по
 кикѣ на сняхъ золотыхъ птицы (5 птицъ) низаны жемчугомъ;
 назади бархатъ черной. *Кика* бѣлая, у ней запоны золоты съ
 камнемъ съ яхонты и съ лалы и съ изумруды и съ брю-
 зами; назади соболя. *Кика* бѣлаяжъ, у ней цѣка серебряна зо-
 лочена; назади соболя.

У царицы Марьи Ил. находимъ 4 кики, тѣже самыя, которыя съ добавленіемъ одной перешли и къ царицѣ Натальѣ Кир. Вновь поступившая кика принадлежала царевнѣ Иривѣ Мих. и кажется была только богаче украшена и быть можетъ передѣлана изъ указанной выше, подаренной ей отцомъ. Она описывается такъ: кика — отгласъ червчатъ, на ней запоны золоты съ алмазы и съ яхонты червчатыми и съ лазоревыми и съ изумруды; въ одной запонѣ орелъ одноглавой, въ немъ яхонтъ лазоревъ; въ поднизи цка золотая, по ней низано жемчугомъ живые репши съ камени; въ поднизи зерна гурмыцкіе на золотыхъ спняхъ; позади бархатъ черный (Бывала царевны Ирины Мих. и поставлена та кика еѣ государыни царевны въ казну, 1676 г.).

У царицы Агафьи Сем. было двѣ кики, одна 1-го наряда, другая 2 наряда, которыя хранились въ бархатныхъ влагаллицахъ за хорошною печатью, а потому подробно и не описаны.

Переходя по наслѣдству отъ одной царицы къ другой, кики, разумѣется, возобновлялись и переправлялись, особенно въ тѣхъ частяхъ, напр. задкахъ, которыя могли быть занашиваемы.

У кикъ былъ еще уборъ, составлявшій необходимую ихъ принадлежность, это были *рясы*, длинныя пряди изъ жемчугу въ перемежку съ дорогими каменьями и съ золотыми пронизками (бусами различной формы и работы). Пряди бывали двойныя, тройныя, четверныя и т. д., отчего и рясы назывались *тройными*, *четверными* и т. п. Пряди утверждались въ верхней части въ золотыя же колодки или лапки съ кольцами, посредствомъ которыхъ рясы привѣшивались къ кикѣ по сторонамъ, надъ висками, и слѣд. ниспадали внизъ къ плечамъ, или на грудь. Иногда промежъ жемчугу помѣщались, вмѣсто пронизокъ-бусъ, тоже колодки или лапки съ дорогими каменьями, также орлики и другія фигурки изъ золота ¹. У царицы Евдо-

¹ Нѣтъ сомнѣнія, что слово *рясы* одного значенія съ *рясами*, рясницами, т. е. въ отношеніи какого либо убора, украшенія оно обозначало вообще что либо сходное съ бахрамою, прядями, кистями, мохрами, также сборками, зубчиками и т. п. Южная пѣсня, обращаясь къ дубу, говоритъ: листья твои *рясы*; рясою въ Тульской губ. называются сѣмена березы; *ряски* — изодранное платье, отрепье, лохмотье, мохры; онъ весь въ *ряскахъ*, *ряска* на *ряскѣ*, говорятъ въ Вологодской губ. Отсюда понятенъ и старинный способъ низанья жемчугомъ въ *ряскую*, *рясою*, *ряскою*, въ отличіе отъ низанья въ одно зерно. Въ старинныхъ кичныхъ уборахъ рясами, какъ мы видѣли, назывались длинныя жемчужныя пряди, по всему вѣроятію въ единичномъ смыслѣ *рясы*, какъ только

гій Лук. въ 1626—1627 гг. было четверо вичныхъ рясъ: *Рясы* жемчужные, а въ нихъ промежь жемчюгу и по концамъ 16 яхонтовъ лазоревыхъ да 8 лаловъ, да промежь жемчюгу и каменя 16 пронизокъ золоты репейчаты проръзаны съ финифты съ розными; по сторонамъ у пронизокъ въ гнѣздѣхъ искорки яхонтовые да изумрудные. У рясъ колодки и кольца золоты съ финифты съ розными, около колодокъ веревочки низаны жемчюгомъ, у колодокъ въ гнѣздѣхъ 4 алмаза да 4 яхонта червчатыхъ гранены да два изумруда. *Рясы* жемчужные, а въ нихъ промежь жемчюгу и по концомъ 24 яхонты лазоревыхъ да 8 пронизокъ золоты съ чернью; по сторонамъ у пронизокъ въ гнѣздѣхъ искорки яхонтовые да изумрудные; у рясъ колодки и кольца золоты съ чернью, въ колодкахъ четыре алмазы гранены да четыре яхонты червчатыхъ да 2 изумруда, да у колодокъ же 24 зерна невелики на спняхъ золотыхъ (Отмѣта: 143 г. авг. 14, съ рясы царица пожаловала дочери своей царевнѣ Иривѣ М.). — *Рясы* жемчужные, промежь рясъ и по концомъ 18 колодокъ золоты съ чернью, у колодокъ по сторонамъ искорки яхонтовые да изумрудные; у рясъ колодки золоты съ чернью на три грани, въ колодкахъ 8 яхонтиковъ червчатыхъ да 2 искорки яхонтовыхъ лазоревыхъ да два изумруда; поверхъ колодокъ 2 прониски съ колцы золоты, въ пронискахъ искорочки яхонтовые да изумрудные. (И 136 г. ноября въ 8 д. съ рясы государыни царица и в. к. Евд. Лук. приложила къ чудотворному образу къ Знаменію Пречистыя Богородицы, что у государева Старова двора). *Рясы* жемчужные, а въ нихъ промежь жемчюгу и по концомъ орлики золоты, въ орликахъ искорки лаловые да бирюзки. (И 135 г. апрѣля въ 23 д. съ рясы государыни царица и в. к. Евд. Лук. приложила къ чудотворному образу Пречистыя Богородицы Владимирскіе, что стоятъ въ соборной церкви Рождства Преч. Богородицы на снѣхъ).

снизанной пряди, нити. Въ областномъ же быту значеніе этого слова распространено: *Ряски* значить 1) жемчугъ или бусы, вынизанные на шелку и поставленные *сборами*. 2) Привѣска жемчужная, пришиваемая къ кокошнику у женщинъ и къ вѣнцу у дѣвицъ для украшенія лба (Твер.), или жемчужная рѣшетка, сѣтка, пришиваемая къ передней части кокошника или вѣнца (Псков.), что въ другихъ мѣстахъ и въ допетровскомъ уборѣ, какъ видѣли, называется поднизью. Наконецъ рясами зовутся жемчужныя серги и жемчужныя ихъ подвѣски (Арх. Волог., — Области. Словарь и Даля — Толковый Словарь).

Въ лѣтнее время при выѣздахъ въ богомольные и другіе походы царицы надѣвали *шляпы* бѣлыя поярковыя съ круглою тульею и съ полями вершка въ 2 и болѣе ширины, рис. IV, VI. Иностранцы находили эти шляпы сходными съ клобуками ихъ епископовъ. Дѣйствительно шляпы были мужскаго образца. Наружная ихъ сторона покрывалась обыкновенно левкасомъ изъ бѣлнзъ (въ обычныхъ случаяхъ изъ мѣлу) и рыбаго клея, что придавало убору глянцовитый, лоснящійся видъ и сохраняло отъ дождя. Ихъ поля, называемыя *полками* съ исподи подбивались гладкимъ или золотнымъ атласомъ червчатаго цвѣта, а по краямъ обшивались тафтянымъ торочкомъ; внутри, въ тульѣ, шляпы подкладывались гладкимъ такимъ же атласомъ, если полки были золотныя, или тафтою, червчатою, зеленою и другихъ цвѣтовъ. Кромѣ того шляпа всегда украшалась *снуромъ*, атласною или тафтяною лентою, вышитою золотомъ, низанною жемчугомъ, убранною запанами съ дорогими каменьями. Эта лента огибала шляпу по вѣнцу тульи и черезъ полку двумя концами ниспадала къ плечамъ, съ боку, или по заду къ спинѣ. На концахъ сверхъ того висѣли низанные же *фуники* или *спичи* и кисти. Въ XVI ст. шляпы царицъ убирались съ особымъ богатствомъ. Въ 1585 г. мая 21, царицѣ Иринѣ Феодоровнѣ была дѣлана шляпа большаго наряда тремя золотопшевнями мужчинами, Мартыномъ Петровымъ, Юрьемъ Андреевымъ и Богданомъ Григорьевымъ, которые за то получили въ награду по сукну въ 2 р. и деньгами по 2 р.¹ Довольно значительная награда показываетъ, что шляпа была устроена съ большимъ искусствомъ. Въ казнѣ царицы Шуйской хранились „шестеры шнуры съ кистями шиты золотомъ и серебромъ съ шолки; 4 шнуры шиты по бѣлой тафтѣ розными шолки, на концѣхъ кисти шолкъ червчатъ. Снуръ шляпочной дѣланъ картунелью и трунцалы съ жемчуги, подложенъ тафтою зеленою“, 4 кружива снурныхъ, 2 низаны жемчугомъ, а 2 шиты золотомъ и серебромъ. 2 *фуника* отъ снуръ низаны жемчугомъ.

Въ числѣ уборовъ царицы Евдокіи Лук. находилось всего только семь шляпъ: „*шляпа* валеная бѣла, у ней полки по отласу по червчатому низано жемчугомъ съ канителью, а въ ней подложено отласомъ же червчатымъ; вторая — полки подложены атласъ съ серебромъ; третья — полки — атласъ золотной,

¹ Доп. А. И. I, № 131.

четвертая подложена атласомъ золотнымъ по червчатой землѣ травы и опахала. (Въ 1631 г. мая 16 эту шляпу царица пожаловала своей сестрѣ Федосѣ Лув. Матюшкиной). Пятая — полки по отласу по червчатому дѣланы трунцаломъ травы; и еще двѣ шляпы подпушены полки отласомъ золотнымъ по червчатой землѣ, по одномъ отласѣ травки велики, а по другомъ травы мелковаты съ шолки съ розными. Всѣ шляпы въ тульяхъ имѣли атласную червчатую подкладку. Къ нимъ принадлежали три шнура шляпочные: *Снуръ* по отласу по червчатому низанъ жемчугомъ большимъ съ канителью, въ немъ запоны золоты съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды, промежъ запонъ и сверху и съ исподи въ гнѣздѣхъ камень яхонты и лалы и изумруды. Другой такой же, съ тѣмъ только отличіемъ, что въ числѣ камней находились бирюзы и не было лаловъ. Третій *снуръ* — по цѣкъ серебряной золоченой низанъ жемчугомъ, въ немъ 4 запоны золоты съ финифты и съ камени съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды, межъ запанъ три изумруда.

У царицы Марьи Ильичны находимъ въ первое время шесть шляпъ и три шнура, а по ея кончинѣ оставалось 4 шляпы и 2 шнура, которые перешли въ казну царицы Натальи Кпр.

Но всѣ эти шляпы и шнуры были устроены еще царицею Евдокѣею и вѣроятно при надобности только подновлялись или передѣлывались по мѣрѣ. Въ общей описи казны царицъ Марьи и Натальи, 1676 г., о снурѣ перваго наряду, принадлежавшемъ и царицѣ Евдокѣѣ (см. выше) находится слѣдующая отмѣтка: 184 г. февр. 20 изъ сего шнура запона предняя вынета и *спицы* и кисти отняты, и нашиты на снуръ большого наряду, что дѣланъ въ нынѣшнемъ во 184 г. къ троецкому походу. И 185 г. окт. 15 спицы низаны съ кистми золотными выданы изъ хормъ, а на кистяхъ жемчугу нѣтъ.

Наиболѣе обыкновеннымъ головнымъ нарядомъ особенно въ осеннее и зимнее время были *шапки*, а исключительно зимою, треухи и каптуры. *Шапка* состояла изъ *верха*, т. е. тульи и *пуха* или опушки, мѣховаго окола. Шапки, носимыя женщинами, отличались отчасти формою, а больше украшеніями верха отъ мужскихъ и потому назывались *женскими*. *Верхъ* или *вершокъ* сшивался изъ шелковой, а чаще изъ золотной ткани или кругло (сферически) или конусообразно или дѣлался столбуномъ (цилиндромъ).

Въ мужскихъ шапкахъ круглый верхъ б. ч. дѣлался вдвое выше, чѣмъ у женскихъ, и притомъ конусообразно; между тѣмъ какъ женскій образецъ придерживался правильной полусферы. Другое отличие женскихъ шапокъ отъ мужскихъ заключалось въ кройкѣ окола. Дѣвичьи шапки въ этомъ отношеніи мало отличались; но шапки замужнихъ женщинъ, кроились нѣсколько иначе, именно околъ, или собственно пухъ, начиная съ боковъ опускался вершка на 2 на затылокъ съ тою цѣлью, чтобы и этимъ нарядомъ скрыть отъ людскихъ глазъ свои волосы. Спереди въ налобной части точно также оставался небольшой *мысокъ* вѣроятно съ цѣлью придать наряду большую красоту а лицу выразительность. Оттого у женскихъ шапокъ околъ носилъ исключительное названіе *пуха*, ибо кроился не ровно, а смотря по фигурѣ выема, см. рис. V, 2 и др.

Вершокъ женскихъ шапокъ перваго наряда всегда украшался съ большимъ богатствомъ и съ большою затѣйливостью золотымъ шитьемъ, жемчужнымъ саженемъ съ камнями, переперами, запонами и тому подобными прикрасами. Естественно, что такія украшенія трудно было ставить на мягкой тульѣ, и потому было необходимо устроить ее подклеиную, какъ у шляпъ; *шапочные подклейки* дѣлались изъ александрійской (картузной) бумаги и зайчины, или изъ клееной легкой ткани; для простыхъ шапокъ на это употреблялась клейная крашенина. Въ кроеніе на вершокъ шапки выходило атласу подъ золотное шитье 5 вер., шириною около аршина, слѣд. тулья верха вышиною бывала не менѣе 4 вершковъ. *Пухъ* или опушка, околъ, кроился изъ боброваго чернаго мѣха, на что выходило два бобра.

Для большей красоты между блестящею золотомъ или серебромъ, жемчугомъ и камнями тульею и ея бобровымъ околкомъ помѣщали почти всегда особую кайму изъ золотнаго *плетенька* или *полска*, который пришивался поверхъ пуха или окола, и изъ бобровой же *накладки*, или *накладнаго пуха*, узенькой мѣховой ленточки, которая отдѣляла плетенекъ отъ узоровъ и украшеній богатой тульи. Такое раздѣленіе мѣха отъ тульи золотно-мѣховою каемкою въ дѣйствительности придавало наряду не мало красоты и узорочности. На накладку выходило мѣху 2 звена, т. е. двѣ части или половина цѣлаго боброваго мѣха. Иногда вмѣстѣ съ этою каймою или взамѣнъ накладнаго пуха употреблялось золотное плетеное или кованое кружево. Мы го-

ворили, что въ шапкахъ перваго наряда тулья всегда украшалась богато и затѣйливо. Кромѣ золотого шитья съ канителью трунцаломъ, бганью и т. п., и жемчужнаго низанья съ каменьями, живыми репьями, переперами и пр. въ видѣ разнообразныхъ травъ и узоровъ, эти тульи очень часто украшались и низанными изъ жемчуга или шитыми золотомъ изображеніями различныхъ животныхъ, особенно птицъ. Бывали низаны орлы двоеглавыя и даже осмиглавыя, ироги (единороги), павы, птички, звѣрки.

Внутри тульи подкладывалась у холодныхъ шапокъ атласомъ червчатымъ, а у теплыхъ легкимъ мѣхомъ, обыкновенно черевами бѣлыми.

Для сохранности шапокъ съ богатыми уборами полагались на нихъ тафтяныя *чезлы* и хранились онѣ въ Мастерской Палатѣ на шапочныхъ *столбунцахъ* или болванахъ.

Мы замѣтили, что шапки, носимыя дѣвцами походили на мужскія. Онѣ дѣлались съ *околоми* въ собственномъ значеніи, т. е. ихъ мѣховая опушка огибала голову вѣнкомъ и не опускалась на затылокъ, какъ пухъ у женскихъ шапокъ. При томъ и околы ихъ бывали обыкновенно соболями, особенно у шапокъ нарядныхъ; околъ изъ боброваго пуха ставился на шапкахъ повседневныхъ, побѣдѣе. Кромѣ того, какъ дѣвочки такъ и женскія шапки не имѣли, подобно мужскимъ *прорѣзъ*, передней и задней. Шапки царевны Ирины описываются слѣдующимъ образомъ: Шапка околъ соболей, тулея отласъ золотной по червчатой землѣ, по отласу низано жемчугомъ, межъ жемчугу репья золоты съ финифты съ разными, да репьяжъ канительные съ жемчуги, межъ репьевъ вшита запона золота, а въ ней 21 яхонтъ, червчаты. Шапка — околъ соболей, тулея отласъ серебрянъ по алой землѣ. Шапка — околъ соболей тулея отласъ золотной по зеленой землѣ. Шапка отласъ алъ съ пухомъ круживо золотное кованое. (И тоѣ шапку пожаловала государыня нѣмкѣ Дункѣ). Шапка шита по бѣлому отласу цѣпи золоты, звески (звѣздки) съ шелки съ розными, поверхъ пуху плетенежъ золотной; — и пр.

Кромѣ этого образца дѣвицы въ зимнее время носили шапки лисья черныя, *зорлатныя* и *черевы*. Такъ исключительно назывались высокія прямыя шапки, у которыхъ вся тулья, выш. отъ 6 до 8 вершковъ, была мѣховая. Въ вершинѣ такія шапки дѣлались нѣсколько шире, чѣмъ въ вѣнцѣ. Въ нихъ обыкно-

венно являлись бояре при посольскихъ приемахъ, отчего онѣ и носятъ названіе шапокъ боярскихъ. На устройство ихъ тулья, на подкладку употреблялась ирха (выдѣланная кожа) и роддуга или ровдуга—замша. См. рис. IV, 7; VI, 2; VII, 2, 4.

Черевья или горлатная шапка была необходима для новобрачной, ибо по свадебному чину, новобрачная должна была въ ней выходить въ хоромы на другой день свадьбы, когда ее торжественно подымали съ постели сваха и боярыни; поэтому мы находимъ такія лисья шапки и у царицъ въ казнѣ ¹.

¹ У царицы Евдокии Лук. описаны шапки: Шапка лисья горлатная. (135 г. марта 22, государь—взялъ себѣ шапку и отдалъ въ свою г-ву Мастерскую Полату.) Шапка лисья черевья. (137 г. іюня 14, царица была въ своей государственной казнѣ и та шапка отнесена за нею государынею ко государю въ хоромы).

Шапка по отласу по червчатому низана жемчугомъ съ канителью, на ней 17 яхонтовъ лазоревыхъ, подъ низаньемъ поверхъ пуху плетенекъ золотой съ пухомъ. (И съ той шапки выпоротъ камень и взятъ къ царицѣ въ хоромы. 147 г. мая 25, себѣ шапку царица пожаловала сыну своему царевичу Алексію Михайловичу.) Двѣ *шапки* по отласу червчатому низаны жемчугомъ съ канителью и съ трупцаломъ и съ перепелы. У шапокъ плетенья золотныя съ пухи; и изъ тѣхъ шапокъ одну шапку пожаловала царица — Ивановѣ женѣ Матюшкина Ѳеодосѣ. *Шапка* участокъ двойной по серебряной землѣ листья золоты круживо низано жемчугомъ съ пухомъ, подложена отласомъ червчатымъ. (145 г. авг. 20, тоѣ шапку царица пожаловала Семеновѣ женѣ Лукьяновича Стрешнева Марѣ Алексѣевнѣ.) *Шапка* участокъ по серебряной землѣ травы золоты въ цвѣтахъ шолкъ червчатъ да зеленъ, съ пухомъ. И тоѣ шапку царица пожаловала матери своей Аннѣ Костентиновнѣ. *Шапка* отласъ по зеленой землѣ травы и листья и репья золоты, въ травахъ и въ репьяхъ шолкъ червчатъ да бѣлъ да зеленъ; поверхъ пуху пояска золотной плетеной съ пухомъ. (140 г. окт. 18, себѣ шапку царица пожаловала матери своей Аннѣ Костентиновнѣ.) *Шапка* по червчатому отласу шита золотомъ да серебромъ волоченымъ травы и репья, подъ шитьемъ пояска золотной съ пухомъ, подложена отласомъ червчатымъ. (И тоѣ шапку царица пожаловала боярина кн. Ив. Борис. Черкаскаго княгинѣ Овдотѣ Васильевнѣ). *Шапка* отласъ червчатъ, круживо низано съ городы и съ переперы, въ круживѣ 9 яхонтовъ червчатыхъ да 9 изумрудовъ въ гнѣздѣхъ, пониже кружива плетенекъ золотной съ пухомъ. *Шапка* отласъ бѣлъ круживо низано по цѣвѣ съ городы и съ перепелы въ круживѣ 10 яхонтовъ червчатыхъ да 8 изумрудовъ въ гнѣздѣхъ, пониже кружива плетенекъ золотной съ пухомъ.

Шапка дѣлана по цѣвѣ серебряной золоченой репья живые низаны жемчугомъ съ перепелы, въ репьяхъ камень розныя яхонты червчаты и лады и изумруды; круживо у шапки низано жемчугомъ большимъ,

Столбунцами назывались шапки цилиндрической формы съ прямою тульею, которая бывала или вся мѣховая, обыкновенно соболья, или изъ шелковыхъ и золотныхъ тканей, изъ атласа бархата, обьяри зорбава и т. п., съ пластинчатою собольею опушкою. Вершокъ или *кругъ* въ обоихъ случаяхъ кроился также изъ шелковыхъ и золотныхъ тканей, и украшался иногда жем-

межь кружива репы живыежь низаны жемчугомъ, въ репяхъ камень алмазы и яхонты червчаты и лалы и изумруды; да по шапкѣжь межъ репьевъ и перепеловъ по цѣв низано жемчугомъ же, да вверху у шапки межъ репьевъ запона золота съ алмазы, подложена шапка отласомъ червчатымъ, у шапкижь плетенекъ золотной съ пухомъ. (И 144 г. августа 14, изъ сеѣ шапки въ хоромехъ выпоротъ репей съ яхонтомъ червчатымъ и съ жемчугомъ, а по сказкѣ казначей Анны Хитрые положенъ тотъ камень и съ жемчугомъ во соборной церкви на вѣнецъ къ образу Успенія Пречистыя Богородицы.) *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугомъ орлы двоеглавые да травы съ канителью да съ нацвѣты; поверхъ орловъ запаны золоты, а въ нихъ по 3 лалки да по 3 яхонтики лазоревы да по изумрудцу да въ золотыхъ гнѣздѣхъ 4 яхонты червчаты да 16 лаликовъ да 18 изумрудовъ большихъ и малыхъ; поверхъ пуху поясокъ золотной. (144 г. авг. 14 изъ той шапки выпоротъ камень, а по сказкѣ Анны Хитрые положенъ тотъ камень на вѣнецъ въ соборъ Успенія Преч. Бды). *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугомъ съ репы, межъ репьевъ бирюски въ золотыхъ гнѣздѣхъ, подъ низаньемъ поверхъ пуху плетенекъ золотной. (142 г. сеѣ шапку царица пожаловала Ивановѣ женѣ Матюшкина.) *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугомъ съ канителью и съ трунцаломъ и со бганию травы, межъ травъ вироги и птички, межъ вироговъ и птичекъ нацвѣты, поверхъ пуху плетенекъ золотной. И та шапка отдана царевнѣ Иринѣ М., а послѣ того та шапка отдана Аннѣ Костянтиновнѣ.

Шапка по отласу по червчатому низана жемчугомъ орлы да вироги съ канителью золоченою; межъ травъ искорки лаловые и изумрудные, поверхъ пуху плетенекъ золотной. *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугомъ съ канителью и съ трунцаломъ и со бганию травы межъ травъ зерна жемчужные. *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугомъ на проволоки травы съ зерны жемчужными, межъ травъ запанки золоты сѣчаты съ финяты съ розными. *Шапка* по цѣв по серебряной золоченой травы низаны жемчугомъ поверхъ пуху плетенекъ золотной круживо низано жемчугомъ. *Шапка* по цѣв серебряной золоченой травы низаны жемчугомъ, межъ травъ роздѣвчivano шолкъ червчатъ съ золотомъ. *Шапка* по лазорекому отласу низана жемчугомъ травы, въ травахъ павы съ канителью цвѣтною. (152 г. дек. 29 верхъ споротъ, а на пухъ нашитъ новой верхъ по отласу по червчатому шить золотомъ волоченымъ. И тогожь числа къ царицѣ въ хоромы сеѣ шапку приняла постельница Прасковья Скорятина, а сказала, что тоѣ шапку государыня пожаловала княинѣ Аннѣ Ромадановской.) *Шапка*

чужнымъ низаньемъ съ запоями и камешьями. Судя по кройбъ такихъ столбунцовъ маленькииъ царевнаиъ, тулья ихъ была не слишкомъ высока. Въ 1632 г. пятилѣтней царевнѣ Иринѣ „скроена шапочка столбунцомъ соболья, вышина 2½ вер., ширина 5½ вер., т. е. кругомъ 10½ вер.; на верху кругъ камка серебряна по алой землѣ 3½ вершка. Въ 1651 г. царевнѣ Ев-

по червчатому отласу орлы двоглавые да птички низаны жемчугомъ и дѣлана канителью золоченою и цвѣтною, около орловъ чепочки дѣланы канителью, по отласу звѣздки золочены (150 г. есвр. 24, тотъ шапку царица пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ.) *Шапка* по отласу по червчатому травы низаны жемчугомъ съ канителью и съ трунцаломъ, въ травахъ розцвѣчивано канителью цвѣтною, межъ травъ по отласу звѣздки. (И изъ подъ того верха пухъ выпоротъ. 150 г. есвр. 24, тотъ верхъ царица пожаловала крестницѣ своей дѣвкѣ нѣмкѣ Овдотѣ Капитановѣ¹. *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугомъ съ канителью цвѣтною кружки, въ кружкахъ орлики и звѣрки, межъ кружковъ птички. *Шапка* отласъ золотной по зеленой землѣ, круживо низано жемчугомъ, поверхъ пуху плетенокъ золотной. Верхъ пожаловала государыня матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ. *Шапка* отласъ червчатъ, круживо низано по цѣлѣ съ городы и съ перенелы. *Два шапки* отласъ золотной по лазоревой землѣ въ цвѣтахъ шолкъ алъ да зеленъ да бѣлъ, у шапокъ поверхъ пуху плетеники золотныя. (147 г. мая 20, царица одну шапку пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ; 148 г. августа 18, другую шапку пожаловала Окольничеву Васильевѣ женѣ Ивановича Стрешнева). *Шапка* отласъ золотной по червчатой землѣ межъ травъ репейки шолкъ бѣлъ, поверхъ пуху плетенокъ золотной. (148 авг. 18, сеѣ шапку царица пожаловала княгинѣ Марьѣ Хованской). *Шапка* по отласу по бѣлому шита золотомъ да се-себромъ въ нацвѣтахъ шолкъ червчатъ да лазоревъ, у шапки поверхъ пуху поясокъ золотной. (И та шапка въ отдачѣ царевнѣ Иринѣ М.). *Шапка* по отласу по червчатому шита золотомъ да серебромъ съ нацвѣты, межъ травъ звѣздки золоты, поверхъ пуху плетенокъ золотной. (148 августа 18 сеѣ шапку царица пожаловала Семеновѣ женѣ Лукьяновича Стрешнева). *Шапка* по отласу по червчатому розвода и травки шиты золотомъ волоченимъ, около розводы въ обводѣ шито серебромъ волоченимъ, поверхъ пуху плетенокъ (въ отдачѣ царевнѣ Иринѣ М.). *Шапка* отласъ алъ гладкой, круживо кованое серебряное широкое, поверхъ пуху плетенокъ золотной (въ мовныхъ). 154 сент. 28 сеѣ шапку государь пожаловалъ казначей Варварѣ Униовской. Дѣв *шапки* отласъ червчатъ гладкой на соболихъ. *Шапка* отласъ по серебряной землѣ травы

¹ Въ другой описи при этомъ находится слѣдующая отмѣтка: 153 г. авг. 30 тотъ вершокъ изъ Овдотѣ Капитановѣ отнесъ подьячій Ивашка Ваниковъ. Стало быть назначенный подарокъ отданъ черезъ три съ половиною года и то, вѣроятно, по случаю смерти царицы Евдокіи, 18 авг., а до того времени онъ лежалъ въ казнѣ царевнѣ Иринѣ.

докіѣ Ал. (около 2 лѣтъ) къ празднику Рождества Христова былъ сшроенъ „*столбунецъ*“ соболей, въ вроенье пошло пара соболей въ 35 р. да соболь въ 12 р. съ полтиною; да на тулейку (внутри) пошло полсема пупка собольихъ. Нашитъ *вертъ* по бархату турецкому золотному (пошло вершковъ съ четью во всю ширину тѣани) низанъ жемчугомъ; да въ томъ же *кружечкѣ* вшито 8 запонъ золоты, промежъ запонъ вшивано по 4 жемчужины, да среди кружка вшито запона золота въ ней 21 яхонтъ червчатъ.

Холодные столбунцы подкладывались отласомъ и тафтою, а теплые легкимъ мѣхомъ. Въ царицыномъ быту столбунцы употреблялись рѣдко; ихъ находимъ только у царицы Марьи Ильичны одинъ: столбунецъ—кругъ алтабасъ золотной розвода серебряна; тулея пупки, околъ пластины собольи; и у ц. Агафьи Сем. три, въ томъ числѣ: столбунецъ обьярь серебряна по ней травы золоты съ шолки, подкладка отласъ жаркой цвѣтъ; опушка пластины собольи. Столбунецъ—зарбаеъ серебрянъ, по немъ травки золоты съ шолки; подкладка отласъ бѣлъ; безъ опушки“.

Въ числѣ болѣе употребительныхъ зимнихъ головныхъ нарядовъ, преимущественно у замужнихъ женщинъ и особенно у вдовъ, первое мѣсто принадлежало *каптуру*. О каптурѣ можно дать нѣкоторое понятіе его потомокъ, выходящій уже изъ употребленія, теперешній капоръ. Это былъ нарядъ, вполне защищавшій голову отъ стужи, отъ вѣтра и отъ всякой непогоды. Онъ весь былъ мѣховой и покрывалъ не только голову, но и облегалъ по сторонамъ лицо до самыхъ плечъ. Каптуръ кроился изъ соболей съ невысокою цилиндрическою тульею на подобіе вѣки, и съ тремя ушами, ниспадавшими до плечъ на

золоты, поверхъ пуху плетенокъ золотной. (150 мар. 10 пухъ выпороть и отданъ князь Михайловъ княинѣ Шеховского).

Шапка низана жемчугомъ большимъ по отласу по червчатому, въ жемчугъ 44 запоны золотыя съ каменья съ алмазы съ яхонты съ изумруды съ бирюзы, около жемчугу обшивано трунцаломъ золоченымъ; на шапкѣжъ круживо низано жемчугомъ большимъ, а дѣлана шапка къ Свѣтлому Воскресенью въ 150 г. апр. 8. *Шапка* отласъ золотной по лазоревой землѣ обвода золота и серебряна, круживо низано жемчугомъ среднимъ, подъ круживомъ на шапкѣ плетенокъ золотной, дѣлана въ 152 г. дек. 12 (152 г. мая 2 круживо снято и положено на новую шапку, а старую шапку царица пожаловала матери своей Аннѣ Костянтиновнѣ).

затылкѣ и по сторонамъ головы. Рис. I, 8; II, 16; VI, 1. Въ кройку обыкновенно выходило соболей 2½ пары. По краямъ нарядъ опушался бобримъ, на что употреблялось или цѣлый бобръ или два бобра безъ трети, смотря по ширинѣ, какую желали дать опушкѣ. Изъ цѣлаго бобра выкраивалось опушки 4 ар. 3 в., шириною въ 2 вер. Въ опушкѣ около чела ставился особый бобровый мѣхъ, черненный, называвшійся пухомъ *переднимъ очельнымъ, челошнымъ*, для чего употреблялось полбобра (2 звена) и цѣлый бобръ. Кромѣ того этотъ очельный пухъ убирался поверхъ еще бобровою же накладкою, *накладнымъ пухомъ*, котораго выходило одно звено или четверть бобра. Исподъ каптура подбивался также мѣхомъ, собольими пупками, и такъ какъ онъ облегалъ кругомъ всю голову, то и назывался *оголовью, оголовьемъ*; при чемъ по краямъ ставилась также небольшая опушка, называемая *оголовочнымъ пухомъ*. На *ушки* ставилось треть бобра, самаго добраго. Простые каптуры, дѣланные только для образца, кроились изъ мерлушекъ (овчины); вмѣсто боброваго пуху на нихъ употреблялся козелъ черненой, а на оголовичный пухъ—барсукъ. Изъ этого сочетанія различныхъ мѣховъ нагляднѣе выступаетъ связь всего мѣховаго убора въ каптурѣ. *Верхъ* каптура покрывался арабскими миткалями, которыхъ въ кройку выходило 4 вершка широкихъ и 8 в. обыкновенныхъ. Кромѣ того для сохранности наряда всегда дѣлался изъ такихъ же миткалей особый верхъ — *чехолъ*, на что употреблялось миткалей 6 верш. широкихъ (въ 2 арш. ширины) и 12 вер. обыкновенныхъ (отъ 8 до 14 в. ширины). При каптурахъ употреблялась также и *повязка* изъ полотна, котораго выходило въ кройку поларшина литовскаго.

Каптуръ, соболій, упоминается еще въ духовной княгини Іуліаніи Волоцкой, 1503 г. — У царицы Евдокіи Лук. въ первое время было въ казнѣ только 4 каптура, потомъ ихъ было 6 и наконецъ число ихъ увеличилось до 8. У царицы Марьи находимъ ихъ 7, изъ которыхъ перешло къ царицѣ Натальѣ Кир. только 3. У молодой царицы Агаѣи Сем. въ казнѣ вовсе не было каптуровъ.

Подержанные и поношенные старые каптуры царицы обыкновенно раздавали боярынямъ. Такъ въ 1631 г. сент. 10, царица Евдокія изъ числа своихъ каптуровъ одинъ, который былъ сдѣланъ еще ея предшественницѣ покойной царицѣ Марьѣ Влад. Долгорукихъ, подарила матери своей Аннѣ Константи-

новнѣ. Въ 1634 г. генв. 8, она пожаловала изъ своихъ же два каптура боярынямъ Оринѣ Микитичнѣ (Годуновой) да матери Аннѣ Конст. которой еще былъ подаренъ каптуръ въ 1641 г. февр. 20. Въ 1642 г. авг. 12 пожаловала каптуръ бояр. кн. Аннѣ Вас. Трубецкой, при чемъ относили каптуръ подъячій мастерской царицыной палаты да каптурникъ. Кромѣ того одинъ старый каптуръ царица пожаловала царевниѣ кормилицѣ Натальѣ.

Каптуры очень рѣдко украшались богато на подобіе нарядныхъ шапокъ. Такой находимъ только у царицы Натальи Кир. — каптуръ пластины соболя съ пухомъ; *верхъ* отласъ бѣлъ низанъ жемчугомъ съ каменьями съ олмазцы и съ изумруды и съ яхонты червчатыми и съ искры. (Дѣланъ у царицы въ хоромахъ во 180 году).

Треухъ — зимняя шапка, съ тремя ушами, защищавшими уши и затылокъ. Его *верхъ* (тулья, покрывка) шился изъ шелковой или золотной ткани, изъ камки или атласу, и алтабасу, которыхъ въ кроенье выходило 10, 12 и 16 вершковъ; но какой формы была эта тулья, въ видѣ ли столбунца или скуфьи, — неизвѣстно. Впрочемъ можно полагать, что это былъ по покрою тотъ же каптуръ, только крытый не мѣхомъ, а тканью. Исполдъ у него какъ и у каптура кроился изъ соболевыхъ пупковъ или изъ пластинъ; выходило 5 пупковъ, а пластинъ 2 пары. Верхъ опушался также соболемъ, на что выходила пара; а кругомъ опушки поверхъ соболя треухъ украшался низаньемъ изъ жемчуга, или круживомъ, или заповами съ каменьями. Кромѣ того у треуха были, какъ и у кикъ *лепесты*, на которыхъ выходило тафты 2 верш., во всю ширину (1½ арш.). Треухи принадлежали однакожъ къ такимъ нарядамъ, которые употреблялись довольно рѣдко.

У царицы Евдокіи Лук. въ казнѣ находимъ только одинъ треухъ соболей, покрытъ атласомъ червчатымъ гладкимъ; у Марьи Ильичны также одинъ, у Натальи Кириловны 3. У царицы Агаеи Сем. ихъ было 4, притомъ они шились уже изъ богатыхъ тканей и украшались жемчугомъ и каменьями, что заставляетъ предполагать, что въ концѣ XVII ст. треухи стали входить такъ сказать въ моду: „*Треухъ* отласъ виницейскій по золотной землѣ травы и розводы шолкъ червчатъ, исполдъ и опушка пластины соболя; кругомъ опушки поверхъ низано жемчугомъ кафирскимъ. *Треухъ* алтабасъ по золотной землѣ травы

кубы серебряны; исподъ и опушка пластины соболя; вмѣсто кружива запаны золоты съ каменья съ алмазы и съ яхонты червчатыми, съ городы; кругомъ запанъ обнизано жемчугомъ сватнымъ.

Уборы, извѣстные подъ общимъ именемъ *золота* и *сажелья* или *ларечной кузни* заключались, кромѣ нѣкоторыхъ головныхъ, описанныхъ выше, въ нарядахъ шеи, каковы были *монисто*, *цѣпочка*; *ожерелье*, также ушей — *серыи*, и рукъ — *перстни*, *ожиковины*, *обручи*, *запьясть*, *зарукавъя*. Самымъ значительнымъ изъ этихъ уборовъ было монисто.

Въ областномъ языкѣ до сихъ поръ словомъ *манисты*, *монисто* обозначаютъ ожерелье изъ бусъ, гранатъ и т. п., также изъ монетъ; тѣмъ же словомъ обозначаютъ косынку шейную (Новг.), и вообще *связку* предметовъ, связку, напр. связку ключей, *манистка* ключей (Тв.); называютъ такъ даже нижнюю челюсть *бѣлуги*, вѣроятно по сходству ея съ связкою бусъ.

Въ южномъ областномъ языкѣ *намистомъ* кромѣ того называютъ ожерелье изъ бусъ, на которомъ носится всегда *дукачь*, вѣроятно *дукать*, серебряная, мѣдная или оловянная бляха въ родѣ медали, величиною въ цѣлковый.

Обычай носить на шеѣ съ ожерельемъ монеты и особенно золотыя, а также и подобныя монетамъ бляхи, имѣвшія значеніе и амулетовъ, очень древнѣе и къ намъ перешелъ съ незапамятныхъ временъ.

Можно полагать, что монисто — слово испорченное изъ греческаго номисма—золотой, и что ближе къ нему стоитъ южное произношеніе: *намиста*, изъ котораго на сѣверѣ уже послѣдовала передѣлка въ монисто. Какъ бы ни было, но монисто въ древнемъ смыслѣ означало шейный уборъ, ожерелье исключительно золотое, т. е. состоящее изъ золотыхъ привѣсокъ, у котораго на гайтанѣ (снуркѣ) помѣщались небольшія иконы, паннагіи, кресты, раздѣляемые въ низкѣ золотыми *пронизками*, т. е. бусами. Лѣтописецъ (Ипат. 219) рассказываетъ, что Владиміръ Васильковичъ Волынкій на смертномъ одрѣ передъ своими очами перелилъ все свое золото и серебро въ гривны и разослалъ милостыню по всей землѣ: „и *мониста* великая золотая бабы своей и матери своей, все поля“... Онъ же возложилъ на намѣстную икону Богородицы монисто золото съ

орогимъ (1288 г.) Въ числѣ женскихъ уборовъ упоминается и въ Москвѣ, въ 1328 г., когда Иванъ Калита отказываетъ своей дочери Фетиньи матери ее мнисто то, что есмь сговаль“.

Вереѣскій князь Михаилъ въ 1486 г. тоже отказываетъ своей дочери: на манистѣ икона животворящаго древа обована золотомъ, да зерны съ великими да тринадцать хрестцевъ золотыхъ да лихими зерны то и съ иконами...

Лодчаная княгиня Іудіанія (1503 г.) отказываетъ своей внукѣ отъ изъ дочернина приданаго: манисто большое золото... манисто на гайтанѣ: четыре кресты золоты, да четыре перстны золоты, да три кресты камены съ золотомъ да восемь перстнѣкъ золотыхъ...

Около тогоже времени первовѣнчаннѣй московскій князь, внукъ Ивана Вас., Димитрій († 1509 г.) въ своей духовной обозначаетъ хранящіяся въ его казнѣ: манисто золото *льска*... (Сравни. четки — *лесенки*, Матер. 89) да манисто со кресты и иконы и прописки...

На манистѣ казны царицы Шуйской было: икона золота Пр. Бцы, 5 крестовъ золотыхъ съ каменѣи и жемчуги и 8 прописокъ золотыхъ. Въ той же казнѣ хранилось мнисто золото на чѣпочкѣ золотой. Въ „книгахъ царицы Евдокіи Лук. мастерскіе Палаты крестомъ и *манисту* и судамъ и платью и иной казнѣ“, царицыно манисто описано слѣдующимъ образомъ:

Личикъ оболочень бархатомъ червчатымъ, а въ немъ манисто да кресты съ мощи, которыми благословила царицу и в. к. Евдокію Лукьяновну великая государыня инока Марѣя Ивановна. Манисто чепочка золота звенчата у чепочки наконечники золотыжъ рѣзь грани съ чернью, а на чепочкѣ *въ маниствѣ* на гайтанѣ понагѣя золота на четыре углы въ ней яхонтъ лазоревъ, на яхонтѣ рѣзь Спасовъ образъ Вседержителя, по полямъ 2 яхонта червчаты да два изумруда; на переди на главѣ рѣзь херувимъ, а на другой сторонѣ рѣзь великомученикъ Дмитрей, навожено чернью; подъ главою въ закрѣпкѣ по концомъ два зерна гурмыцкихъ. (И 135 г. маія въ 3 д. сеѣ понагѣю взяла царица и в. к. Евдокія Лукьяновна къ себѣ въ хоромы. 136 г. апрѣля въ 12 д. сеѣ понагѣю выдала отъ царевны (Ирины) изъ хоромъ на гайтанѣ шолковомъ червчатомъ боярыня княгиня Марья Хованская, а сказала, что царица и в. к. Евд. Лук. *благословила* тою понагѣю царевну и в. к. Ирину Михайловну и велѣла еѣ держать въ царевнинѣ казнѣ. Да съ тоужъ понагѣю княгиня Марья Хованская выдала отъ царевны изъ хоромъ двѣ *прописки* корольковые, одна бѣла, а другая червчата, а велѣла ихъ положить съ понагѣю *въѣстѣ*). Два *креста* зо-

лоты съ мощи, въ нихъ животворящее древо Господне, на крестѣхъ Распятія Господня золоты литые; у крестовъ въ гвѣздѣхъ по два яхонтика лазоревыхъ да по два лапа да по изумруду, около крестовъ обнизано жемчугомъ большимъ; у главъ въ закрѣпкахъ по концамъ по 4 зерна гурмыцкихъ, а въ крестѣхъ по подписямъ мощей: мощи Ивана Предотечи, древо животворящее, мощи Іакова Перскаго, мощи мученика Прова, мощи архидіакона Стеана, мощи мученика Артемія, мощи преподобнаго Стеана Новаго, мощи Павла Исповѣдника, мощи мученика Еустратія, мощи мученика Ивана Новаго. (И 136 г. апрѣля въ 29 д. изъ сихъ крестовъ крестъ золотъ съ камнями и съ жемчуги взяла царица и в. к. Евдокія Лукьяновна *благословенны* дочь свою царевну и в. к. Пелагью Мих.) *Крестъ* золотъ на немъ Распятіе Господне вольчаное, у креста въ гвѣздѣхъ 3 яхонта лазоревы да яхонтъ червчатъ, да лалъ; около креста обнизано жемчугомъ, назади рѣзь снятіе Господне со креста. *Крестъ* золотъ рѣшетчатъ, на немъ распятіе Господне литое, на главѣ Спасовъ Нерукотворенный образъ; да на крестѣ въ гвѣздѣхъ 4 яхонта лазоревы, около креста жемчуги на сплнхъ да бирюза въ гвѣздехъ, а назади бирюски въ гвѣздѣхъ да подпись по гречески. *Крестъ* золотъ съ мощи, на немъ Распятіе Господне литое, въ крестѣ 3 яхонта лазоревы да лалъ, около креста обнизано жемчугомъ на главѣ Спасовъ Нерукотворенной образъ, въ закрѣпкахъ по концамъ по жемчугу; а въ крестѣ по подписи мощей: риза Александра Сверскаго чудотворца, мощи Пантелѣимана, персть святаго Марка и иныхъ многихъ святыхъ мощи. *Крестъ* золотъ съ мощи, на немъ Распятіе Господне литое на главѣ рѣзь Нерукотворенный образъ Господень, да на крестѣхъ въ четырехъ гвѣздѣхъ яхонты лазоревы, а на зади у креста Предтечевъ образъ литой, да рѣзныхъ образовъ Ивана Богословъ, Никола чудотворецъ, святыи мученикъ Георгій, святая мученица Ульяна.

Да на манистѣхъ промежъ понагѣй и крестовъ на гайтанѣхъ двѣ прописки золоты рѣшетчаты да двѣ королковыя бѣлыя, да двѣ королковыемъ червчаты, да прописка яшмовая зелена. И 135 г. марта въ 28 д. съ сего маниста золотую чепочку государыни царица и в. к. Евд. Лук. взяла къ себѣ государыни въ хоромы. Да мая въ 3 д. съ сегожъ маниста государыни царица взяла двѣ прописки королковыя. (138 г. мая 3, съ сего царицына маниста золотую чепочку съ наконечники, которая была во 135 г. съ тогожъ маниста снята, выдала отъ царицы изъ хоромъ боярыня Катерина Бутурлина, а велѣла на нее положить царицыно манисто по прежнему).

Изъ этой описи мы видимъ, что въ собственномъ значеніи монистомъ называлась снизка иконъ, крестовъ и прописокъ и что цѣпочка, какъ и шелковый гайтанъ — снуръ, представляли только составную и разумѣется необходимую его часть. Въ самомъ заглавіи описи крестамъ и манисту, кресты указаны отдѣльно по той только причинѣ, что послѣ крестовъ маниста описывается еще нѣсколько крестовъ, хранившихся особо.

Впрочемъ въ концѣ XVII ст. монистомъ называлась низкая бусъ, жемчугу или металлическая цѣпочка съ крестомъ, — который носили на этой низкѣ или цѣпочкѣ. Само собою разумѣется, что иногда такихъ низокъ и цѣпочекъ носили съ крестомъ по нѣскольку, а въ древности даже и мушны. Въ 1147 г. „бъюче Кіеве Михаила отторгоша крестъ на немъ и съ чепьми, а въ немъ гривна золота“ (Ип. 34). Въ XVII ст. у царевны Ирины Мих. находимъ „крестъ золотъ литое дѣло и три цѣпи золоты *воротные*“. Были ли носимы *воротныя* цѣпи, какъ простое ожерелье, безъ креста, неизвѣстно.

Замѣтимъ въ заключеніе, что на свадьбахъ монистомъ или панагеею по обычаю благословляла новобрачную родная мать. Царицу Евдокью, какъ видѣли, монистомъ благословила ея свекровь, инока Марѳа Ив. — Должно также упомянуть, что упомянутые выше корольковыя пронизки на гайтанѣ мониста, приниживались къ монисту не безъ особой цѣли. Въ старинныхъ лѣтеписяхъ о королькахъ между прочимъ говорится: еще который человекъ на манистѣ кралки носить, того колдованіе и иное никакое вѣдовство неиметь; а какъ тотъ человекъ позанеможетъ, то кралки красныя бѣлѣти стануть, а какъ поздорветъ тотъ же человекъ, такъ кралки опять стануть черны... Отъ тѣхъ же кралковъ духъ нечистый бѣгаетъ, понеже кралекъ крестообразно растеть“.

Ожерелье. Именемъ *ожерелья* (отъ слово горло, жерло) обозначался шейный нарядъ или уборъ, состоявшій собственно изъ атласнаго и рѣдко другой шелковой ткани, низаннаго жемчужомъ, стоячаго воротника. Отъ мужскаго подобнаго же ожерелья оно отличалось лишь своею длиною, также характеромъ низанья и другихъ украшеній. Мужское низалось обыкновенно въ шахматъ, а женское во—ревидъ. Шириную такое ожерелье бывало не болѣе 3 вершковъ и кроилось во всю ширину атласнаго полотна (отъ 8 до 12 верш.). Эта лента ставилась на александрійскую (картузную) бумагу и подкладывалась киндякомъ, а по немъ алою тафтою, вѣроятно по настилкѣ изъ хлопчатой бумаги. Къ платью оно прикрѣплялось посредствомъ шелковаго *мутовья* или мутовоза, особой вздержки, которая сплеталась по нижнему его краю. Напередѣ ожерелье застегивалось богатыми пуговицами. Его носили какъ стоячій воротникъ; рис. I, II; но располагали также около шеи и нѣскольکو отклонно

въ плечамъ; причемъ, разумѣется оно и выкраивалось иначе, въ нижней части шире, чѣмъ въ верху, въ самой горловинѣ. Рис. IV, 7; VII, 4.

Въ 1328 г. Иванъ Калита въ числѣ золота отказалъ своей дочери Фетиньи *ожерелье*, не обозначивъ подробно какое оно было; а двумъ меньшимъ дочерямъ Марьѣ и Федосьѣ отдалъ нарядъ съ двухъ своихъ кожуховъ съ аламы съ жемчугомъ — на ожерелья. Князь Верейскій, 1486 г., отдалъ дочери ожерелье съ великими яхонты, сажено съ зерны съ великими; другое ожерелье пристешное съ передци низано.

Кн. Волоцкая, 1503 г., отказываетъ сыну своему Ивану ожерелье сожено съ пугвицами съ большими, а своей внучкѣ Овдотьѣ ожерелье сожено, а исподней рядъ низонъ да 4 у него пугвицы жемчужны...

Въ казнь князя Дмитрія Ив. († 1509) находились: „ожерелье на цѣхъ на золотыхъ розрушано съ яхонты и съ жемчуги и съ плохимъ каменьемъ въ 13 жеребьѣхъ и съ придѣльными жеребьи; да ожерелейцо сажено жемчугомъ гурмыскимъ и новгородскимъ.

Описанія ожерелій царидъ XVII ст. мы не встрѣчаемъ по той причинѣ, что ихъ *низанье* сохранялось всегда въ ларцахъ и шкатулахъ за хоронною печатью и не поступало въ руки дьяковъ для описи.

У царевны Ирины М. было ожерелье: по цѣв серебряной золоченой низано жемчугомъ рогатымъ большимъ; въ ожерельѣ межъ жемчугу 20 изумрудовъ въ золотыхъ гнѣздѣхъ; у ожерелья 6 пугвицъ зерна гурмыцкіе большіе на золотыхъ спняхъ; у пугвицъ въ закрѣпкахъ 3 яхонты лазоревы да 3 лалы въ золотыхъ ногтяхъ, подложено тафтою алою.

Болѣе употребительный узоръ низанья ожерелій, особенно во второй половинѣ XVII ст., былъ ревидъ, или аревидъ, рис. III, 2; V, 4.

Приводимъ нѣсколько описей женскихъ ожерелій изъ свадебныхъ рядныхъ записей XVII ст.: 1643 г. Ожерелье жемчужное низано в-ревидъ пугвицы золотые цѣна 150 р., другое ожерелье—обнизъ пугвицы серебряные позолочены цѣна 70 р.— 1667 г. Ожерелье жемчужное обнизъ пугвицы золоты съ искрами яхонтовыми. — 1674 г. Ожерелье жемчужное большое низано в-ревидъ съ пуговицы; другое ожерелейцо малое пришивное съ каменьемъ. — 1677 г. Ожерелье жемчужное низано в-ревидъ

пугвицы золотые съ яхонтовыми и съ изумрудными искрами и съ зерны бурминскими; ожерелье узкое съ изумруды и съ зерны каемскими, у него три пугвицы лалъ да изумрудъ да яхонтъ съ зерны бурминскими.

Ожерелья — воротники составляли наиболее богатый и видный, уборъ этого рода, по той причинѣ, что обнизанныя жемчугомъ, а нерѣдко и камнями, представляли въ убранствѣ больше узорочья, чѣмъ ожерелья простыя, низанныя въ низку на нитяхъ. Закрывая высоко шею и грудь, онѣ кромѣ того въ полной мѣрѣ отвѣчали требованіямъ постническаго идеала не раскрывать оболъщенной женской красоты, а потому и составляли самый употребительный и обычный нарядъ не только для женщинъ, но и для дѣвицъ, которыя разумѣется употребляли и простыя низки жемчугу на нитяхъ пользуясь свободою открывать по крайней мѣрѣ хотя одну шею. У царевны Анны М. находимъ два такихъ ожерелья, одно зерна гурмыцкіе, другое — жемчугъ рогатый большой. (См. т. I, Матер. № 446).

Серги. Обыкновенная, наиболее употребительная и вѣроятно самая древнѣйшая форма серегъ состояла изъ кольца, вдѣваемого въ ухо, къ которому прикрѣплялась висящая булавка или *спень* съ надѣтымъ на него дорогимъ камнемъ, всегда просверленнымъ для этой цѣли, ибо въ древности иначе неумѣли укрѣплять камни въ подобныхъ случаяхъ. Конецъ спня, остававшійся ниже камня, украшался кромѣ того двумя большими жемчужными зернами, точно также надѣтыми на спень одно къ другому. Взамѣнъ зеренъ ставились и золотые *бубенчики* (бусы дутыя), а также *каточки* (бусы литыя). Это были серги *одины*, *одиначки*. Иногда такимъ же образомъ укрѣплялись два камня на двухъ спняхъ, тогда серги назывались *двойчатыми*, *двойчатками*, *двоечками*, *двоинками*; если три — *тройчатыми*, *тройнями*.

Серги — *лапки* назывались такъ, если ушное кольцо къ низу устраивалось въ видѣ лапки. Въ лапки вставлялись жемчужины или дорогіе камни.

Серги — *колты*, серги колодкой, состояли изъ ушнаго кольца, которое въ нижней части оканчивалось различной величины и различной формы бляхою, кубовастою, круглою, овальной, или на — углы, также сѣнчатой островерхой и т. п., что собственно и называлось *колтомъ* (колодка, брусокъ). Къ этому колту снизу

прикрѣплялись *подольски* изъ жемчужныхъ зеренъ, а самый колтъ всегда украшался финифтью или каменьями. У древнѣйшихъ серегъ на такихъ колтахъ изображались финифтью птицы, звѣри, сирены, львы, цвѣтки и т. п.

Серьги—запоны состояли изъ ушнаго кольца, и прикрѣпленной къ нему запоны разнаго вида. Запоною называлась вообще бляшка въ видѣ репья, у которой въ срединѣ ставился дорогой камень, бѣльшаго размѣра, а вокругъ его нѣсколько камней меньшихъ, или же нѣсколько искоръ. Внизу запоны почти всегда ставились три привѣски изъ жемчужинъ или изъ золотыхъ бусъ съ алмазами. Такія серьги составлялись иногда изъ нѣсколькихъ запанъ разной величины, которыя отдѣлялись другъ отъ друга золотыми съ каменьями привѣсочками съ жемчужинами по концамъ.

И запоны, и колты, и каменья всегда украшались разнообразными привѣсками, каточками, трубочками, чепочками, репьями и т. п., которыя различались по желаемой формѣ или образцу. Упоминаются серьги *орлички* или *орлики*, называемыя такъ по фигурамъ орловъ, служившимъ привѣсками. По свидѣтельству Флетчера обыкновенная длина серегъ бывала въ 2 дюйма и больше; но вообще тогда любили носить серьги длинныя.

Перстни — жиковины. Въ духовной в. к. Дмитрія († 1509) именемъ перстней обозначены жиковины: а перстней моихъ золотыхъ: напалокъ да 14 жиковинъ съ лаломъ и съ яхонтцомъ и съ берюзами и жемчужки и съ перестми (перелефъ, халцедонъ) и съ плохимъ каменьемъ. Тамъ же упомянуты двадцать и три жиковины *женскіе* золоты съ яхонтцы и съ лалпы и съ изумруты и съ жемчушки и съ плохимъ каменейцомъ“. Семнадцать жиковинъ золотыхъ“ отказываетъ своей дочери кн. Верейскій въ 1486 г.

Именемъ жиковины въ XVII ст. обозначалась большая дверная петля, вырѣзанная въ видѣ лапокъ жука или вообще въ формѣ, сходной съ цѣплястою лапою какого либо подобнаго насѣкомаго. Такимъ образомъ можно полагать, что жиковиною называлось кольцо съ дорогимъ камнемъ, который былъ укрѣпленъ во вставку или въ гнѣздѣ посредствомъ какой либо цѣплястой фигуры, охватывавшей его подобно лапкамъ жука. Въ XVII ст. при описаніи подобныхъ перстней такой способъ укрѣпленія камней, обозначался такъ: гнѣздо (съ алмазомъ) въ ногтяхъ, или въ

ногтяхъ яхонтъ синь къ верху островатъ. Но точно также жиковиною могъ обозначаться перстень древнѣйшаго устройства, который дѣлался не сплошнымъ слитымъ кольцомъ, а кольцомъ—согнутымъ или обогнутымъ около пальца, такъ что концы этой огиби, приходившіеся съ исподней стороны, охватывали палецъ подобно лапкамъ жука или когтямъ птицы.

Кромѣ того извѣстно, что у египтянъ, а потомъ и у древнихъ грековъ жукъ имѣлъ символическое значеніе, и очень нерѣдко изображался на перстняхъ. Эти перстни — скарабей устраивались обыкновенно такъ, что рѣзная въ видѣ жука печатка изъ дорогаго камня или металла вставлялась въ кольцо на вертлюгахъ или осяхъ, которыми служили концы самаго кольца. Вставка съ верхней стороны изображала фигуру жука, а съ исподней на ней вырѣзывалась печатка, т. е. какіе либо знаки, іероглифы или какое либо изображеніе. Перстень по верхнему изображенію жука именовался вообще скарабеемъ. Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ указаніямъ жукомъ, жуковиною обозначалась вообще выпуклая часть чего либо, напр. на плоскости въ родѣ сука, суковины. Жуковиною называется выпуклая округлая часть верхней доски отъ распиленнаго бревна, въ отличіе отъ плоской, которая называется заплѣнкомъ. Жучками назыв. особыя косточки на гладкой кожѣ нѣкоторыхъ рыбъ, у осетра, стерляди и т. п. Жуки — особыя металлическія выпуклыя рѣпки, *исподники*, родъ небольшихъ ножекъ, придѣлываемыхъ по угламъ къ нижней доскѣ переплета на книгахъ напрестольныхъ евангелій. Такимъ образомъ жиковиною на самомъ дѣлѣ могла обозначаться различнаго вида выпуклая бляшка, составлявшая необходимую принадлежность перстня, который тѣмъ и отличался отъ простаго кольца.

Что царицы носили перстни, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться; къ сожалѣнію особаго описанія ихъ перстней намъ не встрѣтилось. Имѣемъ только описи перстней царевенъ (см. Д. Бытъ Царей ч. 1 матер. № 446), гдѣ въ числѣ ларечной кухни царевны Анны М. обозначено 14 перстней; въ казнѣ царевны Ирины М. хранилось 25 перстней; но къ обзорѣю казны царевенъ мы еще возвратимся въ своемъ мѣстѣ. Въ 1614 г. въ государеву казну поступило изъ *Маринкины* рухляди, присланной изъ Астрахани, 10 перстней, въ томъ числѣ: 1—съ яхонтикомъ червчатымъ, около его искорки алмазные, цѣна 8—р.; 2—съ звѣздой и камышки алмазными, 20 р.; 3—съ чернью

о семи алмазцахъ, 15 р.; 4—четвероуголень о четырехъ алмазцахъ, 20 р.; 5 и 6 съ яхонтомъ лазоревымъ, одинъ гранень островатъ: другой гладокъ продолговатъ, цѣна по 3 р.; 7—съ яхонтомъ съ бѣлымъ въ немъ яхонтикъ лазоревъ, 4 р.; 8—о шести алмазцахъ, 12 р.; 9—съ чернью и съ яхонтомъ лазоревымъ, 2 р.; 10—съ бирюзю, цѣна 1 р.

Перстни, серьги и другіе подобныя предметы конечно хранились въ футлярахъ или особыхъ коробочкахъ, которыя и изготовлялись, смотря по надобности. Такъ въ маѣ 1692 г. царица Наталія Кир. было сдѣлано шесть *перстневиковъ*, длиною по 4 вер., въ ширину $1\frac{1}{2}$ вер., съ выдвигающимися ящички; три *коробочки сережныя* длиною и шириною по $2\frac{1}{2}$, а вышиною по 1 верш., съ лица оклеенныя бархатомъ краснымъ, внутри тафтою, по краямъ серебрянымъ голуномъ.

Кромѣ перстней, къ золотымъ нарядамъ рукъ, именно ручной кисти, принадлежали *обручи, запястья и зарукавья*, соотвѣтствовавшіе нынѣшнимъ браслетамъ. *Обручи*, состоявшіе собственно изъ золотой и вообще металлической проволоки, болѣе или менѣе толстой, гладкой или свитой вдвое, втрое и т. д., были самою древнѣйшею формою такого наряда; по крайней мѣрѣ, въ отношеніи ихъ названія, они указываютъ такую древность, которая превосходитъ древность *обруча* уже въ переносномъ его значеніи, какъ связки для разной деревянной посуды, напр. бочекъ, кадокъ и т. п. Очень естественно, что и употребленіе обручей мы встрѣчаемъ въ болѣе старое время, чѣмъ описываемая нами эпоха. Такъ въ XIV в. они, по видимому, были еще очень любимымъ нарядомъ. Въ 1328 г. Калита отдаетъ своей дочери Фетинѣ, изъ *золота* ея матери, 14 обручи. Княгиня Волоцкая въ 1503 г. отдаетъ своей внукѣ уже только три обручи золоты, а своей снохѣ два обруча золоты. Затѣмъ въ XVII ст. объ обручахъ уже не поминается; ихъ замѣняютъ зарукавья и запястья, да и тѣ, сравнительно съ другими нарядами, въ видѣ браслетъ употребляются очень рѣдко. Быть можетъ болѣе и меньшимъ употребленіемъ этой части наряда рисуется самый переходъ женскаго быта отъ болѣе свободнаго общественнаго положенія женской личности къ болѣе его замкнутости, даже и въ отношеніи одежды. Болѣе открытая одежда требовала, конечно, и въ болѣе мѣрѣ такихъ нарядовъ, какъ обручи—браслеты; напротивъ того, когда одежда

становилась — покровомъ постничества, то оказывались излишними и разныя ея принадлежности, возвышавшія красоту открытую.

Что касается *запастій*, то этимъ словомъ очень рѣдко обозначаются браслеты, въ родѣ обручей. Запастемъ называлась у всякой одежды конечная часть рукава, противоположная *кореню*, по той вѣроятнo причинѣ, что она покрывала запястье руки, т. е. не только верхнюю часть ручной кисти, но и верхнюю ея сторону, противопологаемую ладони. На такое значеніе запястья указываетъ кройка рукавицъ, у которыхъ исподы полагались въ ладоняхъ изъ бѣличьяго мѣха, а запястья изъ собольяго; у холодныхъ рукавицъ *запастя*, собственно поверхность рукавицы надъ запастемъ или вся поверхность кисти богато украшались золотымъ шитьемъ. У нѣкоторыхъ одеждъ, особливо у мужскихъ, запястья (абшлага) также украшались или круживомъ или шитьемъ и низаньемъ и даже дорогими камнями, какъ напр. у царскихъ становыхъ кафтано́въ. Въ женской одеждѣ подобнымъ образомъ украшались запястья верхнихъ сорочекъ. Прямыхъ извѣстій о томъ, что подобныя запястья носились на рукахъ отдѣльно отъ одежды, мы неимѣемъ. Запасте, упоминаемое въ духовной кн. Верейскаго 1486 г. и принадлежавшее къ ожерелью съ переди (тогожъ ожерелья запястье великимъ жемчугомъ низано) есть по всему вѣроятію, жемчужный спорокъ съ какой либо одежды, какъ и самое это ожерелье. О такомъ же запастѣ упоминаетъ въ своей духовной и княгиня Волоцкая, 1503 г. — ожерелейной жемчугъ и передцевой и съ запастемъ. Запастя съ значеніемъ браслетъ, т. е. носимыя не на рукавахъ только, а на рукахъ, назывались по большей части *зарукавьями*, какъ уборъ, котораго мѣсто на рукѣ было за рукавомъ, по конецъ рукава. Отъ *обручей* такіе браслеты отличались тѣмъ, что состояли изъ цѣпочки болѣе или менѣе широкой, или собственно изъ нѣсколькихъ звень, соединенныхъ цѣпочками или петельками, между тѣмъ какъ обручи дѣлались изъ цѣльной проволоки кольцомъ, и могли разниматься развѣ только посредствомъ вертлюга (шолнера), что вошло въ употребленіе уже впоследствии.

Богатыя зарукавья и запастя — браслеты находимъ въ царской казѣ Шуйскихъ, Мат. стр. 50. У царевны Ирины было: *зарукавье* — двѣ чепочки золоты звенчаты навожены чернью; у зарукавья въ гнѣздѣхъ 10 алмазцовъ граненыхъ да 10 зеренъ

жемчужныхъ. Подъ это зарукавье для храненія сдѣланы двѣ *колодки*, обшитыя тафтою алоу, родъ футляровъ, на которые зарукавья надѣвались.

Въ описи казеннаго государева Двора 1663 г. упоминаются: *зарукавье* золото съ алмазы и съ черчеты яхонты, а въ нихъ 16 мѣстъ, цѣна 70 р.; челомъ ударилъ греченинъ Петръ Богдановъ, 168 г. іюл. 13; *зарукавье* золото съ каменьи съ искры яхонтовыми червчаты, а въ нихъ 39 мѣстъ, а одного мѣста нѣтъ. Въ описяхъ частнаго женскаго имущества находимъ: 1674 г. зарукавье низаное по цѣѣ съ каменьемъ; 1677 г. зарукавье золотое съ яхонты; зарукавье жемчужное; 1681 г. зарукавье низаное жемчужное и съ каменьемъ.

Дорогія *булавки*, которыми закалывали на головѣ убрусы и съ этою цѣлью употребляли и въ другихъ уборахъ, упоминаются еще въ концѣ XV ст. съ именемъ *занозокъ*. Въ 1489 г. князь Верейскій отказываетъ своей дочери между прочимъ „троя заноскы золоты“. Въ царской казнѣ начала XVII ст. описаны. 3 булавки зерна гурмыжскіе на золотыхъ спняхъ большіе скатные; 4 булавки зерна невелики гурмыжскіежъ, три на золотѣжъ, а четвертая на серебрѣ“. Булавка такимъ образомъ состояла или изъ одного *спня*, какъ занозка, или изъ спня съ жемчужною головкою. Простыя булавки назывались кажется *пелепелками*, и собирательно *пелепеломъ*, Матер. стр. 117. ¹

Въ духовной в. к. Дмитрія († 1509) упоминается 11 *заномокъ* съ переперы съ яхонты и съ лалы и съ жемчугомъ и съ плохимъ каменьемъ, которыя по всему вѣроятію были ничто иное, какъ булавки.

Всѣ описанные предметы назывались общимъ именемъ *кузню*, потому что были металлическіе, кованые; также *низаньемъ* и *саженьемъ*, потому что были жемчужные, такъ какъ въ низанье и саженье употреблялся одинъ лишь жемчугъ и небольшою

¹ Въ Серебряной Палатѣ состояли особые мастера *переперщики*, *пелепелщики*, изъ которыхъ въ концѣ XVII ст. былъ извѣстенъ Матвій Даниловъ, получавшій въ годъ окладу 7 руб. жалованья и кормовыхъ по 6 денегъ на день. Въ 1661 г. переперщикомъ былъ Игнашка Фед. прозвищемъ Серебряникъ, которому дек. 16 дано дѣлать 1000 серебряныхъ пелепелковъ. Въ 1658 г. авг. 25 Грузинскому царю къ коретѣ употреблено пелепелковъ золоченыхъ 3¼ золотника, въ покупкѣ за золотникъ по 8 алт. 2 д.

частью дорогие самоцветные камни, или просверленные или же утвержденные в гнёздахъ съ ушками.

Ларецъ, въ которомъ все это сохранялось, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и уборнымъ ларцомъ, вполне замѣнявшимъ для нашихъ прабабокъ уборный столикъ. Въ такомъ ларцѣ, величина котораго была различна, смотря по богатству и широтѣ потребностей, въ верхней кровельной его доскѣ устраивалось иногда и зеркало; но большею частью зеркала дѣлались въ особыхъ металлическихъ же влагалищахъ—футлярахъ, бывали небольшія, верхка въ 3 и 4 или меньше и больше, и всегда съ закрышкою, т. е. всегда закрывались створкою своего футляра. Если же такое зеркало было вставлено только въ ободу, въ рамкѣ, то во всякомъ случаѣ его хранили тоже во влагалищѣ суконномъ или бархатномъ,

О различныхъ уборныхъ принадлежностяхъ мужскихъ и женскихъ, мы достаточно говорили въ первой части Д. Быта Царей, стр. 208—213, и въ матеріалахъ помѣстили нѣсколько описаній, № 404—407 и др. Здѣсь въ дополненіе упомянемъ, что въ уборномъ ларцѣ, кромѣ бѣлизъ, румянъ, сурмиль и клею для подклеиванья волосъ, особенно бровей, сохранялись, по всему вѣроятію, и различныя другія снадобья, необходимыя для возвышенія всяческаго тѣлеснаго благолѣпія и красоты, какъ то: умыванья, ароматы или водки (духи), балсамы (помады), и т. п. Въ царскомъ быту такіе составы изготовлялись обыкновенно въ аптекарской палатѣ, смотря по надобности, по рецептамъ царскихъ врачей. Но нѣтъ сомнѣнія, что простыя не слишкомъ замысловатыя снадобья, особенно умыванья, готовились также и домашними лекарками, *комнатными бабками*.

Старинныя „Прохладные или избранныя *Вертограды*, изысканныя отъ многихъ мудрецовъ о различныхъ врачевскихъ вещахъ“; или врачевскія книги, лѣчебники, даютъ много совѣтовъ, какъ и чѣмъ наводить благолѣпіе и свѣтлость лицу, глазамъ, волосамъ и всему тѣлу. Всѣ они конечно вмѣстѣ съ переведенными лѣчебниками, приходили къ намъ изъ средневѣковой Европы и тамъ значительною долею заимствованы еще отъ античной древности; но должно полагать, что отъ той же древности, чрезъ посредство Византіи, иное изъ этихъ совѣтовъ было и намъ извѣстно задолго до появленія въ нашей письменности упомянутыхъ Прохладныхъ Вертоградовъ. Силы естества въ растительномъ и минеральномъ царствѣ были знакомы и

нашимъ доморощеннымъ вѣдунамъ и знахарямъ, а по женской части—вѣдуньямъ и знахаркамъ, которыя, какъ мы уже и видѣли, стр. 529 и сл., сохраняли много способовъ и средствъ нравиться даже тайныхъ, въ собственномъ смыслѣ вѣдовскихъ.

Простыя средства приобрѣтать красоту всѣхъ родовъ и видовъ были дѣломъ самымъ обычнымъ и потому, быть можетъ, такъ мало намъ извѣстны; ибо небыло никакой надобности записываньемъ сохранять объ нихъ память. Такъ, изъ ячменниковъ и изъ доморощенной практики наши допетровскія красавицы должны были знать, что *овсяная* мука, смѣшанная съ добрыми бѣлками и вареная въ водѣ доставляла умыванье, отъ коего лицо бывало бѣло и свѣтло;— *ячмень* толченый безъ мякины, вареный въ водѣ до великаго клеести, потомъ выжатый сквозь платъ, доставлялъ умыванье (въ видѣ теплой воды) отъ загара. *Сорочинское пшено*, варено въ водѣ, выводило изъ лица сморщенье. Вода изъ *бобоваго цвѣта*, равно и изъ бобовой травы, когда ея умывали лице и тѣло, всякую нечистоту выгоняло, придавало тѣлу гладкость и свѣтлость. Тоже производили и бобовыя скорлупы, вареныя въ водѣ до клея. *Мука бобова*, мелко толчена (пудра), если потирать ею тѣло, какимъ обычаемъ нибуди, лице и тѣло ставила гладкимъ. Сѣмя *дынное*, варено въ водѣ, давало умыванье для лица и рукъ, отчего тѣло бывало чисто и бѣло. Сѣмя дынное, высушенное на солнцѣ, толчено безъ чешуи мелко, смѣшано съ мукою бобовою, или ячменною, или пшеничною на гуляфной водкѣ (розовой водкѣ) въ видѣ пресночка (лепешки), высушенное потомъ на солнцѣ, доставляло особый родъ мыла, отъ котораго, при умываньи лица и рукъ, тѣло становилось свѣтлымъ и всякая нечистота и лишай пропадали. Вода изъ дубоваго листвѣя, какъ умыванье, тоже очищала все тѣло и доставляла ему свѣтлость. Вода изъ *зори*, какъ умыванье, сгоняла нечистоту съ лица и угри черныя и прыщеватые, и свѣтлость наводила. Къ тому же служилъ сокъ корня травы *бедренца*, отъ котораго лице дѣлалось чисто и молодо. Вода изъ травы *иссоповы*, какъ умыванье и питье, давала лицу свѣтлость; иссопъ въ винѣ наводилъ лицу благолѣпие, и т. п. Всякія подобныя травы въ достаточномъ количествѣ разводились въ царскихъ садахъ, московскихъ и подмосковныхъ, а также и въ аптекарскихъ огородахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ садахъ, по совѣту тѣхъ же врачейскихъ Вертоградовъ, собиралась дѣвицами съ цвѣтовъ роса, которая

тоже доставляла лицу свѣжесть и свѣтлость. „Платомъ чистымъ, говоритъ Вертоградъ о работѣ и угреватомъ лицѣ, собирать росу съ цвѣту колосовъ пшеничныхъ зеленыхъ и съ цвѣтовъ всякихъ, и платъ выжимай (собирая воду), и тою росою умывать лице, чисто будетъ.

По совѣтамъ врачевскаго Вертограда многое благолѣпіе доставляли также пріяны зелья. Онъ гаворитъ между прочимъ: кто часто *корицу* въ брашнѣ приѣмлетъ, у того блѣдность изъ лица выведетъ и благолѣпостенъ станетъ, также темнота очную стонитъ и свѣтлость творитъ; *ивоздика* часто пріята—очамъ свѣтлость наводитъ; *мушкатный орѣхъ* на тощее сердце пріятъ утре (полорѣха) благолѣпіе лицу наводитъ; *перецъ* ефіопской, аще во ртѣ жуемъ, благовопіе рту наводитъ и смердящей духъ отгонитъ; *шафранъ* пріятъ въ питіи благолѣпіе лицу наводитъ и сердце укрѣпляетъ, и т. д. Всѣ такія пріяности, какъ извѣстно, и въ дѣйствительности употреблялись въ допетровское время въ большомъ количествѣ во всякаго рода брашнахъ и свѣдахъ и во всякихъ питьяхъ, въ водвахъ, медахъ, винахъ. Въ XVII ст. напр. во всеобщемъ употребленіи былъ аптекарскій „сыропъ коричной“, равно и *коричная водка* (вода), такъ какъ самымъ употребительнымъ лѣчебнымъ (предохранительнымъ), средствомъ была *водка апоплектика*, ароматическо-спиртуозная вода, въ составъ которой, кромѣ разныхъ сильно духовитыхъ, пріяныхъ растений, входили главнымъ образомъ *духъ*, т. е. спиртъ гладышевъ, коего шло около $\frac{3}{4}$, и водка гуляфная, около $\frac{1}{4}$; и которая по этому употреблялась и вообще какъ благовопіе для тѣла, ибо ею мыли голову.

Словомъ сказать благовопныя, ароматическія и спиртуозныя воды различнаго состава во дворцѣ и особенно на женской половинѣ были въ большомъ употребленіи, какъ это видно по краткимъ указаніямъ рецептовъ напр. для царевенъ Екатерины Ал., Евдокіи Ал., и др. ¹ Такія воды и водки хранились у царевенъ въ особыхъ *погребчикахъ*, ящикахъ и коробочкахъ. Въ 1685 г. дек. 15 въ хоромы царевны Феодосіи Ал. велѣно сдѣлать два погребчика къ 32 сулейкамъ (скляницамъ) измайловскаго дѣла, одинъ на четыре грани, другой на шесть граней о 16 мѣстахъ, гдѣ быть сулейкамъ.

¹ Исторія Медицины въ Россіи т. II, 169, 207.

Въ казнѣ царевны Ирины хранились: шкатула деревянная нѣмецкое дѣло, писана золотомъ, съ замкомъ, а въ ней 8 скляницъ на аспидное дѣло, у скляницъ шурупцы (пробки — за-вертки) оловяные. Шкатулка оклеена бархатомъ червчатымъ, оправлена серебромъ, въ ней 5 скляницъ шурупы серебряны, *араматники* золотъ съ *балсами*, навоженъ финиеты розными, на верху ниже колда въ закрѣпѣ 8 алмазцовъ да въ стоянцѣ 12 пскорокъ алмазныхъ. *Араматники* золотъ съ финиеты съ розными, привязка золото съ серебромъ. У царевны Софьи Ал. былъ также *араматникъ* алмазной. Кромѣ того: *шкатула* оправлена волоченымъ и сканнымъ серебромъ сдѣлана изъ благоуханнаго дерева съ зѣркаломъ и съ двумя ящички; въ той же шкатулѣ ящичъ серебряной съ камешки, да блюдечко да малой ящичъ. *Потребецъ* деревяной, оправленъ серебромъ, въ немъ 6 скляницъ, 2 достокана хрустальные.

Совсѣмъ убранная, наряженная и изукрашенная красота покрывала свое лицо *фатою*, тонкимъ сквознымъ покрываломъ огненнаго цвѣта, какъ замѣчаетъ Рейтенфельсъ, чрезъ которое можно было все видѣть и самой быть видимой. Флетчеръ говорить, что такое покрывало употреблялось особенно дѣтмъ и состояло изъ тонкаго бѣлаго полотна или батиста, было густо унизано дорогимъ жемчугомъ и завязывалось у подбородка съ двумя длинными висящими кистями. Фатою вообще назывался большой четырехугольный платъ — покровъ, сшитый изъ самой легкой ткани, каковы были напр. выбойки турецкія и индѣйскія, миткали арабскіе, камки индѣйскія, бязи и т. п. Она бывала и цвѣтная, т. е. набивная разными цвѣтами, разноцвѣтная, и одноцвѣтная алая синяя, но больше бѣлая, нерѣдко полосатая. Напр. синяя полосы бѣлы, полосата розные шолки. Въ 1645 г у царевны Ирины была фата бѣла полосата, кругомъ фаты кайма червчата. Ей же въ 1648 г. подано въ хоромы на фаты 7 арш. камки индѣйской серебряной по алой землѣ.

По порядку первую одеждою была *сорочка* и въ качествѣ бѣлья, какъ рубашка, и потомъ въ качествѣ теперешняго *платья*. Какъ бѣлье, рубашка, шитая обыкновенно изъ полотна, она называлась въ общемъ смыслѣ *бѣлою*. Собственно это была сорочка нижняя. Какъ платье, она шилась большею частію изъ

цвѣтныхъ тканей и потому носила общее названіе сорочки *красной*, т. е. верхней, болѣе красивой и по матеріалу и по убору. Нижнія полотняныя или *бѣлыя* сорочки кроились равно широко и въ воротѣ и въ подолѣ, т. е. изъ прямыхъ полотнищъ, безъ клиньевъ въ подолѣ и съ обыкновенными короткими рукавами. Воротъ стягивался пояскомъ или свуркомъ и посрединѣ на груди имѣлъ небольшой разрѣзъ, дабы удобнѣе было надѣвать одежду.

Верхнія сорочки кроились также, какъ и нижнія полотняныя, съ тою разницею, что онѣ были шире и длиннѣе, и имѣли до чрезвычайности длинныя рукава, которые обыкновенно собирались на рукѣ во множество мелкихъ складокъ. О такой длинѣ рукавовъ иностранцы свидѣтельствуютъ, что „складки ихъ едва можно было уложить отъ кистей рукъ до самыхъ плечъ, что множество складокъ такъ хорошо защищали руки и плеча отъ холода, что даже зимою небыло нужды надѣвать какую либо одежду въ рукава. Дѣйствительно, покрой вторыхъ или среднихъ одеждъ вполне соответствовалъ назначенію носить рукава сорочки наружѣ и даже какъ довольно замѣтный уборъ во всемъ нарядѣ. Вторыя одежды, хотя и шились тоже съ рукавами, но въ мыскахъ имѣли всегда проймы, въ которыя обыкновенно и продѣвалась рука, одѣтая въ сборчатый рукавъ сорочки, такъ что рукава вторыхъ одеждъ висѣли за плечомъ, и кроились больше для полноты наряда, а вовсе не для употребленія. Ниже увидимъ, что сорочечныя рукава украшались сверхъ того богатымъ золотнымъ шитьемъ и низаньемъ, какъ необходимымъ уборомъ для видной открытой части наряда.

По свидѣтельству Олеарія и Корба рукава сорочекъ бывали длиною въ 6, 8 и 10 локтей. Если считать обыкновенный локоть въ $10\frac{2}{3}$ вершковъ, какъ онъ переводился на русскую мѣру въ XVI и XVII ст., то выйдетъ что длины въ такихъ рукавахъ бывало 4 ар., $5\frac{1}{3}$ и $6\frac{2}{3}$ арш.

Коллинсъ, говоря объ одеждѣ царицы, замѣчаетъ, что ея нарядъ отъ другихъ особенно отличался длиною рукавовъ у сорочки, которые бывали отъ 30 до 36 англійскихъ футовъ. Чѣмъ тоньше была матерія тѣмъ длиннѣе дѣлались рукава и потому длина кисейныхъ бывала больше 10 локтей.

Верхнія сорочки шились изъ легкихъ шелковыхъ тканей, преимущественно изъ тафты червчатой, алой, бѣлой, желтой; также изъ тафты полосатой—полосы бѣлы да червчаты, желты

да червчаты, зелены да червчаты; изъ *шиды*¹, полоски алы съ золотомъ, бѣлы съ золотомъ; изъ *кушакови*, тоже шелковой полосатой ткани, — полосы бѣлы, а другія желты съ золотомъ; изъ кисей, особенно изъ цвѣтной полосатой, шелкъ желтъ бѣлъ, — бѣлъ зеленъ червчатъ, — желтъ зеленъ, — бѣлъ червчатъ, и т. п. Нарядныя сорочки по швамъ вынизывались мелкимъ жемчугомъ въ *сервочку*, причемъ рукава по запястью до локтя и по швамъ низались особымъ болѣе красивымъ способомъ *расою* или *раскою*, т. е. на подобіе бахромы.

Иногда вмѣсто жемчугу по швамъ бывали *кладены* пояски плетеные (тесмы), золотныя или серебряныя. Особенно богато всегда отдѣлывались рукава, преимущественно на плечахъ и у запястья; здѣсь они узорочно вышивались цвѣтными шелками, золотомъ, серебромъ, низались жемчугомъ съ мелкими золотыми дробницами или разнообразными бляшками. У сорочекъ, которыя надѣвались подъ вторую одежду, рукава богато украшались шитьемъ и низаньемъ только у запястій. Въ описяхъ царицыной казны времени Годуновыхъ и Шуйскаго находимъ достаточныя подробности о такихъ сорочкахъ, Мат. стр. 37. Упомянемъ также, что еще въ 1486 г. князь Верейскій въ своей духовной жалуетъ своей дочери въ числѣ прочаго наряда „сорочку шидену сажену съ дробницею, да четыре сорочки красны, да ларець желтъ съ сорочками съ шидеными; а княгиня Волоцкая (1503 г.) отказываетъ своей внукѣ между прочимъ сорочку — шита (шида?) червчата, рукава сажены.

Сорочка верхняя какъ мы замѣтили соответствовала въ употребленіи теперешнему *платью*. Это была исключительно комнатная повседневная одежда, носимая съ поясомъ, слѣд. обозначавшая станъ и грудь, что и ставило ее въ разрядъ одеждъ стыдливыхъ. Показаться предъ посторонними людьми и особенно предъ мужчинами въ такой сорочкѣ, для женщины было величайшимъ неприличіемъ. По разсказу Поссевино изъ за такого именно обстоятельства совершилось при Грозномъ несчастное убійство царевича Ивана. „Всѣ благородныя и не совсѣмъ бѣдныя женщины, говоритъ онъ, носятъ здѣсь обыкновенно по

¹ *Шидою* или *шитюю*, откуда *ситецъ*, называлась индѣйская бумажная набивная ткань. У насъ именемъ *шиды* могли обозначаться и различныя шелковыя ткани, особенно тонкія тафты, но также всегда набивныя, привозимыя тоже изъ Индіи.

три одежды, которыя, сообразно съ временемъ года и состояніемъ погоды, то легче, то тяжеле. Женщина, которая носить только одну одежду, навлекаетъ на себя дурную славу. Однажды во дворцѣ, въ Александровской слободѣ, въ жаркій лѣтній вечеръ, третья жена царевича Ивана, бывшая на послѣднихъ порахъ беременности, лежала, растянувшись на скамьѣ въ легкой одеждѣ, какъ вдругъ вошелъ свекоръ ея, великій князь. Она тотчасъ вскочила, но в. князь, внѣ себя отъ гнѣва, ударилъ ее рукою по щекѣ, а потомъ палкою (посохомъ), которую постоянно носилъ съ собою, до того ее отдѣлалъ, что она въ слѣдующую же ночь преждевременно разрѣшилась сыномъ. Царевичъ Иванъ прибѣжалъ на этотъ шумъ, вступился за жену и сталъ упрекать отца, что по его же жестокости онъ лишился своихъ прежнихъ двухъ женъ, удаленныхъ въ монастырь. Тогда гнѣвъ отца обратился на него и онъ нанесъ ему посохомъ такой сильный ударъ въ високъ, что тотъ упалъ, смертельно раненый и, не смотря на всевозможную помощь, скончался по прошествіи пяти дней.

Мы видѣли что и былины, описывая зазорное поведеніе нѣкоторыхъ своихъ героинь, изображаютъ ихъ въ одной сорочкѣ и притомъ еще безъ пояса, дѣлая тѣмъ самымъ прямой намекъ на забвеніе необходимаго и обычнаго приличія. Покрой сорочекъ см. на рис. VI, 6; VII, 6; VIII, 4.

Изъ вторыхъ или выходныхъ одеждъ самую употребительною, была *тѣлогрѣя*. Это было платье распашное, застегиваемое по передамъ небольшими пуговками или нашпывкою, т. е. завязкамп. Она кроилась какъ и всѣ другія выходныя одежды въ длину почти до пятъ, при среднемъ ростѣ въ 2 арш., въ ширину въ плечахъ около аршина, въ подолѣ въ 3 арш. (или кругомъ въ 6 арш.), съ воротомъ въ 8 вер. ширины съ длинными до и ниже подолу рукавами, имѣвшими ширины въ корени вершковъ 6, въ запястьѣ около 3 вер., у которыхъ подъ мышками, въ ласткахъ дѣлались *проймы* вершковъ въ 5 длиною, въ разстояніи отъ ворота вершковъ на 6 и больше.

Въ эти *проймы* тѣлогрѣя и надѣвалась на сорочку, такъ что ея рукава всегда оставались висящими и ниспадали позади рукъ до подолу или связывались назади за спиною въ перекидку другъ на друга. По свидѣтельству иностранцевъ такіе рукава почитались необходимымъ украшеніемъ этого платья, какъ и

вообще обычного женскаго выходнаго наряда. Для тѣлогрѣй, какъ и вообще для выходнаго платья, употреблялись ткани болѣе тяжелыя, чѣмъ для верхнихъ сорочекъ, именно золотныя и простые камки, атласы, объари (гродетуръ), ирѣдка тафты, а иногда *зуфъ*, шерстяная ткань въ родѣ камлота, и т. п. По вороту, по поламъ, и по подолу эта одежда окаймлялась кружвомъ, обыкновенно золотнымъ, также шелковымъ; полы, какъ мы сказали, застегивались пуговицами, число которыхъ бывало различно отъ 9 до 20 и даже до 30; обыкновенно бывало 15 и 17. Онѣ ставились по всей полѣ отъ ворота до подола.

Холодная или *летняя* тѣлогрѣя подкладывалась тафтою, а по подолу сверхъ того имѣла атласную или камчатную *подпушку*, вершина въ $1\frac{1}{4}$ шириною, которая во всѣхъ подобныхъ одеждахъ употреблялась для сохранности подольной части платья. Подпушка своимъ цвѣтомъ всегда болѣе или менѣе ярко отдѣлялась отъ подкладки. Къ лазоревой, червчатой, брусничной, зеленой подкладкѣ пришивалась подпушка желтая; къ бѣлой, лазоревой, желтой—червчатая; къ червчатой—свѣтлозеленая; къ желтой—зеленая, алая и т. п. Есть извѣстiе, что у тѣлогрѣй бывали и *земл* карманы, на которые царицѣ Агаеѣ Сем. вышло тафты алой четверть аршина (А. О. П. № 536). Подъ *теплыми тѣлогрѣями* подкладывался мѣховой *исподъ*, горностаевый, бѣлый, лисій, соболій, песцовый, а иногда и черевій заячій, съ *пухомъ*, т. е. съ бобровою опушкою, причемъ на полахъ оставлялся *подполок* изъ той же ткани, изъ коей былъ сшито верхъ. Бѣлые мѣха нерѣдко *нацвѣчивались* черными, напр. бѣлый песцовый нацвѣчивался черными песцами, т. е. по мѣстамъ вшивались лапки, хвостыи ¹.

Покрой тѣлогрѣи см. Рис. I, 2, 7, 8, 11, 12, 15, 16. Рис. II, 2, 5, 6, 8, 10; IV, 2.

При описаніи одной изъ тѣлогрѣй царицы Евдоіи Лук. упоминается — *„заплатъе*, по отласу по червчатому низано жемчугомъ съ канителью“. Но у тѣлогрѣй заплаты ничѣмъ не украшались, а тѣмъ болѣе жемчугомъ, и это упоминаніе есть лишь описка вмѣсто слова круживо ².

¹ Мѣха по мездрѣ прокладывались ветошками: 153 г. іюля 15 наплечный мастеръ купилъ на 8 алт. 2 д. ветошекъ рубашечныхъ на царицѣну тѣлогрѣю княдичію черную на черевей заячій исподъ на настѣлку.

² Описаніе г. Саввантова, стр. 113 и 172.

Къ тому же отдѣлу вторыхъ или среднихъ одеждъ принадлежала *шубка накладная* или *столовая*, въ XV и XVI ст. обозначаемая просто *шубою*. Верейскій князь въ 1486 г. отказывается своей дочери: „шуба кована бархатъ червчатъ, шуба камка мисюрская, шуба червьчата, шуба зелена, шуба багряна, шуба рудожолта, шуба бѣла, да другая шуба бѣла“. Княгиня Іуліанія Волоцкая, 1503 г., отдаетъ своей внукѣ женскаго платья: двѣ шубы скорлатъ червьчетъ одна безъ тавты, да шуба белоголуба безъ тавты жъ, да шуба дини (цениннаго цвѣта) безъ тавтыжъ, да шуба червьчетая ипская, да шуба свѣтлозелена лунская, да шуба багреци... Такъ какъ наиболѣе обычною тканью для шубокъ было сукно, то въ этой росписи о немъ и не упоминается, а обозначается только его цвѣтъ, и иногда мѣстность, откуда привозилось, ипское, лунское.

Шубка этого названія шилась покроемъ сорочки, безъ разрѣза на полы, и надѣвалась, какъ сорочка, съ головы, отчего, въ отличіе отъ другихъ верхнихъ одеждъ и называлась *накладною*, ибо не накидывалась на плеча по кафтанному, а накладывалась, какъ мы сказали съ головы. Въ этомъ ея различіе отъ тѣлогрѣи. Кроилась она длиною тоже до пятъ, при среднемъ ростѣ въ 2 арш., шириною въ плечахъ около аршина съ высокимъ прямымъ воротомъ, какъ у сорочки, т. е. съ небольшимъ разрѣзомъ на груди для надѣванья, который застегивался пуговкою съ петлею. Рукава ея ниспадали почти до подола и въ мышкахъ или ласткахъ имѣли проймы, въ которыя обыкновенно продѣвались руки, одѣтыя въ сорочку. Ширина подола разставлялась клиньями и обыкновенно бывала въ 3 арш. или кругомъ въ 6 арш.

Это платье быть можетъ потому называлось шубкою, что на него употреблялись ткани плотныя и тяжелыя, шелковыя, и болѣею частью золотныя бархаты, атласы, алтабасы, зарбафы, объири, камки (по преимуществу камка кизылбашская и *бурская*, какъ самая дорогая и тяжелая). Изъ золотныхъ тканей кроились шубки парадныя, праздничныя, выходныя и вѣдовыя. Онѣ подкладывались обыкновенно тaftою. Другой разрядъ накладныхъ шубокъ, назначаемый только для домашняго употребленія, кроился изъ сукна, бѣлаго, червьчатого, желтаго, безъ подкладки, только съ тaftяною подушкою по подола. Въ накладныхъ шубкахъ обыкновенно выходили за столъ, отчего онѣ и назывались также *столовыми*.

Такъ какъ накладная шубка не была одеждою распашною, то на ней и не встрѣчаемъ никакихъ наружныхъ уборовъ, ни кружива, ни нашивки, ни пуговицъ. Она оставалась *чистою*, т. е. безъ всякаго наряда и убора. На богатыхъ выходныхъ и ѣздовыхъ шубкахъ всегда носили *накладное ожерелье*, круглый широкій воротникъ или пелерину изъ боброваго мѣха. Покрой накладныхъ шубокъ см. рис. I, 1, 4; V, 1.

Покрой шубки и дорогія тяжелыя ткани, изъ которыхъ она шилась, способствовали тому, что у царицы какъ и у большихъ царевенъ она, особо украшенная, пріобрѣтала значеніе царскаго платна, порфиры, или вообще одежды царственной. Тогда она дѣлалась распашною, съ рукавами длиною только по кисть и шириною въ запястьѣ вершковъ въ 7 или 8, и роскошно украшалась широкимъ круживомъ по запястью рукавовъ, по поламъ и по подолу. На полахъ кромѣ того ставились богатыя пуговицы, числомъ 13, 14 или 15. Круживо особенно по передамъ украшалось нерѣдко *аламами*, большими круглыми бляхами изъ басменнаго золоченаго серебра.

На плечахъ у такой шубки полагалось изъ той же ткани круглое широкое ожерелье, родъ пелерины, соответствовавшее царской діадимѣ и потому всегда богато украшаемое круживомъ съ аламами, обнизанными жемчугомъ.

Такъ украшена была царская шубка царицы Марьи Ильичны (Мат. стр. 97), и царицы Агаѣи Симеон. (Мат. стр. 156), которая впоследствии въ 1681 г. марта 3 употребила весь этотъ богатый уборъ своей шубки на окладъ образа Пр. Богородицы, въ церковь на Потѣшномъ Дворѣ. На этой шубкѣ аламовъ было въ круживѣ и на ожерельи 46 мѣстъ, вѣсу въ нихъ 12 ф. 83 зол.

Подобныя шубки — платна передѣлывались иногда изъ готовыхъ уже шубокъ. Въ 1682 г. для новобрачной царицы Марьи Апраксиныхъ были „передѣланы платномъ съ широкими рукавы, двѣ шубки покойной царицы Агаѣи Грушецкихъ, первая 28 марта — отласъ виницейской по серебряной землѣ травки и репъ и золоты оксамичены изрѣдка, въ обводахъ шелкъ бѣлы; подкладка тафта червчатая (кроено во 189 г. ноября въ 14 д.); вторая 30 марта — бархатъ виницейской золотной по немъ морхъ червчатъ да орлы двоеглавые оксамичены золотомъ и

серебромъ; подкладка тафта ала¹. Покрой царскихъ шубокъ см. рис. I, 7, 9; II, 14.

Изъ числа золотныхъ, шелковыхъ и суконныхъ столовыхъ или накладныхъ шубокъ царицы Евдокии Лук. описываются слѣдующія: *Шубка* бархатъ червчатъ, на ней круживо серебряно золочено басмянное обнизано жемчугомъ, подкладка тафта жолта; на ней 15 пугвицъ золоты съ чернью (144 г. іюня 10 съ себъ шубки у царицы въ хоромехъ около *аламовъ* жемчугъ на государскіе дѣла снятъ мѣстами). *Шубка* бархатъ венецианской по червчатой землѣ круги серебряны, подъ кругами листье золото въ нихъ шолкъ зеленъ да червчатъ подкладка тафта двоелична шолкъ бѣлъ да алъ. *Шубка* алтабасъ по серебряной землѣ травы золоты подкладка тафта червчата. *Шубка* алтабасъ по серебряной землѣ травки розныя шолки съ золотомъ подкладка тафта виницейка червчата. (II 135 г. ноября 27, съ шубку царица — пожаловала княинѣ Устинѣ Оболенской). *Шубка* отласъ по червчатой землѣ рѣпки и листье шолкъ бѣлъ да зеленъ съ золотомъ другое листье серебряно съ лазоревымъ шолкомъ, подкладка тафта лазорева. *Шубка* камка кызылбашская по червчатой землѣ люди и звѣри золоты съ розными шолки, подкладка тафта виницейка жолта. *Шубка* сукно скорлатъ червчатъ, подушка тафта лазорева. *Шубка* сукно скорлатъ бѣлъ, подушка тафта червчата. *Шубка* сукно лундышъ свѣтлозелено, подушка тафта червчата.

Льтки принадлежалъ къ одеждамъ накладнымъ, т. е. надѣваемымъ подобно сорочкѣ съ головы, а не въ опашку и потому кроился также сорочкою безъ разрѣза на полы. Его покрой въ стану сходствовалъ съ покроемъ накладной шубки. Но онъ отличался отъ всѣхъ одеждъ особымъ покроемъ рукавовъ, которые и назывались даже не рукавами, а *накапками*. Въ длину эти рукава, начиная отъ плеча, равнялись длинѣ всего платья, слѣд. простирались нѣсколько, вершка на 4, ниже подола; средняя ихъ ширина была въ половину длины, причемъ въ корени они дѣлались шире на вершокъ противъ запястья.

¹ А. О. П. № 148. Въ Описаніи старинныхъ царскихъ ѣтварей г. Саввантова отиѣтка объ этой передѣлкѣ у первой шубки не упомянута, стр. 135; а у второй, стр. 136, передана не совсѣмъ точно, съ обозначеніемъ: передѣлана *платіемъ*, вмѣсто — платномъ.

Онѣ сшивались рукавами только до половины длины или нѣсколько болѣе; нижняя ихъ половина оставалась несшитой и украшалась вошвами, такъ что на рукѣ онѣ висѣли какъ перекинутое полотнище. Рис. I, 9, 10; II, 3; IV, 6; VI, 5. Нѣтъ сомнѣнія, что по этой кройкѣ и по особой ширинѣ рукавовъ, одежда и получила особое названіе лѣтника, какъ одежды открытой въ рукавахъ, прохладной. Станъ въ плечахъ также кроился на нѣсколько вершковъ просторнѣе, чѣмъ у другихъ лѣтнихъ и даже зимнихъ одеждъ. Ширина подола была обыкновенная, 3 арш., или вокругъ 6 арш. Длина всего платья простиралась до пятъ и при среднемъ ростѣ имѣла около 2 арш., какъ и всѣ другія верхнія выходныя одежды, носимыя въ хоромахъ.

Въ кройкѣ составныя части лѣтника были слѣдующія: передъ, задъ или станъ, крыльца, клинья передніе и задніе поднакопшныя, воротъ (воротникъ), подольникъ. Передъ и наапки иной разъ кроились изъ одной ткани, болѣе богатой, или узорчатой, а задъ и клинья изъ другой, разумѣется, подобранной подъ цвѣтъ и подъ узоръ; а если изъ гладкой, то въ этомъ случаѣ ее поддѣлывали вышиваньемъ, золотнымъ или шелковымъ, смотря по ткани переда. (М. стр. 41, 113).

Подольникъ составлялъ особую отъ платья кайму ширною съ небольшимъ въ 2 вершка, которая пришивалась по подолу, но не опушкою, въ накладку, а какъ прибавка къ длинѣ подола; она по большей части бывала атласная или изъ другой подобной же блестящей ткани и всегда другаго цвѣта съ платьемъ; такъ къ бѣлому атласному лѣтнику пришивался подольникъ алый или червчатый, къ червчатому — зеленый, свѣтлозеленый, празеленый; къ лазоревому или желтому — червчатый и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что въ выборѣ цвѣта на подольникѣ руководились желаніемъ подобрать его къ лицу, т. е. возвысить имъ и собственную красоту и красоту всего наряда. Все платье шилось изъ золотныхъ и шелковыхъ тканей, по преимуществу изъ золотной камни бурской, кизылбашской и подобныхъ, также изъ кушаковъ, золотной же тяжелой полосатой ткани, и изъ шелковыхъ — атласа, камни, тафты, дороговъ и пр. Подкладка ставилась подо всѣмъ платьемъ легкая тафтяная.

Особый нарядъ или уборъ лѣтника составляли *вошвы*. Это были небольшія полотнища или платы, скроенныя косынами длиною въ $1\frac{1}{2}$ или въ $1\frac{1}{4}$ арш.; ширною въ верхнемъ концѣ вершковъ въ 8 и болѣе. Нижній же конецъ нѣсколько округ-

лился и срѣзывался на нѣтъ ¹. Онѣ дѣлались изъ болѣе тяжелой, плотной и дорогой ткани, обыкновенно парчевой, а болѣею частію и изъ гладкаго атласа или бархата, по которому роскошно и богато украшались золотымъ и шелковымъ шитьемъ и жемчужнымъ низаньемъ съ дорогими каменьями и нерѣдко съ металлическими дробницами.

Этѣ косыни своею долевою стороною пришивались къ нижнему концу рукавовъ или накапокъ, причемъ широкій конецъ вошвы ставился къ передней части рукава, а острый къ задней, такъ что, при подъемѣ руки, широкій конецъ находился вверху, а острый ниспадалъ къ подолу; въ этомъ положеніи вся вошва всегда оставалась открытою и служила самымъ виднымъ и роскошнымъ уборомъ одежды. Для того, чтобы вошвы всегда оставались пышными и не смятыми, ихъ подклеивали съ подкладки рыбьимъ клеемъ.

Разумѣется такой покрой и уборъ рукавовъ требовалъ, чтобы руки всегда были подняты или прижаты къ груди, дабы поддерживать вошву въ долевоиъ и открытоиъ ея положеніи. Въ чрезвычайно длинныхъ накапкахъ съ такими дорогими вошвами опускать руки было невозможно; тогда и накапки и вошвы волочились бы по землѣ. Но такъ какъ лѣтникъ и особенно богатый, нарядный, былъ всегда одеждою парадною, а извѣстно, что въ до петровское время во всякихъ парадныхъ, церемонныхъ, а порусски, во всякихъ чинныхъ случаяхъ держаніе рукъ у груди представлялось для женщинъ обычнымъ, самымъ необходимымъ приличіемъ, выразившимъ вообще кроткое и покоренное ихъ положеніе въ обществѣ, то это видимое неудобство въ покровѣ рукавовъ лѣтника вполне совпадало съ обычными и приличными формами умѣнья держать себя въ обществѣ.

Самое слово *вошва* указываетъ, что платъ вшивался въ накапку. Но оно же могло обозначать и то, что эти платы, въ богатомъ и достаточномъ быту украшались всегда вышиваньемъ, слѣд. означали предметъ наряда исключительно вышивной работы. Кромѣ вошевъ на рукавахъ, лѣтникъ украшался подобными же, но меньшими, косынами на груди у ворота, которыя поэтому назывались *передцами*.

¹ Обыкновенно изъ полотнища въ $1\frac{1}{2}$ и въ $1\frac{1}{4}$ арш. длины, въ аршинъ или болѣе ширину, кроилось съ-угла-на-уголъ двѣ вошвы косынами.

У царицы Евдокии Лук. былъ лѣтникъ отласъ бѣлъ, вошвы отласъ турской по червчатой землѣ развода и круги велики золоты, въ кругахъ шелкъ лазоревъ, листые шолкъ бѣлъ: по-дольникъ отласъ червчатъ, подкладка тафта бѣла. У лѣтника на вороту *передды* по отласу по червчатому шиты золотомъ да серебромъ. — Въ духовной Берейскаго князя 1486 г. упомянуто ожерелье пристѣжное съ *передды* низано и съ запястьемъ; въ духовной княгини Волоцкой 1503 г. — ожерелейной жемчугъ и *передуевой* и съ запястьемъ. Все это принадлежало къ убору какой либо одежды.

Передцами вообще вазывались платы разнаго вида, вшиваемые въ платье для большей красоты на видныхъ переднихъ мѣстахъ. Самыя вошвы — запястья накапокъ украшались иной разъ тоже передцами, т. е. особыми нашивками. Въ царицной казнѣ временъ Шуйскаго были вошвы столпчатыя, очень богато разшитыя золотомъ шипами и на чеканное дѣло, у которыхъ были пришиты передды — шиты по червчатому отласу золотомъ и серебромъ волоченымъ (Матер. стр. 36).

Для осеняго и зимняго времени лѣтникъ опушался бобровымъ пухомъ, т. е. мѣховою лентою около полвершка или меньше шириною, по вороту, по краямъ вошевъ и по подолу. Съ такою опушкою лѣтники иногда носили и лѣтомъ.

Въ холодную пору съ лѣтниками носили накладное бобровое ожерелье; въ лѣтнее время, вмѣсто такого ожерелья подавалась *опашница*, родъ короткой мантии изъ богатой золотной ткани, украшенная золотымъ шитьемъ. На такихъ опашницахъ времени Шуйскаго были вышиты золотомъ и серебромъ на одной орлы, олени, павы; на другой орлы и олени, на третьей — орлы. Кромѣ того у одной изъ этихъ опашницъ были еще и *передды*, шитые тоже золотомъ и серебромъ и бархаченыя шелками. Четвертая опашница имѣла 14 пугвиць. Матер. стр. 36, 37, 43, 48.

Опашница царицы Евдокии Лук. была украшена вышитымъ золотомъ бѣлымъ атласнымъ круживомъ и червчатыми тафтяными передцами, шитыми также. Лѣтничная опашница иначе называлась лѣтничною *приволакою*. Въ казнѣ Шуйскихъ сохранилась приволока изъ лазореваго золотнаго бархата съ горюстаевою опушкою. У царевны Ирины Мих. съ лѣтникомъ *большаю наряда* подавалась „приволака тафта червчатая, съ пухомъ, вошвы по отласу по червчатому низаны жемчугомъ“.

Въ другой опяси у той же приволоки вмѣсто вошевь обозначено *оплечье*.

Въ августъ 1648 г. молодой царицѣ Марьѣ Ильичнѣ была сшита приволока тоже изъ червчатой тафты, съ бобровою опушкою, съ 10 пуговицами и съ оплечьемъ, по червчатому атласу низаннымъ жемчугомъ большимъ. У царицы Агаѣи Сем. была приволока тафта червчата; *нарамки* низаны жемчугомъ по червчатому атласу; на рамкахъ жъ пухъ бобровый; на ней же нашито 5 пуговицъ съ оплечью. Такимъ образомъ древнѣе передцы въ XVII ст. стали обозначаться оплечьемъ, а потомъ нарамками, сохраняя и общее названіе — вошевь, какъ частей вшивныхъ, пришивныхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобная же одежда называлась и *подволокою*, которая съ этимъ именемъ употреблялась въ XV и XVI ст. и украшалась тогда богатымъ *запушьемъ*. Вереискій князь въ 1486 г. отказываетъ дочери своей четыре *подволоки*: подволока на червьцѣ жолтъ шелкъ, подволока бѣла, подволока желта, подволока кама на золотѣ; а в. к. Ивану Вас. *запушье* подволочное сажено... Быть можетъ это же самое запушье подволочное сажено жемчугомъ гурмыскимъ зъ дробницою на белн на камкѣ на червчатой, — находимъ потомъ въ числѣ *саженья* въ казиѣ сына в. к. Ивана Вас. Дмитрія Ив. (1509 г.). Но здѣсь это запушье могло обозначать нарядъ мужской подволоки.

Въ свадебныхъ чинахъ лѣтникъ пріобрѣталъ значеніе какъ бы штатной мундирной одежды, равно какъ и накладная шубка, надѣваемая съ нимъ вмѣстѣ. Свадебные чины, свахи, сидячія боярыни по уставу должны были до совершенія обряда наряжаться въ лѣтники желтые, въ шубки червчатыя, въ убрусы и въ бобровыя ожерелья, а зимою, вмѣсто убрусовъ, — въ каптуры. Сама невѣста, готовясь къ обряду, была въ вѣнцѣ и также въ жолтомъ лѣтникѣ и въ червчатой шубкѣ. Съ этою цѣлью къ свадьбѣ царицы Агаѣи Сем. постельницамъ было сшито 15 лѣтниковъ камчатыхъ жолтыхъ, вошвы атласъ золотной по таусинной землѣ, подложены киндякомъ; и столько же шубокъ накладныхъ суконныхъ червчатыхъ. (А. О. П. № 243). На другой день, по чину, и новобрачная и боярыни одѣвались въ бѣлые лѣтники. Кромѣ того свадебный чинъ уставляетъ невѣстѣ прикрываться напаккою, когда являлся князь молодой женихъ и садился подлѣ нея на мѣсто. На другой день, когда сваха съ боярынями, новобрачную подымали съ постели, одѣвали въ бѣлый лѣтникъ,

въ шубку золотную обышную и въ горлатную шапку, она, шествуя въ хоромы, должна была, по чину, тоже прикрывать себя наcapeкми ¹.

Лѣтникъ, разрѣзанный на полы, распашной, назывался *роспашницею*, а иногда и *опашницею*. Роспашницу кроили изъ легкихъ шелковыхъ или золотныхъ тканей, изъ камки, тафты, атласу, большею частію бѣлаго или червчатого и алаго цвѣта; подкладывали или тафтою, или дорогами, и украшали круживомъ около ворота, на полахъ и по подолу; также дорогами пуговицами, числомъ 15 и 20, которыя пришивались на вороту, т. е. въ верхней поясной части полъ; рукава обшивали богатыми вошвами. Неизвѣстно, какъ длинны бывали рукава этой одежды. Отъ лѣтника она отличалась еще и тѣмъ, что не имѣла подольника, который замѣнялся круживомъ.

Въ 1627 г. царица Евдокія Лук. была скроена распашница, обозначенная также и опашницею и описанная въ числѣ лѣтниковъ слѣдующимъ образомъ: распашница камка куфтеръ бѣла, вошвы по бархату по червчатому шиты золотомъ и серебромъ орлы оксамичены, круживо по отласу по червчатому шито золотомъ и серебромъ травы, въ травахъ орлы и ироги и львы и павы, на вороту 15 королковъ червчатыхъ рѣзныхъ, у королковъ репейки и спи золоты въ закрѣпкахъ искорки изумрудныя, подкладка у опашницы (sic) тафта (виницейка) бѣла. (И съ тое распашницы королковыя пуговицы сняты и положены въ казнѣ, а на распашницу нашиты 15 пуговокъ серебряны золочены, снявъ съ царицыной съ тафтяной съ алой тѣлогрѣи, что на пупкахъ собольихъ. 144 г. сентябр. 3, сеѣ распашницу царица пожаловала боярина Ивановѣ дочери Никитича Романова).

Другія распашницы описаны такъ: Роспашница камка куфтеръ червчата травная, круживо по отласу по бѣлому шито золотомъ да серебромъ, вошвы по бархату по черному шиты золотомъ да серебромъ травы, межъ травъ орлы, и ироги и птицы и листье оксамичены, подкладка тафта виницейка желта; на распашницѣ 15 пуговицъ золоты островаты съ чернью. Роспашница тафта виницейка ала, круживо по тафтѣ по зеленой шито золотомъ да серебромъ. На опашницѣ 15 пуговицъ серебряны золочены островаты, по нихъ полоски. (147 г. апр. 24 сеѣ

¹ Временникъ Общ. Ист. и Др., кн. 25.

роспашницы верхъ царица пожаловала княжнѣ Ростовской). Роспашница камка бурская на червцѣ травы и листье золото; вошвы по бархату по черному низаны жемчугомъ съ дробницы и съ каменья съ яхонты съ лазоревыми и съ червчатыми; круживо по бархату по червчатому низано жемчугомъ репши и косы, въ репьяхъ и въ косахъ въ золотыхъ гвѣздѣхъ зачеканивано каменье яхонты и далы и изумруды и бирюзы; на *вороту* 15 пугвицъ серебряны золочены велики продолговаты сѣвчаты съ финиоты съ розными, сверху и снизу репейки финиотъ темнолазорець, въ закрѣпкахъ зеренчаты; подкладка свѣтлозелена тафтяная. (146 г. января 2, съ себъ роспашницы изъ кружива низаного выпорото 26 репьевъ, съ яхонтами червчатыми въ гвѣздахъ, 76 бирюзъ, 101 искорка яхонтовыхъ червчатыхъ, 29 косъ съ каменьемъ, всего 232 мѣста; — нашито каменье на государево круживо, которое платно было на государѣ на богоявленевъ день въ нынѣшнемъ 146 г.).

Покрой роспашницы см. рис. IV, 6.

Опашень, иначе *озобень*, верхнее лѣтнее роспашное платье, изъ шелковой или золотной добротной ткани, а большею частію изъ червчатого сукна. Покрой его былъ такой же, какъ и у другихъ верхнихъ одеждъ, т. е. съ прямымъ станомъ и со вставкою по бокамъ обычныхъ клиньевъ. Какъ верхняя одежда, онъ дѣлался во всѣхъ частяхъ полнѣе; воротъ у опашня кроился скошеннымъ къ поламъ и служилъ ихъ продолженіемъ. Около шеи къ нему пришивалось вокругъ *ожсерелье* или *воротникъ* изъ ткани болѣе богатой, обыкновенно парчевой; ширина этого воротника бывала вершка въ полтора и къ концамъ сшивалась или закруглялась, а длиною онъ ставился вершковъ въ 20, такъ что концами опускался вершковъ на 5 или на 6 по груди по обѣимъ сторонамъ. Рукава бывали полные, обычной длины, т. е. не вступно до подола. Полы и подола украшались круживомъ, золотнымъ, жемчужнымъ, а полы кромѣ того застегивались такими же петлями и серебряными пуговицами, украшенными финиотью, каменьями и всегда великими, величиною съ грецкій орѣхъ и больше, иногда половинчатыми, которыя по своей величинѣ справедливо назывались также *чашками* (А. О. П. № 673). Круживо часто полагалось вдвойнѣ, одно широкое, другое узкое. На суконныхъ опашняхъ вмѣсто кружива дѣлалась строка, прострочка мелкая или крупная, или же обѣ вмѣстѣ, которыя бы-

вали и низаны жемчугомъ, одна въ ряскую, другая въ одно зерно. Иногда вмѣсто строки полагался картулинъ.

Съ исподу опашень подкладывался тафтою съ атласною подпушкою подъ передами, т. е. подъ полами; впрочемъ бывала и одна только подкладка безъ подпушки, или же одна подпушка безъ подкладки; суконные же по большей части дѣлались съ одною подпушкою.

Число пуговицъ, которыя ставились на опашень, бывало неодинаково, что зависѣло частію отъ ихъ величины (особенно крупныя, занимали мѣсто больше и разумѣется ставились рѣже) а частію отъ роста, т. е. отъ длины полъ. Пришивали 5, 7, 9, 11 и 15, пуговицъ.

Опашни, какъ выходная верхняя одежда, въ царицыномъ быту всегда убирались съ большимъ богатствомъ. Къ свадьбѣ царицы Евдокии Лук., въ 1626 г., на ея опашень въ Серебряной палатѣ было сдѣлано въ круживо 53 золотыхъ гнѣзда, въ чемъ ставить камень, вѣсомъ 12 зол.; да въ жемчужное круживо 64 гнѣзда золотыхъ же.

Покрой опашня см. рис. IV; 7, а описи и кроеннѣ въ матеріалахъ по указателю.

Опашень или охабень, положенный на мѣху, собольемъ, лисьемъ, горностаевомъ, и т. п. назывался *шубою*. Воротникъ (ожерелье) у шубы ставился бобровый, отворотный, какъ у опашня. На передахъ или полахъ пришивались такія же большія пуговицы, числомъ 9, 11 и больше, съ петлями или нашивкою, всегда украшенною кистями съ золотыми или жемчужными ворворками. Круживо на шубѣ не употреблялось. Въ царскомъ быту въ XVII ст. шубы вносились только для дѣтей и очень рѣдко для взрослыхъ, ибо ихъ вполне замѣняли теплыя тѣлогрѣи, обозначаемыя иногда шубами; также кортли и торлопы. У царицъ въ числѣ платья даже вовсе не находимъ шубъ. Въ простомъ быту шубы употреблялись на образецъ мужскихъ. См. рис. V, 2.

Кортель, одежда зимняя мѣховая, соболья, бѣлья, горностаиная, кунья, иногда нагольная, но обыкновенно покрытая легкою шелковою тканью, тафтою, камкою, кушаками. Кортель, даже и нагольный, украшался всегда богатыми вошвами и подольникомъ; эти его части указываютъ на сходство въ покроѣ съ лѣтникомъ, почему, за неимѣніемъ другихъ, болѣе прямыхъ указаній, можно полагать, что это былъ по покрою тотъ же лѣт-

никъ, только исключительно зимній, мѣховой. Сходство съ лѣтникомъ дополняется и тѣмъ, что у кортеля не было ни кружива, ни пуговиць. Но были ли у него стольже длинные и столь же широкіе рукава—накапки, невѣдомо. Можно полагать, что рукава кортля дѣлались въ обычную длину, но были широкіи по лѣтничному, а потому и обозначались въ описяхъ только именемъ вошевъ, какъ необходимой ихъ принадлежности. Впрочемъ тѣмъ же именемъ, какъ мы видѣли выше, могло обозначаться и оплечье, также передны, т. е. особые платы, вшиваемые въ одежду по плечамъ для большаго ея убранства.

Кортель, какъ и всякая зимняя и вообще теплая одежда, опушался бобровымъ пухомъ, съ тѣмъ отличіемъ, что такой пухъ ставился у него гораздо шире, чѣмъ у другихъ одеждъ. Въ 1630 г. къ горностайному нагольному кортелю царицы Евдоіи была скроена пухъ къ вороту въ 2 вершка безъ чети, а около вошевъ и подольника въ 3 вершка безъ чети. Этотъ и два другіе кортеля изъ числа ея одеждъ описаны слѣдующимъ образомъ: Кортель горностайной нагольной опушенъ пухомъ чернымъ. Кортель тафта бѣла на черевахъ на бѣлыхъ, вошвы отласъ туредной по червчатой землѣ розвода и круги золоты въ цвѣтахъ шолки розныя, опушенъ пухомъ червымъ. (143 г. авг. 23, сестра кортеля царица пожаловала боярина княжъ Ивановъ княжъ Борисовича Черкаскаго). Кортель дороги ады, подкладка тафта ивмецкая свѣтлозелена на черевехъ на бѣлыхъ, подольникъ тафта виницейка желта, вошвы по отласу по таусянному шиты золотомъ да серебромъ.

Торлопа, судя по описанію, Матер. стр. 50, тоже, что и кортель,—мѣховая одежда крытая тафтою, украшенная вошвами на рукавахъ и подольникомъ. Быть можетъ отъ кортеля она отличалась воротникомъ стоячимъ или отворотнымъ, какъ у опашни и какъ у теперешняго тулупа, который происходитъ, по всему вѣроятію отъ торлопа. Употребленіе вошевъ указываетъ, что рукава его были широкіе, лѣтничные.

Въ числѣ одеждъ торлопы вообще встрѣчаются рѣдко. Въ царицыной казнѣ Марьи Ильичны, въ XVII ст. (1648—1676 г.) находился только одинъ торлопъ горностайной опушенъ пухомъ чернымъ, который и записанъ въ числѣ кортлей, а по другой описи даже и значится подъ именемъ кортля, А. О. П. № 146 и 204. Видимо, что этимъ именемъ названъ описанный

выше нагольный кортель царицы Евдокии Лук. Въ такомъ случаѣ можемъ заключить, что торлопомъ именовался кортель безъ покрывки, нагольный (тулупъ). Впрочемъ въ царской казнѣ Шуйскихъ описанъ торлопъ крытый таетю, Матер. стр. 50.

Поверхъ нѣкоторыхъ одеждъ, именно лѣтниковъ, шубокъ, плеча, даже и въ лѣтнее время, покрывались, какъ мы говорили, пуховымъ (бобровымъ) ожерельемъ, которое по особымъ способамъ кройки называлось *накладнымъ*, и (въ XVI ст.) *наметнымъ*. Такое ожерелье кроилось изъ боброваго пушистаго мѣха, непременно чернаго, т. е. подкрашеннаго въ самый черный цвѣтъ. Оно дѣлалось различной величины, смотря по желанію или по надобности, и потому кроилось иногда только изъ половины бобра, иногда изъ цѣлаго мѣха и самое полное изъ двухъ бобровъ. Хорошій, добрый, бобровый мѣхъ цѣнился въ половинѣ XVII ст. (1644 г.) въ 15 руб., такъ что полное ожерелье стоило 30 р. безъ приклада и безъ работы. Накладнымъ оно называлось по той причинѣ, что кроилось безъ разрѣза на полы, а цѣльнымъ круглымъ воротникомъ съ отверстіемъ въ срединѣ для надѣванья черезъ голову. Въ этомъ отверстіи для большаго удобства при надѣваньи дѣлался спереди небольшой разрѣзъ, который потомъ застегивался съ исподу пуговками. Впрочемъ наметное ожерелье отличалось отъ накладнаго разрѣзомъ на полы. Въ этомъ послѣднемъ видѣ оно употребляется и теперь въ простомъ быту при короткихъ шубейкахъ. Наметкою въ старину вообще назывался нарядъ въ родѣ длиннаго воротника или пелерины (напр. наметка чернеческая).

Въ царицыномъ быту употреблялись пуховыя ожерелья только накладныя. Въ такомъ ожерельѣ на заглавной страницѣ этой книги изображена царица Марья Ильична. См. также рис. I и II, и др. Пуховое бобровое ожерелье вообще придавало старинному наряду, по преимуществу цвѣтному и золотному, весьма значительную долю красоты; оно же своимъ чернымъ цвѣтомъ много способствовало и возвышенію красоты лица, всегда набѣленнаго и нарумяненаго. По этимъ причинамъ оно надѣвалось довольно часто. Не смотря на то, количество такихъ ожерелій сохранявшихся въ царицыной казнѣ не было значительно.

У царицы Евдокии Лук. въ первое время (1626—1628 г.) хранилось всего шесть ожерелій, изъ коихъ одно она подарила своей матери Аннѣ Константиновнѣ, а другое родной сестрѣ

Федосья, вышедшей замужъ за Ив. Матиюгина; третье приказала написать въ отставку. Затѣмъ (1629—1642 г.) у царицы употреблялось и сохранялось только 4 ожерелья, изъ которыхъ одно повошенное отдано женѣ брата Семена и взаменъ сшито новое. У царицы Марьи Ил. сохранялось въ казвѣ 5 ожерелій, у царицы Натальи Кир. 6 и съ оставшимися отъ царицы Марьи; у царицы Агаѣи Сем. одно.

Зимою для защиты рукъ отъ холода, кромѣ теплыхъ рукавовъ, царицы надѣвали иногда *рукавъ* (муфту). Этотъ рукавъ не былъ однако такъ пышевъ и полонъ, какъ дѣлають муфты теперь. Кроился онъ изъ бархата или атласа и разныхъ золотныхъ тканей, длиною всего въ 5 вершковъ, съ опушкою изъ собольихъ хвостовъ вершка по 2 шириною, слѣд. всей длины имѣлъ неболѣе 9 верш. Внутри подкладывался также соболемъ пупками, полегче, или пластинами, потяжеле. Снаружи по простой шелковой ткани украшался иногда золотнымъ круживомъ, а въ особыхъ случаяхъ и жемчужнымъ низаньемъ съ каменьями.

Однако въ описяхъ казны царицы Евдокии Лук. въ числѣ другихъ предметовъ наряда рукава не встрѣчаемъ.

Послѣ царицы Марьи Ил. оставался одинъ только „рукавъ обѣрь по серебряной землѣ травы золоты, исподъ и опушка пластины соболи“. Но у царицы Агаѣи Сем. находимъ 7 рукавовъ собольихъ: бархатный червчатый съ круживомъ плетенымъ съ городы золото съ серебромъ; атласный золотный червчатый же травы и разводы шолкъ червчатъ; алтабасный — по золотной землѣ травы кубы серебряны; атласный серебрянъ, травы золоты съ серебромъ; алтабасный золотной — травы серебряны съ горностаевымъ исподомъ, но съ опушкою соболиною; атласный червчатый — рѣпки и травы золоты; и рукавъ низанъ жемчугомъ по алому бархату съ запаны алмазными и съ яхонты червчатыми и съ изумруды¹. Можно полагать, что въ концѣ XVII ст. употребленіе рукавовъ стало входить въ моду.

Судя по тому, что въ описяхъ царицыной казны первыхъ лѣтъ XVII ст. вовсе не упоминается о перчаткахъ или *рукавкахъ перчатыхъ*, даже и о простыхъ рукавкахъ, т. е. рукавичкахъ, можемъ полагать, что въ то время, а равно и въ XVI ст.

¹ Срав. Описание г. Саввантова, стр. 134.

въ царичиномъ быту онѣ еще не были въ употребленіи, крайней мѣрѣ не принадлежали къ обычнымъ статьямъ женскаго наряда. Разуиѣтся въ простомъ трудовомъ быту въ зимнее время употреблялись, смотря по надобности, и рукавицы, и простыя и перчатныя; но въ общемъ нарядѣ въ нихъ не было даже и надобности, ибо ихъ вполне замѣняли длинныя рукава одеждъ, которыми руки прикрывались и отъ холода и во всякихъ другихъ случаяхъ.

Вообще, какъ статья нарядная, перчатки употреблялись очень рѣдко. Царицѣ Евдокиѣ Лукьян. въ 1626 г. ноября 6 были шиты теплыя рукави, на которыя употреблена пара соболей. Потомъ царь Михайлъ въ 1629 г. іюня 28 въ троицкомъ богомольномъ походѣ подарилъ своей супругѣ *рукавки перчатны* нѣмецкое дѣло вязены узоромъ шелкъ брусниченъ, запасе по отласу по алому дѣлано канителью и трунцалы. (Подробн. М. стр. 83). Затѣмъ въ періодъ времени 1629—1632 г. находимъ у царицы еще рукавки теплыя бархатъ червчатъ на черевехъ на лисьихъ на чернобурыхъ опушены сободемъ. Въ послѣдующее время, 1633—1643 г., въ казвѣ царицы хранились рукавки бархатъ червчатъ на пухахъ на соболевыхъ, запася по червчатому бархоту шиты канителью золоченою да серебряною съ картулиномъ да съ трунцаломъ въ нацвѣтѣ шолкъ зеленъ да лазоревъ, запасе подложено камкою жолтою куфтеремъ, нѣмецкое дѣло. Эти рукавки въ 1642 г. сент. 18 были подарены государемъ царевичу Алексѣю Мих.

Въ томъ же году у царицы находимъ новыя рукавки везеныя шолкъ червчатъ нѣмецкое дѣло; запася шиты по отласу по червчатому канителью да трунцаломъ золоченымъ травы и звѣри и птицы и въ травахъ низано жемчугомъ мелкимъ, промежъ травъ звѣздки золоченыя пришиваны съ жемчугомъ, около запасей обдѣлывано золотомъ, подложены запася тафтою червчатою.

Такимъ образомъ царица Евдокиа Лук. имѣла собственно только одну пару перчатокъ, перемѣняя съ теченіемъ времени, съ 1629 по 1642 г., старую пару на новую. Это и показываетъ, что онѣ употреблялись очень рѣдко и вовсе не входили въ кругъ обыкновенныхъ потребностей наряда. У одной изъ дочерей царицы у царевны Ирины М. находимъ также только 2 пары рукавковъ, однѣ: „рукавки *иршамыл* (лайковыя) нѣмецкое

дѣло, запястье шито золотомъ; другія: рукави тафта червчата на соболѣхъ“.

Носили-ли перчатки царицы Марья Ил. и Наталья Кир., неизвестно. Въ описи ихъ казны о рукавахъ неупоминается. У царицы Агааи Сем. рукавковъ перштыхъ было двѣ пары; одѣ: отлась бѣлъ, исподъ пунки, опушка пластины собольи; кругомъ галузъ золотвой; другія: шелковые шемоханскіе вязеные, запястье круживо золотное; по краямъ круживо золото съ серебромъ.

При выходахъ въ церковь или къ гостямъ и вообще въ парадныхъ случаяхъ царицы и царевны, какъ и всѣ женщины и дѣвицы, въ рукахъ всегда носили *ширинку*, носовой платокъ, роскошно вышитый золотомъ, серебромъ и шелками, а иногда и низанный жемчугомъ и *накищенный* по каймамъ золотыми нитями. Изображеніе таковой ширинки см. на рис. VII, 1. Ширинки кроились изъ тонкихъ арабскихъ миткалей, а по большей части и особенно наиболѣе богатые изъ бѣлой виницейской тафты. Бывали также и кисейныя, которыя иногда присылались въ дарахъ изъ Крыма (М. 57). Особенная дѣлность ширинки заключалась въ шитьѣ, гдѣ со всею роскошью выказывалось женское рукодѣльное искусство, не только въ чистотѣ и тонкости работы, но и въ женскомъ замысленіи по отношенію къ сочиненію узора и всякихъ украшеній. Ширинка такимъ образомъ, всегда служила хвостовскимъ предметомъ домашняго рукодѣлья и указывала значеніе и высоту рукодѣльныхъ достоинствъ всякой доброй и порядливой домоводницы изъ женщинъ, и трудолюбивой и слѣд. добронравной невѣсты изъ дѣвицъ. Въ самомъ нарядѣ это была наиболѣе замѣтная статья въ этомъ отношеніи, и женщина и дѣвица, неся въ рукахъ ширинку, тѣмъ самымъ какъ бы доказывала, если не всегда собственные рукодѣльные таланты, то всегда искусство и совершенство работъ своей свѣтлицы, слѣд. свои хозяйскіе таланты. Оттого ширинки, вмѣстѣ съ убрусами, волосниками, сорочками, какъ исключительные предметы домашняго рукодѣлья занимаютъ очень видное мѣсто и въ свадебныхъ дарахъ, гдѣ такими дарами всегда старались представить съ самой выгодной и похвальной стороны рукодѣльное прилежаніе и художество невѣсты и ея семьи. Чужой родъ, какъ и всѣ гости получали здѣсь наглядныя доказательства о такихъ достоинствахъ невѣстина рода и дома.

Описаніе ширинокъ царичиной казны (времени Шуйскаго), а также записки о ихъ заготовленіи въ свѣтлицѣ помѣщены въ отдѣлѣ Матеріаловъ. Тамъ же, стр. 156, находится указаніе и о цѣнѣ, по какой иногда покупались сработанныя ширинки и которая восходила отъ 2 до 8 руб. Сумма, сравнительно съ другими цѣнностями того времени, очень значительная, указывающая вообще какъ дорого цѣнилась такая работа. Иногда на ширинкахъ выставялось даже имя хозяина дома, гдѣ она работалась. Олеарій рассказываетъ, что подобную ширинку онъ получилъ (1643 г.) отъ молодой супруги графа Шляковскаго, женившася на русской. Это былъ по его словамъ: „носовой платокъ изъ бѣлой тафты, вышитый золотомъ и серебромъ, съ длинною по концамъ бахрамою (накишенье); такими носовыми платками обыкновенно дарятъ невѣсту жены и дочери знатныхъ вельможъ: такъ на полученномъ мною мелкими буквами вышито было имя *Стрѣшнева*, брата отца великой княгини“ (царицы Евдокіи Лук.).

Въ казнѣ царицы Евдокіи хранилось „19 ширинокъ тафтяныхъ бѣлыхъ (поступившихъ къ ней изъ казны патріарха Филарета Никит.), и въ томъ числѣ: ширинка тафтяная *везена* золотомъ, репши низаны жемчугомъ; 18 ширинокъ по бѣлой же тафтѣ шиты золотомъ и серебромъ съ шолки розными; кисти у всѣхъ у 19 золотыя. (Взяты у стольника у князя Юрья Ондреевича Сидково да у дьяка Тимоея Голосова, государевы патріарховы казны. И тѣ ширинки взялъ и отнесъ къ царицѣ въ хоромы окольничей В. Ив. Стрѣшнева).

Въ казнѣ царевны Ирины находимъ: 25 *ширинокъ* шиты по тафтамъ по бѣлымъ золотомъ да серебромъ съ шолки съ розными; у ширинокъ кисти золотыя. *Ширинка* тафта бѣла безъ кистей; на ней въ кругу вышитъ орелъ двоеглавой, по угламъ шиты травы золотомъ да серебромъ съ шолки съ розными. *Ширинка* тафта бѣла безъ кистей, шита золотомъ да серебромъ, около ширинки обшивана веревочка золотная. *Ширинка* кисейная турецкое дѣло, по ней по всей шиты травы золотомъ да серебромъ волоченымъ съ шолки съ розными“.

Должно замѣтить вообще, что ширинкою назывался носовой платокъ болѣе или менѣе украшенный шитьемъ. Обыкновенные *платочки* носили свое обычное названіе и кроились въ царичиномъ быту тоже изъ бѣлой тафты или изъ миткалей, и рѣдко изъ тонкаго полотна.

При богомольныхъ выходахъ, царицы, по примѣру своихъ супруговъ, употребляли также жезлъ, какъ знакъ царственнаго ихъ достоинства. Съ такимъ жезломъ въ рукѣ царица Марья Ильична шествовала въ Вознесенскій мон. къ панихидамъ, см. рис. I. Въ казнь царицы Евдокии Лук. хранился: Жезлъ нѣмецкое дѣло дерево черное гладкое; въ рукоядь врѣзываны травы серебряны; межъ рукояди въ дву шурупѣхъ серебряныхъ золоченыхъ шурупцы костяные, въ шурубдахъ составы араматыные; да тутъ же костяной ставикъ съ кровлею, а въ немъ зуботычки костяные. Да въ томъ же жезлѣ трубка зрительная; да поверхъ жезла и рукояди въ шурупѣ серебряномъ золоченомъ часы солнечны съ маточникомъ. Кровля серебряна золочена, на кровлѣ деретца левъ съ змѣемъ. Подковаецъ у жезла серебрянъ золоченъ. (*Отмѣтки:* и тотъ жезлъ взятъ къ царицѣ въ хоромы, а изъ хоромъ выданъ въ казну; 146 г. мая 26, отъ царицы изъ хоромъ половину того жезла принесъ Родіонъ Стрѣшневъ; а другую половину выдалъ бояр. Лук. Ст. Стрѣшневъ; и у того жезла въ шурупехъ попорчено и шурубцы костяные съ араматы и костяной ставикъ съ кровлею съ зубочистья изъ того жезла выняты).

Царицыну обувь составляли: чулки, башмаки, ичедыги, чеботы. Въ царскомъ быту *чулки* вязанные или вязеные употреблялись очень рѣдко и дома не изготовлялись, а покупались у нѣмцовъ готовые. У царицы Евдокии Лук. было трое такихъ чулокъ: „чулки вязеные шолкъ лазоревъ съ серебромъ, нѣмецкое дѣло; двой чулки вязеные шолкъ алъ да жолтъ, нѣмецкое дѣло. Обыкновенно чулки кроились изъ тафты, камки, атласа, дороговъ и даже изъ сукна. Атласу въ кройку выходило на пару 1 ар. 2 в. во всю ширину полотнища (12 вер.); такимъ образомъ длина женскихъ чулокъ была вершковъ въ 12 и болѣе. Ширина ихъ измѣрялась въ *верхахъ* и надъ *стрѣлками*, около щиколотки. Конечно ихъ кроили въ плотную по ногѣ, для чего и необходимы были острые клинья или стрѣлки. Холодные чулки подкладывались тафтою: червчатые — лазоревою, желтые — червчатою и т. п. Подъ теплые подкраивались мѣховые исподы лисьи и бѣлыя черевьи, соболю пупчатые, песчовые. Въ особыхъ случаяхъ холодные украшались даже круживомъ. Такъ царицѣ Евдокиѣ Лук. на камчатные червчатые чулки было нашито круживо серебряное съ пелепелы. (Матер.

стр. 82). При особой длинѣ всѣхъ одеждъ для чулокъ такого убора конечно вовсе и не требовалось; но здѣсь, вѣроятно, обнаружилось лишь общее требованіе богатаго убора въ соотвѣтствіе всему остальному. По свидѣтельству Рейтенфелса чулки носили безъ подвязокъ. Дѣйствительно, свидѣній о женскихъ подвязкахъ намъ не встрѣтилось.

Башмаки кроились изъ бархата, атласа и сафьяна. Бархату въ кройку выходило 6 вершковъ во всю ширину (12 вер.) полотнища, атласу 9 вер. (шир. около 8 вер.), сафьяна четверть кожи; на подкладку тафты широкой въ $1\frac{1}{2}$ арш.—3 вершка. По *швамъ* башмаки обшивались золотнымъ съ шелкомъ пояскомъ или круживомъ, котораго выходило $1\frac{1}{2}$ арш. и больше; *каблуки* или *закаблучье* всегда обшивались волоченымъ золотомъ, на что требовалось золотой нити 5 и 8 арш. Бархатные и атласные, какъ и сафьянные *переды* по большей части узорочно вышивались золотомъ, низались жемчугомъ иногда съ дорогими камнями. У сафьянныхъ переды ставились иногда бархатные, на что употреблялось ткани 2 вер. По верхнимъ краямъ башмаки опушались атласомъ или бархатомъ другаго цвѣта. Наиболѣе употребительный цвѣтъ башмаковъ въ царскомъ быту былъ червчатый; но шились также башмаки бѣлые, желтые, зеленые, алые, лазоревые. Подъ каблуки, которые бывали очень высоки, всегда ставились у простыхъ, повседневныхъ, скобы желѣзные, а у нарядныхъ выходныхъ — серебряныя. *Стельки* ставились подстѣянныя и обшивались червчатою тафтою. Употреблялась подсть *старицкая* бѣлая. На поднарядъ употреблялась иногда обьярь, шелковая ткань, а на подкладку *ирга* и клей; подошвы ставились обыкновенныя. Башмаки кромѣ того всегда *строчились* волоченымъ золотомъ или серебромъ.

Съ башмаками, какъ ихъ принадлежность, носились нерѣдко *ичетыи* или *ичедои*. Это въ точномъ смыслѣ — сафьянные чулки, ибо всегда шились изъ сафьяна безъ поднаряда и безъ особой подошвы. По большей части они покрывались, облакивались камкою, или атласомъ, а съ исподней стороны подкладывались какъ чулки, тафтою, тогоже цвѣта или червчатые—лазоревою, бѣлые — червчатою и т. п.; верхнему краю подпушались атласомъ другаго цвѣта. Въ комнатномъ быту ичетыги могли замѣнять спальные сапоги, такъ что ихъ носили и безъ башмаковъ, тогда къ нимъ ставили легкую подошву. Очень рѣдко они употреблялись безъ поволоки или оболоки

шелковой тканью. Нѣтъ сомнѣнія, что пчѣтыги съ самымъ названіемъ ¹ заимствованы у татаръ и въ XVII ст. упоминаются нерѣдко пчѣтыги крымскіе, крымское дѣло. Упоминаются при башмакахъ еще и *черевинки*, М. 38, тоже крымскіе, быть можетъ обувь въ родѣ туфель или тѣхъ же пчѣтоговъ.

Женскіе *чеботы*, родъ сапогъ, кроились, какъ и башмаки изъ сатъяна, бархата и атласа. Это были башмаки съ голенищами, (которыя назывались *прежликами*), а потому и въ кройкѣ, въ отдѣлкѣ и въ украшеніяхъ они сходились съ башмаками. На чеботы выходило въ кройку: на сатъянные полсатъяна, на бархатные, и атласные — этой ткани, на *полные* по 1 ар. 6 в.; на *полуполные* по аршину съ вершкомъ и съ 2 в., смотря по ширинѣ портища. На подкладку употреблялась тафта червчатая отъ 8 до 11 вер. Верхи обшивались атласомъ или бархатомъ другого цвѣта, выходило 3 вершка; по швамъ пришивался золотной поясокъ или кованое золотное узкое или широкое круживо, котораго выходило 3 арш. и больше. Иногда на переды вмѣсто кружива пришивались *образцы*, низанные жемчугомъ какія либо изображенія, фигуры или узоры; тогда на остальныя части кружива выходило только 2 арш. Сбоку ставились также у простыхъ — желѣзныя, у нарядныхъ — серебряныя.

Кромѣ указанныхъ украшеній нарядные чеботы всегда вышивались богато золотомъ, унизывались жемчугомъ съ камнями и по швамъ вмѣсто золотнаго пояса низались жемчугомъ же. Особенно зорочились ихъ *переды* и *задники*.

Чеботы бывали *кривые* и *прямые* относительно кройки подошвы; *полные* и *полуполные*, относительно длины голенища. *Строчились*, простые — шолкомъ, а нарядные — золотомъ. Цвѣтъ употреблялся такой же, какъ и для башмаковъ, червчатый, бѣлый, желтый, зеленый, алый. По свидѣтельству Маржерета вышина каблуконъ была въ 3 пальца, т. е. вершка въ 1½. Олеарій говоритъ, что женщины и преимущественно дѣвушки носили башмаки съ очень высокими каблуками, вышиною въ четверть аршина, такъ что носокъ едва касался земли, и ходить было очень затруднительно. Чрезмѣрную вышину каблуконъ подмѣтили даже и народныя быліны. У Дюка Степановича

¹ Ичь — итыкъ — внутрь — сапогъ, слѣд. чулокъ, см. Савваятова Описание стар. царскихъ утварей, стр. 178.

были сапожки зеленъ сафьянъ, подъ пята-пята воробей пролети, о пята-пята яйцо прокати.

Сапогами въ собственномъ значеніи называлась обувь кожаная, которая въ царскомъ быту въ женскомъ нарядѣ не употреблялась, а изготовлялась только для придворныхъ женщинъ. Они шились изъ опойка (телятинные) и изъ сафьяна (козловые и барановые) такихъ же цвѣтовъ, какихъ бывали и чеботы, т. е. червчатого, желтаго, зеленаго, лазореваго, бѣлаго и смирные — чернаго. Въ царскихъ кладовыхъ, въ началѣ XVII ст. находимъ однакожъ сапоги бархатные и атласные, низанные жемчугомъ съ камнемъ, М. 39.

Мы видѣли, что царицыно платье большею частію шилось изъ тканей довольно тяжелыхъ, каковы были сукно и золотные и шелковые плотные скоба-скобой, камки, атласы, бархаты и т. п. Очень понятно, что женскія руки царицыныхъ мастерицъ не могли хорошо управляться ни съ кройкою, ни съ шитьемъ такихъ портищъ. Была необходима болѣе сильная и твердая мужская рука для того, чтобы съ успѣхомъ владѣть ножницами, иглою и утюгомъ для устройства изъ этихъ толстыхъ полотнищъ цѣлаго наряда. Такимъ образомъ мы и находимъ въ Мастерской царицыной палатѣ не портнихъ, а портныхъ мужчинъ, которые при томъ пользовались почетнымъ именемъ *наплечныхъ* мастеровъ, ибо одѣвали царское плечо.

Личный составъ Мастерской палаты указанъ выше, стр. 515. Кромѣ наплечнаго или портняжнаго дѣла мужскія работы заключались еще въ изготовленіи обуви и головныхъ покрововъ шапогъ, каптуровъ, столбунцовъ, треуховъ, тасей, шляпъ, а по однородности дѣла также мѣховыхъ ожерелій и т. п., требовавшихъ не одного шитья тканей, но ихъ подкладки и шитья разныхъ клеенокъ и кожи. Мастерская палата вообще занималась изготовленіемъ всякихъ нарядовъ какъ бы въ чернѣ. Все, что касалось украшенія, убора въ каждомъ такомъ нарядѣ, то принадлежало уже занятіямъ и работамъ царицыной Свѣтлицы.

Расходъ различныхъ матеріаловъ при употребленіи ихъ въ кройку или для другаго изготовленія очень подробно и обстоятельно, даже иногда съ разцѣнкою, записывался въ особую книгу, которая по главной статьѣ употребленія называлась книгою *кросельною*. Здѣсь записывалась также и мѣра кроенному

платью съ обозначеніемъ *скумо* или *сымо* какая часть скроева, сколько оставлено въ запасѣ и т. п. Изъ кроельныхъ книгъ, хотя и не сохранившихся вполнѣ, мы узнаемъ, покрайней мѣрѣ приблизительно, какіе именно предметы наряда бывали въ болшемъ употребленіи, сравнительно съ другими, и потому чаще строились и расходовались, совсѣмъ изношенные, въ отставку, а годные и новые для подарковъ родственнымъ и служебнымъ лицамъ. Вотъ примѣрные цифры подобныхъ построекъ для царицъ Евдокии Лук. 1627—1629 г. и Марьи Ил. 1648—1650 г.

	136 г.	137 г.	156 г.	157 г.	158 г.		136 г.	137 г.	156 г.	157 г.	158 г.
Шапка . . .	1	7	"	11	2	Роспашица .	1	"	"	"	3
Каптуръ . .	1	1	"	"	"	Опошень . .	"	2	2	"	"
Треухъ . . .	"	1	1	2	"	Рукавки . .	1	"	"	"	"
Шубка . . .	2	1	7	3	1	Чулки . . .	2	3	3	"	"
Тѣлогрѣя . .	9	14	25	18	20	Башмаки . .	8	4	8	"	4
Лѣтникъ . .	10	5	15	21	10	Ичедыки . .	"	"	2	"	"
Приволока .	"	"	1	"	"	Чеботы . . .	11	15	17	2	15

Кромѣ значенія мастерской, которое было такъ сказать коренное, почему и самый Постельный царицынъ Приказъ большею частію назывался тоже Мастерскою палатою, эта Палата имѣла еще значеніе царицыной кладовой, иначе гардеробной, въ которой, въ особыхъ помѣщеніяхъ, въ поставцахъ, коробьяхъ, шкатулахъ, ларцахъ, ящикахъ и сундукахъ сохранялись всякіе предметы изъ платья и уборовъ, разумѣется, за исключеніемъ только тѣхъ, которые употреблялись всѣдневно и по этому хранились въ хоромахъ у самой царицы или у царевенъ. Выдавая наряды по назначенію, Палата вела точныя и подробныя объ этомъ записки, извѣстныя подъ именемъ *выходныхъ* книгъ, которыя по отношенію къ царицамъ и царевнамъ, къ сожалѣнію, не сохранились.

Изъ общихъ ея описей мы получаемъ любопытныя свѣдѣнія о количествѣ платья и уборовъ, какое за извѣстное время сохранялось въ казнѣ и которое даетъ понятіе вообще о степени щегольства въ быту царицъ и царевенъ. Съ этою цѣлью помѣщаемъ здѣсь сводную роспись различныхъ одеждъ царицъ Евдокии Стрѣшневыхъ, Марьи Милославскихъ, Агаѣи Грушецкихъ и взрослыхъ царевенъ Большихъ, отъ Стрѣшневой, и Меньшихъ, отъ Милославской.

УБОРЫ И ОДЕЖДЫ.	Ц А Р И Ц Ы .					Ц А Р Е В Н Ы (1673 г.).							
	Евдокия Лук.					Ирины.	Анны.	Татьяны.	Евдокии.	Марии.	Софии.	Екатерины.	Марии.
	1626-8.	1632.	1642.	Марья Ильичи.	Агаси Сех.								
Корунны	..	..	..	..	4								
Книги	5	—	—	4	2								
Рясы	4	—	—	1	—								
Шляпы	7	—	—	6	—								
Снуры шляпочные	3	—	—	3	—								
Каптуры	18	—	—	7	—								
Ожерелья бобровыя	16	—	—	5	1								
Шапки	8	15	38	27	2								
Горлатныя шапки	2	1	..	..	..	1	1	1	1	1	1	1	1
Пухъ шапочн.	—	—	—	3	—								
Верхн шапочн.	—	—	5	11	1								
Треухи	1	1	1	1	4								
Столбунцы	—	—	—	—	3								
Приволока	—	—	—	1	1								
Опашни	2	5	6	7	—	2	2	1	1	1	1	1	2
Лѣтники (вообще)	49	65	95	116	9	33	10	16	18	13	10	11	5
въ томъ числѣ:													
Золотныя	—	—	33	50	—								
Атласныя	—	—	11	20	—								
Камчатныя	—	—	25	27	—								
Объяринныя	—	—	14	11	—								
Тасяныя	—	—	11	8	—								
Дорогильныя	—	—	1	—	—								
Роспашницы	—	3	9	9	—								
(Золотн., камч., объяр., тасѣт.).													
Кортки	—	3	5	4	—								
Шубки (вообще)	..	..	..	..	..	18	10	9	11	9	7	7	7
Бархатныя	5	5	—	—	4								
Алтабасныя	2	1	—	—	—								
Атласныя	5	4	—	—	3								
Камчатныя	2	2	—	—	—								
Суконныя	14	18	24	22	2								
Золотныя	—	—	11	14	—								
Объяринныя	—	—	—	—	1								
Тягогрѣи, теплыя и холодныя (вообще)	35	52	124	—	—	37	15	30	43	47	25	23	27
въ томъ числѣ:													
Золотныя	—	—	27	—	35								
Атласныя	—	—	22	—	12								
Камчатныя	—	—	30	—	15								
Объяринныя	—	—	20	—	8								
Тасяныя	—	—	23	—	2								
Дорогильныя	—	—	2	—	—								
Одѣялы	—	4	—	—	—	7	9	3	—	5	4	5	—
Вошвы	13	12	—	—	—								
Рукавки	1	1	1	—	2								
Челюбки	12	20	42	—	—								
Башмаки	7	9	18	—	8								
Рукавъ	—	—	—	—	7								
Чулки вязан. и камчат.	—	—	13	—	6								

Здѣсь не подменованы нѣкоторыя, особенно богатые уборы и вообще *кузнь ларешная*, всякія драгоценности, по той причинѣ, что, какъ мы уже говорили, и само вѣдомство Мастерской Палаты ничего не знало объ ихъ количествѣ, ибо они хранились всегда въ особыхъ ларцахъ, ящикахъ, шкатулахъ и коробьяхъ за царицыною печатью и въ такомъ видѣ сдавались дворецкими и дьяками при случаѣ новаго пересмотра и новой переписи. Такъ здѣсь вѣтъ описи царицыныхъ корунъ, вѣнцовъ, богатыхъ ошивокъ, убрусовъ, жемчужныхъ ожерелій, монистъ, серегъ, перстней и т. п. Въ казнѣ у царицы Евдокіи Лук. въ числѣ ларцовъ находились: *Ларецъ* кипарисной съ костью, обложенъ серебромъ, во влагалищѣ въ суконномъ червчатомъ съ замкомъ за печатью царицы, а ключъ отъ замка у ней государыни въ хоромѣхъ. *Ларецъ* по зеленой землѣ травы писаны розными краски за печатью государыни великія старицы иноки Марѣы Ив. — *Ларецъ* зеленъ окованъ желѣзомъ за печатью царицы, а въ немъ государя (т.) нарядныя сорочки. — *Ларецъ* кипарисной за царицыною печатью, а въ немъ государы полотенца. *Ларчикъ* кипарисной окованъ, а въ немъ царицыны ошивки. *Коробья* новгороцкая съ замкомъ за печатью царицы, а въ ней царицыны сорочки. *Коробья* новгороцкая окована желѣзомъ, замкнута, за царицыною печатью, а въ ней государы да царицыны отставныя сорочки. *Коробья* осиновая бѣла съ вислымъ замкомъ за царицыною печатью, а въ ней по ярлыку написано: *низанные убрусцы*; а ключъ того замка у царицы въ хоромѣхъ. (155 г. генв. 31, съ убрусцы взялъ государь (Алексѣй М.) и отнесъ къ себѣ въ хоромы). *Ларецъ* кипарисной окованъ, съ замкомъ, а ключъ отъ того замка у царицы въ хоромѣхъ. А по сказкѣ боярыни Анны Костянтиновны въ томъ ларцѣ сорочки царевны Ирины. *Ларчикъ* оболоченъ бархатомъ червчатымъ оковцы серебряны; во влагалищѣ суконномъ съ замочкомъ вислымъ, а ключъ отъ того замка въ хоромѣхъ. Точно также и отъ нѣсколькихъ другихъ ларцовъ, коробей и шкатулъ, въ коихъ неизвѣстно что хранилось, ключи тоже находились у царицы въ хоромѣхъ.

Одежды и уборы царицъ, послѣ ихъ смерти, преименно переходили со всею ихъ казною къ новымъ царицамъ, за исключеніемъ развѣ носильнаго повседневнаго платья, которое большею частію раздавалось на поминъ души родственникамъ бывшей царицы или же продавалось съ цѣлью роздать деньги

тоже на поминъ по церквамъ и монастырямъ. Такъ въ 1645 г. по смерти царицы Евдокии продано было ея черное (траурное) платье съ предварительною оцѣнкою торговыхъ людей. Парадное выходное платье, вообще не часто надѣваемое, долго оставалось свѣжимъ и новымъ и потому долго сохранялось въ казнѣ; новыя царицы, изъ остававшагося запаса выбирали многое и для своего гардероба, передѣлывали и перешивали, что не было по плечу, а иное, что было въ пору, приказывали подавать себѣ и безъ передѣлки. Такъ, спустя 11 лѣтъ по смерти царицы Маріи Ильичны, нѣкоторыя ея одежды, 2 шубки, 5 лѣтниковъ 2 тѣлогрѣи, поступили даже къ молодой царицѣ Агаевѣ Сем., а еще прежде вся ея казна перешла къ молодой царицѣ Натальѣ Кирил., которая къ оставшемуся гардеробу въ теченіи первыхъ 5 лѣтъ прибавила только 9 лѣтниковъ (къ оставшимся 116), 7 шубокъ (къ оставшимся 56) и до 40 тѣлогрѣй, коихъ послѣ царицы Марьи вѣроятно, оставалось около 70. Между тѣмъ и гардеробъ царицы Марьи заключалъ въ себѣ значительное количество одеждъ, перешедшихъ къ ней отъ царицы Евдокии, ея свекрови. Такимъ образомъ количество богѣе или менѣе богатыхъ одеждъ накоплялось въ царицыныхъ кладовыхъ постепенно въ теченіи десятковъ лѣтъ и даже цѣлаго столѣтія. Укажемъ на постепенное приращеніе одеждъ у царицы Евдокии, число которыхъ въ 20 лѣтъ увеличивалось вдвое и втрое, по той причинѣ, что тутъ же сохранялись и старыя, не изношенныя, но шитыя прежде. Не говоримъ о *выросткахъ*, т. е. о дѣтскомъ платьѣ, изъ котораго дѣти выростали и которое обыкновенно переходило послѣдовательно къ младшему поколѣнію иногда въ полномъ составѣ. Замѣтимъ также, что то богатство нарядовъ, какое мы находимъ въ царицыной казнѣ въ эпоху Смутаго времени, извѣстное намъ лишь по отрывочнымъ, не вполне сохранившимся описямъ (Матер. № 17), объясняется тою же обычною бережливостью царскаго Двора. Здѣсь многіе предметы, особенно предметы свѣтличнаго рукодѣлья, каковы напр. лѣтничныя вошвы, могли оставаться еще отъ первыхъ царицъ XVI ст., такъ какъ въ концѣ XVII ст. оставались еще въ царицыной казнѣ уборы, напр. кики и одежды царицы Евдокии († 1645). Такая сохранность одеждъ и разныхъ другихъ предметовъ обнаруживала съ одной стороны великую бережливость и можно сказать великое скопидомство, какимъ отличалось государево и особенно царицыно хозяйство до послѣднихъ мелочей. Послѣд-

ній вершокъ ткани, остатокъ и обрѣзокъ сохранялся и шель въ дѣло или въ домовомъ обиходѣ или въ даръ. Въ расходныхъ царицыныхъ запискахъ часто встрѣчаются отмѣтки, что тому или другому ея родственному или служащему лицу выдавались именно вершки тканей, золотники шелковъ и т. п.

Здѣсь старое хозяйство было вѣрно своему старому исконивѣчному Домострою, который училъ: „остатки и обрѣзки (отъ кройки тканей и др. предметовъ) во всему пригожаются въ домовитомъ дѣлѣ: поплатить ветчаново товожъ портища или къ новому прибавить, или какое нибудь починить; а остатокъ и обрѣзокъ какъ выручить; а въ торгу устанешь прибираючи въ то лицо, въ три — дорога купишь, а иногда и не приберешь. Этотъ добрый совѣтъ не оставался пустою рѣчью, или однимъ только поучительнымъ присловьемъ, а водворялся въ дѣйствительности, даже и въ такомъ богатомъ и широкомъ обиходѣ, каковъ былъ обиходъ царицы. Въ казнѣ царицы Евдокьи Лук. Стрѣшневыхъ находилось не мало коробей и ящичковъ, именно со всякими остатками и обрѣзками. Напр.: *Оундука* кипарисной кованой, а въ немъ шубка бархатъ червчатъ, круживо вованое низано жемчугомъ и иная мелочь, камчатые и тафтяные остатки. *Коробья* лубеная, а въ ней остатки и всякое лоскутье бобровое и лисье. И тѣ остатки и лоскутье проданы, для того что излежались. *Коробья* осиновая, а въ ней остатки тафтяные и шолкъ. *Коробья* бѣлая, а въ ней бобровые и лисьи остатки. И тѣ остатки проданы. *Коробка* ноугороцкая невелика съ замкомъ съ внутренымъ, а въ ней остатки золотные и отласные большіе и мелкіе. *Коробья* бѣлая осиновая, а въ ней остатки камчатые и тафтяные и пестредилные. *Коробья* невелика съ замкомъ съ внутренымъ, а въ ней отласные, да камчатые да тафтяные мелкіе остатки. Множество подобныхъ остатковъ, обрѣзковъ и лоскутьевъ сохранялось въ казнѣ времени Годунова и Шуйскаго.

Если съ такою бережливостью сохранялись мелкіе лоскутки, то очень естественно, что цѣлыя одежды, переживали иной разъ не одно поколѣвіе. Ихъ береженье главнымъ образомъ поддерживалось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время вовсе не были извѣстны модные покрои платья, которое кроилось по вѣковѣчнымъ неизмѣннымъ образцамъ, при томъ изъ такихъ тканей, что могло даже черезъ цѣлое столѣтіе вполне отвѣчать и потребностямъ и вкусамъ тогдашнихъ красавицъ, и какой либо богатый и роскошный лѣтникъ, сшитый въ началѣ XVI ст.

напр. вел. княгиня Елена Глинская, могъ послужить въ концѣ столѣтія такимъ же богатымъ и роскошнымъ нарядомъ и для царевны Ксеніи Годуновой, лишь бы пришелся по плечу и въ ростъ ¹. Надо замѣтить, что Смутное время или московская Разруха опустошила царскія кладовыя до нитки, такъ что первыя царицы XVII ст. должны были дѣлать себѣ все вновь, снова накоплять свою казну, которая въ дѣйствительности къ концу XVII ст. и наполнилась множествомъ различныхъ одеждъ, нашитыхъ разными царицами постепенно въ теченіи столѣтія.

Мы уже говорили (т. I, 28), что Свѣтлицею вообще, въ старинныхъ хоромахъ, называлась болѣе обширная, сравнительно съ другими, и свѣтлая хоромина, которая въ домовитомъ обиходѣ и особенно на женской половинѣ устраивалась по преимуществу для женскихъ рукодѣлій, была рабочею комнатою. Своимъ устройствомъ, т. е. большими красными окнами и ихъ количествомъ она походила на теремъ и отличалась отъ него лишь тѣмъ, что ставилась не въ самомъ верхнемъ ярусѣ древнихъ хоромъ, т. е. не входила въ составъ, жилаго хозяйскаго Верха, а принадлежала къ хороминамъ нижнимъ и въ смыслѣ мѣстоположенія и въ смыслѣ своего служебнаго, рабочаго назначенія. Впрочемъ свѣтлица всегда устраивалась только для чистыхъ работъ и если въ иныхъ случаяхъ занимала верхнее помѣщеніе, то и называлась теремомъ, каковъ, напр. въ царскомъ дворцѣ XVII ст. былъ *иконный теремъ*, находившійся въ верхнемъ этажѣ набережной стороны Дворца. Сохраняя общее значеніе свѣтлой, чистой и просторной рабочей комнаты, свѣтлица, конечно, бывала необходимою принадлежностью и для другихъ статей домовитаго хозяйства, напр. въ государевомъ дворцѣ были особыя свѣтлицы на Сытномъ дворѣ „у отпуску боярской водки и у винной раздачи въ столовое и вечернее кушанье“; на Хлѣбномъ — „у присмотру приказныхъ ѣствъ“, т. е. которыя бывали особо приказываемы и т. д. ² Но

¹ Упомянемъ, что въ государевой казнѣ 1645 года сохранялась, кажется еще старая сума в. к. Ивана Калиты. Въ кроильной книгѣ (А. О. П. № 1158), апрѣля 19 записано: скроена сума камка индѣйская шолкъ голубъ да вишневъ, противъ старыя сумы вел. кн. Ивана Даниловича Калиты.

² Въ 1667 г. ноябр. 10, на кормовой и на хлѣбный дворцы въ *свѣтлицы* отпущено на полавочки, на покрывшу лавокъ, двѣ половинки сукна краснаго лятчныя.

частное такъ сказать специальное ея значеніе оставалось по преимуществу за комнатою женскихъ чистыхъ рукодѣлій, которая и носила названіе Свѣтлицы по преимуществу.

Сначала въ государевомъ дворцѣ Свѣтлица находилась въ деревянныхъ хоромахъ и всегда обозначала совокупность нѣсколькихъ рукодѣльныхъ комнатъ. Въ 1625 г. позади дворцовыхъ зданій надъ Куретными дворцовыми воротами выстроена особая *свѣтличная каменная палата* (т. I, 55), которая посредствомъ крытыхъ и открытыхъ переходовъ или галлерей соединялась съ постельными хоромами царицы и царевенъ, а слѣд. и со всѣмъ остальнымъ дворцомъ. — Но и въ это время подлѣ Свѣтличной палаты были поставлены и еще отдѣльныя деревянныя свѣтлицы, по той причинѣ, что, вѣроятно одной каменной палаты было недостаточно для помѣщенія царичьихъ рукодѣльницъ. Въ этихъ то зданіяхъ сосредоточивалась вся рукодѣльная статья царицыной жизни. Здѣсь постоянно работало болѣе пятидесяти женщинъ, мужнихъ женъ, вдовъ и дѣвицъ, — мастерицъ и ученицъ, изъ которыхъ одиѣ занимались *бѣлыми* шитьемъ, т. е. шитьемъ всякаго бѣлья; другія — *золотымъ*, подъ именемъ котораго разумѣлось и шелковое шитье, т. е. всякое вышиванье золотомъ, серебромъ и шелками. Первые назывались по этому *бѣлыми швеями* и *бѣлыми мастерицами*; вторыя — *золотыми* и *золотыми мастерицами*.

Само собою разумѣется, что въ царскомъ дворцѣ, искусство вышиванья получало самое дѣятельное и обширное примѣненіе и всегда стояло на высшей степени своего совершенства, всегда славилось и лучшими во всей странѣ искусницами шитья и лучшими образцами произведеній, чѣмъ, конечно, очень много способствовали государскія дворцовыя средства, какъ въ отношеніи богатства, такъ и въ отношеніи сосредоточенія въ своихъ рукахъ всего лучшаго, всего наиболѣе достойнаго по искусству и наиболѣе цѣннаго по матеріалу. Царицына Свѣтлица была, въ своемъ родѣ, такую же художественною школою, какою на половинѣ государя была Иконописная палата и которой Свѣтлица ни въ чемъ не уступала, изображая тѣже иконы не красками, а шелками, съ такою тщательностію и отчетливостію, что онѣ и до сихъ поръ заслуживаютъ удивленіе археологовъ. Стилъ иконописной раскраски, своего рода мозаики, давалъ полную свободу подражать ему въ воспроизведеніи иконописныхъ ликовъ такую же мозаикою шелковаго шитья, которое

притомъ исполняло свои работы по тѣмъ же иконописнымъ переводамъ, прорисамъ и образцамъ съ соблюденіемъ не только основныхъ линий но и колорита раскраски.

Царицына Свѣтлица, такимъ образомъ, представляетъ намъ цѣлый особый и забытый міръ художнической дѣятельности, въ которой художникомъ является русская женщина, приносившая рядомъ съ мужчиною, свой усердный и столькоже замѣчательный трудъ на возвышеніе красоты и великолѣпія Божьяго храма.

Начало шелкового и золотого шитья мы должны относить къ самымъ первымъ временамъ нашей исторіи, когда оно, по всему вѣроятію, служило лишь домашнимъ потребностямъ богатаго наряда и убора. Само собою разумѣется, что съ принятіемъ христіанства, благодаря потребностямъ Церкви и знакомству и близкимъ связямъ съ византійскою греціею, откуда безъсомнѣнія вмѣстѣ съ образцами работы являлись къ намъ мастера и мастерицы, — это женское по преимуществу художество, получило обширнѣйшее примѣненіе, распространилось и утвердилось какъ особая отрасль художества, служившаго исключительно Церкви. Вѣроятно же всего, что въ первое время особому его распространенію способствовали женскія монастырскія общины. Мы видѣли, стр. 91, что уже первыя княжны основываютъ монастыри, собираютъ черноризицъ и съ богомольными цѣлями путешествуютъ даже въ Греки, въ Царьградъ, гдѣ конечно, въ женскихъ же монастыряхъ знакомятся еще ближе съ искусствомъ. Женскій монастырь долженъ былъ существовать женскимъ же руководѣніемъ; а какое же руководѣніе было соответственнѣе монастырскому настроенію мысли, какъ не то, которое прямо шло на украшеніе Божьяго храма. Очень естественно, что первые женскіе монастыри были и первыми мастерскими и первыми рассадниками этого искусства. Татищевъ упоминаетъ, что первая монахиня изъ русскихъ княженъ, дочь Всеволода, Янка сама учила черноризидъ дѣвизъ грамотъ, пѣть, шить. (Кар. 11. пр. 156.) Онъ же приводитъ свидѣтельство, что другая Анна Всеволодовна, жена Рюрика Ростиславича (1200 г.), „ни о чемъ болѣе прилежала, какъ о милости и милостыни; обидимыхъ и страждущихъ въ напастехъ охраняла и защищала, еще же и должность материнскую хранящи, научила чадъ своихъ словесамъ и закону Божію, также милости и благонравію. Сама прилежала трудамъ и руководѣніямъ, швеніямъ златомъ и

сребромъ, какъ для себя и своихъ дѣтей, паче же для монастыря Выдубицкаго, которому особенно усердствовала вмѣстѣ съ мужемъ¹. Припомнимъ Февронію Муромскую, которая бывъ крестьянкою ткала красна, а ставши княгинею, а потомъ и монахинею, однажды „въ храмъ Пречистыя соборныя церкви своими руками шила воздухъ, покровъ на св. сосуды, на немъ же бѣ лики святыхъ“. Въ это время бывший ея супругъ, также инокъ, князь Петръ, присылаетъ къ ней вѣстника, что приближился часъ его кончины и ждетъ онъ ее, чтобъ вмѣстѣ „отъйти отъ тѣла“. Она отвѣтила: пожди—вотъ дошью воздухъ во святую церковь. Супругъ присылаетъ вторично, говоря, что остается мало ожидать; присылаетъ въ третій разъ, съ словами, что ожидать уже невозможно; „она же останошное дѣло воздуха святаго шіаше, уже бо единого святаго ризъ еще не дошивъ, лице же нашивъ, и преста, и воткне иглу и приверте нитею, ею же шіаше, послала къ блаженному супругу о преставленіи купнемъ и помолвишеса преставилась“.

Такимъ образомъ не будетъ и малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ одно время съ построеніемъ у насъ первыхъ христіанскихъ храмовъ явились на украшеніе ихъ и первые памятники женскаго золотого и шелковаго шитья. Скупые на подробности лѣтописцы, рѣдко, и то уже въ позднее время, описываютъ самыя предметы вышиванія и обозначаютъ ихъ вообще именемъ церковной *круты*.

Въ 1146 г. онѣ упоминаютъ какъ князь Изяславъ взялъ городъ князя Святослава и церковь св. Вознесеніе всю облупиша, забралъ: сосуды, „индитьбѣ и платы служебныя, а все шито золотомъ“...

Въ 1183 г. въ градѣ Володимери Суздальскомъ сгорѣла соборная церковь, Богородица Златоверхая, а въ ней всѣ узорочья и въ томъ числѣ „портъ (одеждъ) шитыхъ золотомъ и женчюгомъ, яже вѣшали на празникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до владыцннхъ сѣнй во двѣ же верви, чюдныхъ“.

¹ Татищевъ кн. III, 329. Лѣтопись не говоритъ объ ученіи дѣтей рукодѣлю (Ип. 153); но прибавки нашего перваго историка вполне вѣроятны, оправдываются всѣми обстоятельствами и могли быть заимствованы изъ позднѣйшихъ сказаній, которыя обозначали подробности то, что разумѣлось вообще въ короткихъ словахъ лѣтописца.

Въ XIII вѣкѣ онѣ упоминають: о церковныхъ сооружеиіяхъ князя Владиміра Васильковича на Волыни, который между прочимъ устроилъ: „завѣсы золотомъ шиты, платцы (воздухи) оксамитны шиты золотомъ съ женчюгомъ — херувимъ и сераѳимъ, ннѣдятся золотомъ шита вся“...

Изъ предметовъ мірскаго наряда, упоминають облечье золотомъ шито, какъ принадлежность одежды знатныхъ людей, и сапозы зеленого хѣза шиты золотомъ, что указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на мужское золотошвейное искусство.

Но конечно не однѣ монастырскія мастерскія доставляли украшеніямъ церкви столько работъ и еще чудныхъ, какъ обозначаетъ ихъ лѣтопись. Впослѣдствіи, особенно, когда монастырскіе идеалы вполнѣ водворились въ семейномъ быту, каждый княжескій и боярскій домъ, каждый достаточный домъ, направляемый благочестіемъ и особеннымъ усердіемъ къ Церкви, точно также приносилъ ей свои труды, или на поминъ души или исполняя свои набожные обѣты и моленія. — Это становится наконецъ святымъ обычаемъ, которому слѣдовали непременно и неизмѣнно въ теченіе всего допетровскаго вѣка, хранили его, какъ догматъ благочестивой семейной жизни.

Въ послѣдующее время, въ XVI и XVII ст. мы находимъ, что въ каждомъ домостройномъ и достаточномъ хозяйствѣ, золотное и шолковое *пяличное* дѣло принадлежитъ уже къ необходимымъ статьямъ общаго домоводста и занимаетъ самое видное мѣсто въ числѣ разныхъ другихъ рукодѣлій. Каждая достаточная государыня и добрая домоводица, а главное, добрая рукодѣльница всегда сама была искусницею въ этомъ пяличномъ дѣлѣ. Оно служило первымъ признакомъ хорошаго воспитанія и образованія въ женскомъ быту, лучшимъ украшеніемъ хозяйскихъ добродѣтелей дѣвицы и женщины. Къ тому же и самое положеніе женскаго быта, монастырски замкнутаго и недоступнаго обществу, должно было особенно благоприятствовать укорененію и распространенію этого рукодѣлія. Въ достаточной средѣ, трудно было найти занятіе, болѣе соотвѣтственное общему набожному настроенію мыслей и набожнымъ представленіямъ о наилучшемъ мірскомъ подвигѣ жизни, съ другой стороны нельзя также было найти занятія болѣе соотвѣтственнаго такъ сказать „изящному“ провожденію времени, по крайней мѣрѣ по понятіямъ вѣка и особенно для дѣвиць. И дѣйствительно, это рукодѣліе вполнѣ могло удовлетворять самымъ возвышеннымъ по-

требностямъ тогдашнихъ стремленій и вкусовъ, создавая памятники на украшеніе Божьему храму, и производи множество предметовъ для красоты женскаго, а отчасти и мужскаго наряда. Словомъ сказать золотное и шелковое шитье всегдѣ вводило людей въ міръ искусства вообще, приближало ихъ къ изящному въ жизни, и тѣмъ самымъ, быть можетъ, смягчало нравы, направляло ихъ къ лучшей по обстановкѣ вѣка жизни, т. е. къ жизни иноческой.

Какъ бы ни было, но еще и до сихъ поръ въ монастыряхъ и церквахъ сохраняется множество памятниковъ, которые показываютъ, что женскій трудъ вышиванья нисколько не уступалъ мужскому иконописному труду и въ такой же мѣрѣ обогащала Церковь своими болѣе разнообразными произведеніями. Въ этихъ памятникахъ, предъ лицомъ исторіи, женская личность свидѣтельствуетъ о своей многовѣковой дѣятельности, о своемъ независимомъ самостоятельномъ трудѣ, который былъ привносимъ съ единою цѣлю возвысить красотой и богатствомъ обстановку церковнаго служенія и молить о спасеніи души.

Нѣкоторые памятники въ своихъ надписяхъ или въ запискахъ послучаю ихъ постройкѣ краснорѣчиво рассказываютъ эти благочестивыя стремленія женской личности. Такъ на одной древней епитрахили въ Новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ читаемъ слѣдующія слова: „Госпоже Богородица, Пречистая Мати Божія, Милостивая Царице, пожалуй, Госпоже, помилуй рабу свою Марію, отдай ей грѣхъ; буди, Госпоже, помощница въ семь вѣдѣ и въ будущемъ рабѣ своей Маріѣ и раба своего Феодора. Спаси ее, Госпоже, Царица Пречистая. Пожалуй, Госпоже, помилуй!“¹ Въ запискахъ новгородскаго Софійскаго синодика XVI в. между прочимъ значится: 1541 г. шила *пелену* княгиня Анна Оболенская въ домъ св. Софіи неизрѣченныя премудрости Божія, къ ней же пелена и приложена бысть.—А за то поминати (княгиню) въ сенаникѣ и въ литейномъ поминаніи въ повседневномъ, докуда и храмъ св. Софіи стоитъ, а изъ поминанія не выгладити (не выскоблить имени) княгини Анны.— 1543 г. шила златомъ и серебромъ *пелену* княгиня Ксенія Шуйская въ домъ св. Софіи, а приложена къ Спасову образу. И какъ представится кн. Ксенія—поминати (ее) въ се-

¹ Арх. описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, соч. архим. Макарія, ч. II, стр. 337.

наникъ и въ литейномъ поминаніи и въ повседневномъ, доуды и храмъ св. Софіи стоитъ. 1549 г. тая же княгиня Ксенія шила *покрогъ* десяти пядей образъ Іоанна архіепископа новгородскаго—златомъ и серебромъ и шолки различными цвѣты. И на праздникъ на св. Пасху положила на гробъ чудотворца Іоанна во храмъ св. Іоанна Предтеча—за здравіе князя Івана Михайловича (ея супруга) и за свое и за своихъ благородныхъ чадъ. А по преставленіи князя Івана и княгини Ксеніи поминати ихъ во всенаніи и въ литеи во вѣки въ церкви св. Софіи и въ храмъ св. Іоанна Предтеча, идѣже лежатъ мощи Іоанна новгородскаго“¹.

При настоящей задачѣ нашего труда, мы неимѣемъ намѣренія да и возможности дѣлать перечисленіе памятниковъ, какіе были совершены въ разное время искусствомъ вышиванья. Повторимъ только, что не смотря на утраты, ихъ много сохраняется и досихъ поръ, а въ прежнее время ихъ существовало великое множество, чему свидѣтелями могутъ служить всѣ древнія описи церквей и монастырей, въ которыхъ отдѣлъ церковной „круты“, т. е. одеждъ разнаго наименованія и назначенія, шитыхъ и саженыхъ или низаныхъ жемчугомъ всегда бываетъ столько же полонъ и богатъ, какъ и другіе отдѣлы храмовой утвари. На памятникахъ наиболѣе замѣчательныхъ почти всегда вышивалась и лѣтопись ихъ сооруженія, иногда даже съ обозначеніемъ именъ трудившихся. Въ Антоніевомъ новгородскомъ монастырѣ хранятся ризы (1654 г.), у которыхъ на оплечья шиты золотомъ и серебромъ съ передней стороны обр. Богородицы на престолѣ, 8 Апостоловъ и 4 новгородскихъ чудотворца; а съ задней стороны: Спасъ и Богородица и Предтеча, т. е. денсусъ, и въ лѣтописи обозначено: „шила Ростквина (?) Катерина Петрова“².

Въ Сольвычегодскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ сохраняется пелена къ образу царевича Дмитрія, шитая по малиновому атласу золотомъ, серебромъ и шелками, на которой изображенъ царевичъ во весь ростъ и событіе его убіенія, а въ поляхъ святыи и въ углахъ символы Евангелистовъ. На задней сторонѣ вышита лѣтопись: „7163 (1654) года октября 19 совершена бысть сія пелена къ образу святаго благовѣрнаго царе-

¹ Временникъ Общ. Истор. и Др. кн. 24, ст. 40.

² Арх. опис. Церк. Древн. Новгорода, Арх. Макарія II, 324.

вича и великаго князя Дмитрія московскаго и всея Русіи чудотворца, что на посадь у Соли Вычегодской въ церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы *по обѣщанію именитаго чело-вѣка Дмитрія Андреевича Строганова, а труды и тѣчаніе сія пелены жемчужомъ жены его Дмитрія Андреевича Анны Ивановны, а въ лицахъ и въ ризахъ и во всякой утвари труды инокини Марвы, по реклу Веселки*¹.

Такимъ образомъ и въ царицыной Свѣтлицѣ главными и первыми самыми видными предметами золотого и шелковаго вышиванья были различныя церковныя утвари, исполняемыя точно также по обѣщанію, или въ ознаменованіе усердныхъ моленій и благодареній по случаю какихъ либо домашнихъ, семейныхъ событій, домашнихъ семейныхъ отношеній между царствующими супругами, за здравіе живущихъ и на помянъ души умершихъ, такъ что сооруженіе такихъ памятниковъ всегда олицетворяло въ нихъ внутреннюю задушевную исторію благочестивой жизни царскаго Дома.

Въ разное время, смотря по требованіямъ и по назначенію царицы или царевенъ, мастерицы изготовляли здѣсь слѣдующіе предметы церковной утвари: святительскія шапки и саки (саквосы), омофоры, епитрахили, орари, оплечья ризныя и стихарныя, поручи; на церковныя сосуды покровцы и воздухи, пелены и застѣжки къ образамъ, убрусцы; хоругви, плащаницы, надгробные покровы, и т. п.

Изъ домашнихъ мірскихъ вещей первое мѣсто въ свѣтличныхъ золотошвейныхъ рукодѣліяхъ принадлежало *вошвамъ*. Это были бархатные или атласные, вообще шелковые платы, о которыхъ мы уже говорили, стр. 625 и которые всегда роскошно разшивались узоромъ, травами и разными изображеніями; а потому изъ нихъ же очень часто устраивали оплечья у священническихъ ризъ и у дьяконскихъ стихарей и ихъ размѣръ вполне былъ пригоденъ для такого употребленія. Было въ обычаѣ богатые женскіе наряды, именно *причастныя*, въ которыхъ причащались св. таинъ, и именно лѣтники съ богато шитыми вошвами жертвовать по смерти въ церковь на ризы. По всему вѣроятію эти то *вошвы-платы*, шиваемыя въ оплечья ризъ, и возбудили мнѣніе о неприличіи такого дѣла еще въ XII вѣкѣ, въ извѣстныхъ „вопросахъ“ Киррика.

¹ Сольвычегодская старина, рукопись; В. Попова.

Изъ другихъ частей стариннаго женскаго и мужскаго наряда мастерицы вышивали: шапочные вершья, особенно у женскихъ шапокъ, ожерелья или воротники, стоячія и отложныя, запястья, женскіе башмачные и чеботные переды изъ бархата и атласа; вышивали также женскія и мужскія сорочки, фаты и особенно много изготовляли вышивныхъ ширинокъ, фустокъ или платковъ, полотенецъ, убрисовъ, т. е. головныхъ покрововъ. Въ государеву мастерскую палату изготовляли такъ называемый *кречатій нарядъ*, уборъ ловчихъ птицъ и для собственнаго употребленія и для посланки въ даръхъ къ турецкому султану въ Царьградъ, въ Кзылбашу къ персидскому шаху и къ европейскимъ государямъ, особенно къ английскимъ королямъ. Этотъ уборъ состоялъ изъ вотолки, нагрудника, нахвостника, нагавокъ, шитыхъ изъ атласа и клобучка изъ бархата, которые частію вышивались золотомъ, а преимущественно низались жемчугомъ, а также изъ обнажей, должика, силецъ и задерешекъ, которые украшались жемчужными низанными ворворгами и княпышками.

Въ золотное дѣло употреблялось волоченое золото и серебро, нѣмецкое и отчасти турецкое, *сканое* и *пряденое* съ шелкомъ, а также золотая и серебряная битъ разнovidнаго изготовленія, именно *канитель*, *трунцалъ* или *струнцалъ*, *картулинъ* или *картулень*, *картунель*; *бганъ* или *ибанъ*, и разные роды такъ называемыхъ блестокъ: *звѣздки*, *пеленелы*, *плащики*, *цѣпочки* и т. п. Больше всего употреблялась канитель и особенно нѣмецкая, которая была *тонкая* и *толстая*, *гладкая* и *грановитая*, *красная* собственно золотая, и *цвѣтная* (разныхъ цвѣтовъ), а также *бѣлая*, серебряная; трунцалъ также былъ *красный* золотой и *бѣлый* серебряный, какъ и вообще словомъ бѣлый обозначалось серебро, въ отличіе отъ золота и золоченья.

Всѣ эти предметы покупались въ Серебряномъ ряду и у торговыхъ нѣмцовъ, за золотникъ по 5 алтынъ. Толстая канитель была дороже и покупалась по 6 алт. 4 д.; въ этой же цѣнѣ была канитель цвѣтная. Трунцалъ, бганъ и цѣпочки продавались также нѣсколько дороже, по 5 алт. по 2 и по 4 денги золотникъ. Волоченое или пряденое золото и серебро продавалось намотанное на цѣвки или катушки или же связанное кистями, и вѣсилось *литрами* (72 зол.) и цѣвками (6 зол.) отчего и называлось *литернымъ* и цѣвочнымъ; нитями въ золотникъ считалось 10 нитей, а въ цѣвкѣ 60.

Въ XVI ст. литра продавалась дешево по 4½ р. и дорого по 6 р. Въ XVII ст. дешевая цѣна была 10 р. 80 к. (по 15 в. зол.) дорогая 14 р. 40 к. (по 20 к. зол.). Также самая цѣна стояла и на всѣ другіе издѣлія изъ золотой и серебряной биты, поименованныя выше.

Такъ какъ волоочеваго золота и серебра и канители употреблялось много, а дома все это можно было готовить дешевле и выгоднѣе, то во Дворцѣ еще въ началѣ XVII ст. было заведено канительное производство, были вызваны нѣмцы мастера и устроенъ канительный станъ. Въ первой половинѣ XVII ст. находились при Дворцѣ и въ царицыну мастерскую палату поставляли канитель и подобные предметы канительные мастера: Иванъ Баженовъ 1614 г., Мурза Гавриловъ 1614—1626 г.; Фредрикъ Гурикъ и Курикъ 1622—1632 г.; Юрій Яковлевъ, волочильникъ 1623—1630 г.; Авраамъ Юрьевъ Каврикъ и Гарвинъ 1628—1633 г.; Ульянъ Ульяновъ 1632—1636 г.; Иванъ Буковъ 1632—1633 г.; Французенинъ Иванъ Бостинъ 1633 г.; Абрамъ Арѣинъ 1634—1637 г. и др.

О способахъ и о самомъ производствѣ золотого шитья мы нѣмемъ мало свѣдѣній. По всему вѣроятію многое изъ старинной техники этого дѣла сохраняется и теперь, у нынѣшнихъ русскихъ золотошвеекъ, особенно по украиннымъ стариннымъ городамъ. О способахъ шитья въ XVII ст. встрѣчается нѣсколько указаній при описаніи шитыхъ вещей. Такъ обозначается шитье *ладью*, *высокимъ швомъ*, *на-чеканное дѣло*, т. е. на подобіе чеканной металлической работы; *на-канительное дѣло*, спиралью; шитье *въ петлю*, *въ большую петлю*, *въ круги*, *въ мелкіе кружки*, *въ ушки*, *въ влзъ*, *въ клопецъ*, *въ ломъ*, *въ черенки*, *сканью*. Чаше встрѣчается обозначеніе шитья *на-аксамитное дѣло*, на подобіе аксамита, особаго рода парчи, въ которой узоры, травы и разводы ткались или возвышенно передъ полемъ или фономъ матеріи или же на оборотъ: поле ткалось возвышенно, а разводы углубленно, при чемъ поле бывало золотное, а разводы шелковые, или поле шелковое, а разводы золотные. Золотое и шелковое шитье подражало этому способу ткани, почему и самый способъ такого шитья опредѣлялся словомъ *аксамитить*, т. е. шить подобіемъ аксамита. Такимъ же образомъ шитье подобіемъ бархата обозначалось выраженіемъ: *бархатить*¹.

¹ Сравни. въ Описаніи г. Савваятова стр. 290.

Нераздѣльно съ золотошвейною работою стояло *мизанье* или *самсеме* жемчугомъ, который цѣнился по величинѣ, окатности или скатности, особенной круглотѣ, и по чистотѣ воды, т. е. по яснотѣ (лоску) и бѣлизнѣ зерна, вообще цѣна ему была „по верну смотря“, т. е. въ высшей степени различна. „Память, почему знать купить разныя всякія купеческія ружья и товары“ на счетъ жемчуга совѣтуетъ такъ: покупай жемчугъ все бѣлый да чистый, а желтаго никакъ не купи: на Руси его никто не купитъ“. Напротивъ у восточныхъ народовъ предпочитался жемчугъ желтоватый, никогда не терявшій своей воды, между тѣмъ какъ бѣлый черезъ нѣсколько лѣтъ темнѣлъ и желтѣлъ.

Жемчугъ зерновой окатной, чистый и бѣлый, покупался въ XVI в. за зерно безъ малаго въ золотникъ въсомъ по 8 руб. По этому расчету съ нѣкоторымъ пониженіемъ цѣнились зерна и меньшей величины, такъ что зерно въ $\frac{1}{4}$ зол. стоило рубль.— Это былъ жемчугъ „великій, большой“. Жемчугъ средній и мелкій, ссыпной, и при томъ *рядовой*, т. е. обыкновенный, не отличавшійся особенною чистотою и окатностью цѣнился также сообразно своей величинѣ: 15 зеренъ въ золотникъ стоилъ 1 $\frac{1}{4}$ р.; 30 зеренъ—1 р.; 50 зеренъ—полтина и т. д. Зубоватый, т. е. не гладкій, угольчатый, рогатый, но чистый, шелъ при гладкомъ въ полцѣны; а самый окатный или окатистый чистый при рядовомъ въ двѣ цѣны. *Зерлятка*, очень мелкій, и *буторъ*, ломъ, продавался еще дешевле.

Лучшимъ, а слѣд. и болѣе дорогимъ почитался жемчугъ *гурмычій* или *бурмицкій*, *бурминскій*, вывозимый изъ Ормуза или Гурмыза (страна, городъ и островъ при Персидскомъ заливѣ)¹ Затѣмъ слѣдовалъ жемчугъ каѳимскій, вывозимый изъ Кафы (Феодосіи). Много жемчугу привозили и съ западной границы чрезъ Архангельскъ. Употреблялся также и русскій жемчугъ *варзужскій*, дабыаемый въ р. Варзугѣ (Арханг. губ. Кемскаго уѣзда); онъ же, вѣроятно, въ началѣ XVI ст. назывался *новогородскимъ*.

Низали жемчугомъ *въ низку*, *въ раску*, *въ расную*, *расою*, *въ перье*, *въ-прядь*, *въ одну*, *въ двѣ*, *въ три пряди*, *въ одно зерно*, *въ шахматъ*, *въ ревидъ*, *льсомъ*, *зелью*, т. е. въ видѣ буквы зѣла, и т. п., вообще способъ низанья обозначался фигурою узора или какого изображенія.

¹ Городъ Гурмызъ былъ центромъ южной азіатской торговли; о немъ Мавры говаривали: „аще бы свѣтъ былъ перстнемъ, Ормуздъ былъ бы его каменемъ“. Тамъ торгуютъ купцы всякаго народа.

Кромѣ жемчугу въ украшенъе золотого и серебрянаго шитья употреблялись и дорогіе камни разныхъ наименованій, всегда для низанья просверленные; а также и простые камни изъ стеклянныхъ сплавовъ, называемые *достоками*, варениками и *смазками*. Въ XVII ст. употреблялись въ низанье камни *черныя бирюзки*. *Пронизки* или бусы и *бисеръ* въ работахъ царицыной свѣтлицы употреблялись рѣдко, по той причинѣ, что это былъ нарядъ небогатый. Въ соответствии камнямъ шитье украшалось нерѣдко и металлическими, золотыми и серебряными *дробницами*, т. е. дробными мелкими чеванными или рѣзными фигурами и *запонами* съ камнями или съ финифтью.

Всякія изображенія и узоры и надписи, назначаемые для вышиванья или низанья, прорисовывали по ткани обыкновенно бѣлыми или чернилами состоявшіе при свѣтлицѣ *знаменщики* или рисовальщики. Въ иныхъ случаяхъ рисунки изготовлялись и на бумагѣ, черчениемъ и прокалываньемъ. Мастерницы по рисунку выметывали очеркъ бѣлою и затѣмъ разшивали шелками или золотомъ и серебромъ. Въ свое время для царицыной свѣтлицы много работалъ и знаменитый иконописецъ второй половины XVII ст. Сямонъ Ѳедоровъ Ушаковъ, состоявшій сначала знаменщикомъ въ Серебряной палатѣ.

По штату при свѣтлицѣ знаменщиковъ было двое. Въ 1620 г. знаменщиками золотныхъ мастерницъ были Иванъ Некрасовъ, Иванъ Ивановъ, которые апр. 3 получили вѣроятно въ награду за труды по 4 арш. сузна. Потомъ упоминаются: Петръ Ремезовъ (съ 1625 г.), на мѣсто котораго 1652 г. февр. 29 поступилъ Карпъ Тимоѳеевъ. Прося этого мѣста, онъ писалъ въ своей челобитной, 12 генв., что „при немъ Петръ Ремезовъ знаменилъ онъ многіе *дѣла* въ прибавку больши 10 лѣтъ, по иконному: святительскія шапки и саки и амфоры и патрахели и улары и ризные и стихарные оплечья и поручи; плащаницы и на церковные сосуды покровцы и воздухи и гробные покровы и на пеленахъ святыхъ отецъ дѣяніе и *столповыя слова* около покрововъ и воздуховъ и пеленъ и подписи; и всякое травное дѣло знаменить; а прежній де знаменщикъ, Петръ Ремезовъ, знаменилъ одно *травное дѣло*, а по иконному знаменить и *словописное дѣло* и подписей писать неумѣть; а знаменивали прежде сего, по иконному, его (Карповы) братья, иконники, изъ корму, а давано имъ отъ того дѣла по 2 алт. по 2 денги на день; а словописецъ де былъ жалованной; а ему

было денегъ 15 р. да хлѣба 20 чети ржи, овса тожь; и онъ Карпъ жалованьемъ передъ своею братьею, иконниками, скорбленъ; и живучи у государева дѣла безпрестани, оскудалъ и одолжалъ“, почему и просилъ сравнять его съ жалованными иконниками. Изъ этой челобитной видимъ, что свѣтличныя знаменщики знали только одно травное дѣло, а по иконному рисовать неумѣли. Для иконнаго знаменья, какъ увидимъ, призывались знаменщики—иконники изъ Серебряной и Оружейной Палаты. Въ концѣ XVII ст., 1660—1690 г., свѣтличными знаменщиками были: Петръ Симоновъ, Оника Онисеоровъ, Аванасій Резанцевъ, Григорій Лукьяновъ; писцами: Иванъ Ферапонтовъ, Дмитрій Третьяковъ.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе вообще о руководѣльной дѣятельности царицыной Свѣтлицы, приводимъ въ отдѣлѣ Матеріаловъ № 113 нѣсколько записокъ о *знаменныхъ* дѣлахъ, по которымъ исполняли свои работы мастерицы.

Само собою разумѣется, что руководѣлія царицыной Свѣтлицы Палаты не ограничивались только этими первостепенными богатыми и роскошными работами, вышиваньемъ и низаньемъ. Мастерицы занимались также шолковымъ и золотнымъ плетеньемъ, вязаньемъ, тканьемъ, сканьемъ (сученьемъ), изготовленіемъ кистей, снурковъ, поясковъ, тесемокъ и т. п. разными мелочными дѣлами, не говоря уже о *блломъ дѣль*, о шитьѣ бѣлья и вообще о шитьѣ всякихъ предметовъ даже и куколъ маленькимъ царевнамъ и царевичамъ и разнаго потѣшнаго ихъ руководѣля. Подробности обо всѣхъ такихъ работахъ можно найти въ приводимыхъ ниже запискахъ Верховому взносу и кроенью платья, въ отдѣлѣ Матеріаловъ.

Во второй половинѣ XVII ст. въ Москвѣ славились своими работами и свѣтлицы нѣкоторыхъ боярынь. Андрей Матвѣевъ говоритъ, что окольникій Василій Волынскій, человекъ гораздо посредственнаго смысла и легкомысленной совѣсти и мужъ малограмотный, вошелъ у тогдашнихъ временщиковъ въ великое жалованье, а стало быть проложилъ себѣ путь и къ высокимъ мѣстамъ, по своему лицемерному похлѣбничеству и „*супруги своей по всехвальному въ Москвѣ въ тѣ времена всякаю золотомъ и серебромъ дорогаю шитья въ своемъ домѣ, гораздо знаменитыхъ швей художеству*“; такимъ образомъ, не по разуму своему, но токмо по той лъстивой и стеклянной фортунѣ приобрѣлъ зѣло свѣтлое благополучіе. Ему былъ данъ въ управ-

леніе даже Посольскій Приказъ, а онъ это управленіе и политическіе дѣла, столько остро зналъ, сколько медвѣдь на органныхъ играть ¹.

Другая знаменитая боярская свѣтлица принадлежала боярынь Дарьѣ Прохоровѣ Милославской, женѣ боярина Ивана Богдановича Милославскаго, у которой иногда покупались разныя вещи во дворецъ, въ государевы хоромы, Матер. стр. 156.

Не говоримъ о дѣвичьихъ монастыряхъ, гдѣ золотошвейное искусство всегда процвѣтало, особенно въ Вознесенскомъ, въ которомъ въ началѣ царствованія Михаила сосредоточена была даже и вся дворцовая свѣтличная работа, ибо тамъ жила великая инока Марѣа Ив., мать государя, управлявшая въ первое время всѣмъ царицынымъ хозяйствомъ двора. Но и менѣе значительные монастыри также славились своими мастерицами. Въ 1651 г. (іюня 12) Варсоноѣвскаго монастыря старица Домнікія Волкова дѣлала и обнизывала жемчугомъ святительскую шапку въ Назаретъ назарейскому митрополиту Гаврилу.

Само собою разумѣется, что монастыри были наполнены такими руководѣльницами, ибо туда поступали дѣвицы и вдовы, уже искусныя во всякихъ домашнихъ руководѣліяхъ, а золотое шитье, какъ мы говорили, всегда было необходимымъ и почти исключительнымъ занятіемъ женщинъ достаточнаго, а особенно знатнаго круга, для котораго монастырь обыкновенно становился единственнымъ пріютомъ, какъ скоро, по какой либо причинѣ, должно было оставить кровъ домашній.

Петрей, обозначая вообще положеніе русскихъ женщинъ, говоритъ, что „въ домашнемъ хозяйствѣ лучшія и знатнѣйшія женщины имѣютъ мало значенія: мужа содержать ихъ, какъ невольницъ; онѣ сидятъ въ заперти въ своихъ комнатахъ и обыкновенно шьютъ, либо вышиваютъ на полотнѣ ширинки золотомъ, серебромъ и шелками; онѣ очень искусны въ этомъ дѣлѣ и мастерицы вышивать по всякому узору, нѣкоторыя даже до того, что перещеголяютъ иныхъ швей въ шитьѣ жемчугомъ, и *руководья ихъ вывозятся въ дальніе краи*“.

¹ Исторія о Невин. заточ. боярина Матвѣева, изд. 2, стр. 388.

Именем *бѣлой казны* обозначался запасъ полотенъ и разныхъ другихъ льняныхъ издѣлій, изготовляемыхъ про царскій обиходъ. Какъ въ крестьянскомъ быту льняное дѣло находилось исключительно въ женскихъ рукахъ, такъ точно и въ государевомъ дворцѣ эта статья домашняго хозяйства принадлежала исключительно вѣдомству самой царицы. Здѣсь по обширности потребностей это дѣло было устроено въ широкихъ размѣрахъ. Изготовленіемъ разныхъ предметовъ бѣлой казны занимались двѣ большія городскія слободы, въ Москвѣ Кадашевская и въ Твери Константиновская (впоследствии переведенная въ Москву), и два села Ярославскаго уѣзда Тихомирскаго стану, Брейтово и Черкасво. И слободы и села назывались хамовными по имени главнаго производства, которымъ занимались, т. е. тканья полотенъ, что въ собственномъ смыслѣ и называлось *хамовнымъ дѣломъ*. Нельзя полагать, что это слово *хам* идетъ отъ шведскаго *ham* рубашка и вообще отъ нѣмецкаго, слѣд. отъ варяговъ. По всему вѣроятію оно идетъ, быть можетъ вмѣстѣ съ производствомъ, еще изъ Индіи, гдѣ *хаманъ* значитъ полотно бумажное бѣлое, очень тонкое и частое, уподобляющееся голландскому. Оттуда вмѣстѣ со многими индѣйскими тканями, напр. шидою (ситецъ), оно и привозилось въ древнѣйшее время; а послѣ, по его образцу, стали ткать его и у насъ.

Полотна въ царицыныхъ слободахъ ткались двойныя изъ двойной пряжи, гладкія и полосатыя; тройныя изъ тройной пряжи, потолще, тоже гладкія и полосатыя; тверскія, тоже тройныя, составлявшія третій сортъ, похуже первыхъ двухъ. Затѣмъ скатерти или скатертные столбцы — задѣйчатые, посольскіе, большіе, середніе и малые, тверскіе, хлопчатые; убрusy или полки убрusныя; утиральники, полотенца, и кромѣ того изготовлялись нити и бѣль.

Производствомъ занимались хамовники (ткачи) и дѣловицы: ткальи, пряльи, бральи, швейи, задѣльницы, бѣльницы или бѣляницы и бердники. Работа была распредѣлена между ними на годовые уроки. Каждый урокъ назывался *дѣломъ*: дѣло ткалейное, дѣло прядильное, дѣло бралейное, швейное, бѣляное, бердяное. Объемъ дѣла уравнивался болѣею или меньшею трудностью издѣлья; хамовники работали *на дѣло*, т. е. въ годовой урокъ по семи полотенъ тонкихъ (двойныхъ) и по семи полотенъ тверскихъ (тройныхъ), причемъ двойное полотно одно считали

за 1½ полотна тройныхъ и такъ счетъ держали между собою при раскладѣ дѣла по общему тяглу.

Мастерицы — ткальи работали на дѣло по 6 полотень двойныхъ и по 8 тройныхъ. Мѣрою въ длину полотна ткались въ 14 арш. Для полотень пряжу готовили для каждаго сорта особья прядля и ставили пряжи на дѣло въ годовой урокъ для двойныхъ полотень 2 полотна, а для тройныхъ 3 полотна. Прядля тверскихъ полотень ставили пряжи на дѣло по 8 полотень тверскихъ. Убрусы или убрусныя полен и утиральнички готовили также браляи, прядля и швей. Браляи ставили на дѣло по 10 полочекъ, причемъ утиральничекъ браляи ставили *во брань* за три полочки убрусныхъ, слѣд. по работѣ онъ въ три раза былъ труднѣе убрусовъ. Для тогоже дѣла прядля ставили, т. е. пряди основки, называемыя по особому качеству пряжи убрусными. На дѣло въ годовой урокъ такихъ основокъ онъ пряди по 20. Швей утиральничныхъ и убрусныхъ дѣлъ шили на дѣло по 5 убрусовъ, и утиральничекъ въ шитьѣ ставили по трудности работы за 4 убруса.

Такъ было въ московской хамовной слободѣ Кадашовѣ. Въ ярославскихъ селахъ уроки убруснаго дѣла немного отличались отъ московскихъ. Тамъ убрусы работали тонкіе и двойные изъ двойной пряжи. Браляи брали такихъ убрусовъ по 8 на годовое дѣло; швей шили тонкихъ убрусовъ по 5, а двойныхъ по 6 на дѣло. Для двойныхъ убрусовъ прядля готовили пряжи въ годовой урокъ по 24 убруса. Двойному полотну по дѣлу равнялись 8 убрусовъ, а тройному — 12 убрусовъ.

Полотна скатертныя или скатертныя столбцы изготовлялись браляями, прядлями и бѣльницами. Эти столбцы также бывали двойныя и тройныя, мѣрою по 10 арш. Здѣсь, по особому способу работы, ткалей замѣняли браляи, которыя готовили на дѣло въ годовой урокъ по 2 столбца двойныхъ и тройныхъ. Пряжу для нихъ ставили особья прядля, работавшія въ годовое дѣло пряжи для двойныхъ столбцовъ — по 2 столбца; для тройныхъ столбцовъ по 6 столбцовъ; для хлопчатыхъ скатертей по 8 столбцовъ. Бѣль для тѣхъ же скатертныхъ столбцовъ ставили прядля — бѣльницы: для двойныхъ столбцовъ по 4 столбца; для тройныхъ — по 8 столбцовъ. Двойные столбцы назывались также задѣйчатыми. Прядля этихъ задѣйчатыхъ скатертей работали пряжи на дѣло по 10 основокъ и по 10 утковъ. Такъ называемыхъ посольскихъ скатертей, украшае-

ныхъ кромѣ бражня еще и шитьемъ, изготовлялось всего 3 столбца въ годъ, на что требовалось бралейныхъ 4½ дѣла, а швейныхъ 9 дѣлъ.

Обыкновенно каждый скатертный столбецъ, т. е. полдѣла, работала одна бражня, одна пряля пряла основки и утин и одна бѣляница давала бѣль. Но иногда два столбца работали три бражня, три пряля и двѣ бѣляницы.

Узоры, которые выбирались на скатертяхъ, известны слѣдующіе: 1) Ключатикъ, 2) Орѣховая развода по два оленя въ гнѣздѣ, 3) Орѣховая развода по оленю въ гнѣздѣ, 4) Лося подъ деревомъ, 5) Полтинки, 6) Пѣтухи, 7) Нѣмецкое колесо, 8) Чешуйки, 9) Листочки, 10) Мѣсецы, 11) Деревье, 12) Осмерногъ въ двазубъ, 13) Осмерногъ въ тризубъ, 14) Бараньи рога, 15) Безконечникъ, 16) Кривоногъ, 17) Красная развода, 18) Корова, 19) Гусиная плоть — узоръ наиболѣе употребительный для расхожихъ скатертей, и др.

Годовой урокъ нитной пряжи, для нитей расхожихъ, а равно и бѣлевой измѣрялся мѣрою полотна, т. е. количествомъ пряжи, какое ставилось на цѣлое полотно. На годовое дѣло нитная пряля ставили нитей по 6 полотнъ. Кромѣ того дѣло нитное и бѣлевое измѣрялось также мотами или пятинками. Бѣли цѣлое дѣло заключало въ себѣ 24 мота, а столбцами 8 столбцовъ, ибо столбецъ считался за 3 мота.

Бердники въ цѣлое годовое дѣло изготовляли бердъ на 100 дѣлъ различной бѣлой казны, ткалейныхъ, бралейныхъ, прядитыхъ.

На покупку необходимыхъ для производства работы припасовъ, на ленъ, мыло, золу, на ничаницы (тонкія веревки) и окончины для оконъ выдавалось изъ царицыной казны денежное жалованье, смотря по дѣлу. Въ ярославскихъ селахъ пряля получали въ годъ на дѣло 47 алт. 4 д.; ткаля — 23 алт. 2 д.; браля убрусовъ—23 алт. 2 д.; браля скатертей—46 алт. 4 д.; швей—35 алт. 3 д.; бердники на ленъ на перевозѣ 46 алт. 4 д.— Въ Кадашевской слободѣ хамовники и бердники по 30 алт., дѣловицы всѣ вкругомъ по 17 алт.

Кромѣ того выдавалось еще хлѣбное жалованье также по размѣру дѣла. На цѣлое дѣло шло въ Кадашовѣ въ 1631 г. по 10 четвертей безъ полуосмины ржи и по 7 четвертей безъ полуосмины овса. Въ ярославскихъ селахъ въ 1670 г.— по 10 четв. съ осьминою ржи и по 6 четв. овса. Въ тверской Константи-

одъ въ 1659 г. 9 и 6 четв. ржи, 10 четв. съ осми-
з. съ осминою овса и на квасы по четверику овса.
Каждая хамовная слобода и ирославскія села были обложены
нѣмъ количествомъ дѣлъ, соответственно количеству
занимаемой дворами и для посѣва льна, а также и по-
селкахъ, отдѣляемой тоже для посѣва льна. Мѣра дѣло-
вой земли называлась дворовою *загородкою* и равни-
ка я, 200 квадр. саж. Къ этому въ селахъ на дѣло
для посѣва льна полевой земли по два *четвертачка*
о пол десятинѣ въ полѣ, а въ дву потомужъ.
Въ Боровѣ окладныхъ дѣлъ было 189 съ полудѣломъ
(—1644 г.), занимавшихъ въ слободахъ 413 дворовъ да пус-
мѣсть цѣлыхъ 7 дѣлъ. Въ тверской Константиновской
слободѣ въ 1631 г. 29 дѣлъ; въ 1659 г. 28 дѣлъ, а въ 1682 г.
60 дворахъ 37 дѣлъ безъ чети. Въ селахъ Брентовѣ и Чер-
новѣ въ 1625 г. 154 дѣла безъ 12 доли дѣла. Въ 1638 г.
дѣла и пол-пол-трети дѣла; а въ 1670 г. на 248 дворахъ
дѣлъ съ третью. Также цифра оставалась здѣсь и до по-
слѣднихъ годовъ XVII ст. (1696 г.), хотя число дворовъ къ
у времени увеличилось до 300. Такимъ образомъ изъ этихъ
данныхъ о числѣ дворовъ и числѣ дѣлъ мы видимъ, что жилой
дворъ вовсе не былъ мѣрою цѣлаго дѣла.

Царицына Мастерская Палата, назначала въ слободы и села
только общее количество окладныхъ дѣлъ и не входила въ по-
дробности распредѣленія этихъ окладовъ между хамовниками
и дѣловицами. Слободы и села сами уже разверстывали ок-
лады по дворахъ и по людямъ, смотря потому, кто и какою долею
общаго землянаго надѣла пользовался и какую долю хамовнаго
дѣла работалъ. Въ этомъ случаѣ хамовному населенію была
предоставлена полная свобода. Изъ окладныхъ дѣлъ всякій бралъ
себѣ то, что умѣлъ сработать. Каждое дѣло при разверсткѣ
дробилось не только на половины и четверти, но даже и на
осмухи, и дворъ—семья могъ сидѣть и на полуторѣ дѣлѣ и на
цѣломъ дѣлѣ, и на трехъ четвертяхъ, и на половинѣ, и на чет-
верти дѣла, и къ тому еще даже и эту величину могъ соста-
влять изъ мелкихъ долей различныхъ дѣлъ, смотря по тому,
кто что умѣлъ въ семьѣ работать. Такъ бывали дворы или семьи,
работавшіе напр. полдѣла съ осмухою или пять осмушекъ: 3
осмушки дѣла прядить двойныхъ полотень, осмуха дѣла прядить
тройныхъ полотень, осмуха прядить двойныхъ убуру-

совъ. Или: дворъ — на три осмухи прядеть полотно двойное безъ четверти да на осмуху прядеть пол-полотна безъ осмухи тройныхъ да на осмуху прядеть два убруса съ четвертью двойныхъ убрусовъ. Или дворъ — три чети дѣла: полдѣла ткалейна тройныхъ полотень да четь прядитья двойныхъ полотень; дворъ — цѣлое дѣло: полдѣла прядитья тройныхъ полотень, четь прядитья двойныхъ полотень, четь швейная тонкихъ убрусовъ; дворъ — цѣлое дѣло: полдѣла прядитья тонкихъ убрусовъ, четь прядитья тройныхъ полотень, четь бралейна двойныхъ столбцовъ. Такимъ образомъ каждый членъ семьи изъ женскаго племени избиралъ себѣ большую или меньшую долю того или другаго дѣла и работалъ эту долю на годовой урокъ. Иной бралъ четь шитья убрусную и шилъ убрусъ съ четью, ибо на цѣлое дѣло шитья убруснаго шло 5 убрусовъ; иной бралъ половину дѣла бралейную столбешную (двойныхъ столбцовъ) и бралъ столбець, ибо на цѣлое дѣло шло 2 столбца, иной — четь ткалейную двойныхъ полотень и ткаль $1\frac{1}{2}$ полотна; иной — осмуху дѣла прядитья двойныхъ полотень и прялъ четь полотна; иной — четь дѣла бѣляную и прялъ бѣли на столбець двойной или 6 мотовъ, и т. д. По такимъ дробямъ распредѣлялось и денежное и хлѣбное жалованье.

Въ ярославскихъ селахъ въ 1670—1696 годахъ 200 $\frac{1}{2}$ дѣлъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: двойныхъ полотень ткалей 18 $\frac{1}{2}$ дѣлъ; прядитьихъ 54 $\frac{1}{2}$ дѣла. Тройныхъ полотень ткалей 18 дѣлъ, прялей 48 дѣлъ. Тонкихъ убрусовъ бралей 5 дѣлъ, прялей пол-5 дѣла; швей пол-8 дѣла. Двойныхъ убрусовъ бралей пол-2 дѣла, прялей пол дѣла, швей 2 дѣла. Двойныхъ скатертныхъ столбцевъ бралей 8 дѣлъ, прялей 8 дѣлъ, бѣляницъ прялей 4 дѣла. — Тройныхъ скатертныхъ столбцовъ бралей 12 дѣлъ, прялей основкамъ и уткамъ 4 дѣла, бѣляницъ прялей 4 дѣла. — Бердныхъ 2 дѣла. Всего въ годовой урокъ готовилось: двойныхъ полотень 108, по 14 арш. длины, да полотно убрусное полосатое; тройныхъ — 144; тонкихъ убрусовъ 38; двойныхъ убрусовъ 12; скатертныхъ столбцовъ двойныхъ 16, мѣрю по 10 арш.; тройныхъ 24 столбца (22 столбца да за 2 столбца: 2 полотна нитяные по образцу, тонкое да ровное; до 20 мотовъ нитей тонкихъ и ровныхъ въ пятинку, по образцу). Денежнаго жалованья на всѣ дѣла выдавалось въ годъ 251 р. 24 алт. 5 д.

известно время первоначальнаго заведенія хамов-
 къ с дъ и сель. Знаемъ только, что московскія слободы
 ествовали уже въ половинѣ XVI ст., именно за Москвою
 юю, гдѣ въ Кадашовѣ въ это время царемъ Иваномъ Вас.
 а построена церковь Козмы и Дамьяна, которая и содер-
 сь на государевой ругѣ. Въ той же мѣстности царица Ана-
 я Романовна устроила еще слободу *бѣлильную*, которая по
 ви именовалась Екатерининскою (теперь церковь св. Ека-
 ны на Ордынкѣ) и поставляла въ царицыну казну бѣле-
 пряху. Впослѣдствіи эта слобода принадлежала царицѣ
 ѣ Федоровнѣ, а послѣ Московской Розрухи (въ Смутное
 мя) снова была устроена по приказу иноки Марѣы Ив.
 1626 г. со льготою на три года, изъ вольныхъ охочихъ
 ей. Въ 1643 г. царица Евдокія Лук. устроила подъ селомъ
 ѣдовымъ — Покровскимъ новую хамовную слободу, Введен-
 ю, съ церковью Введенія, которая была заложена 14 сент.
 3 года и освящена 17 ноября ¹.

вѣроятно мысль объ устройствѣ новой слободы была ос-
 лена, ибо черезъ годъ, въ 1627 г. Екатерининская слобода
 ступила изъ вѣдомства царицына Постельнаго приказа въ
 аскій приказъ, т. е. въ число черныхъ слободъ. Вѣроятно
 также, что взаиѣнъ новой слободы была въ это время переве-
 дена въ Москву изъ Твери хамовная тверская Константинов-
 ская слобода, поселенная тоже за Москвою рѣкою. Въ 1635 г. эта
 Константиновская слобода называется еще *новою*.

Нѣтъ сомнѣнія, что теперешнее урочище Хамовники (цер-
 ковь Никола въ Хамовникахъ), гдѣ также была хамовная сло-
 бода, упом. съ 1624 г., принадлежитъ къ первымъ хамовнымъ
 поселеніямъ Москвы.

Хамовныя слободы хотя и находились въ вѣдомствѣ Постель-
 наго Приказа царицѣ, и были подсудны только этому приказу,

¹ Впослѣдствіи слобода Семеновская съ урочищемъ Введенскія горы.
 Въ расходной книгѣ царицыной мастерской палаты 152 г. между про-
 чимъ записано: сент. 14, какъ окладывали церковь Введенія Пречистыя
 Богородицы въ новой хамовной слободѣ и по приказу государыни ца-
 рицы Евдокіи Лук., идучи съ окладу, нищимъ и всякимъ бѣднымъ лю-
 демъ дано милостыни 15 алт. 23. Ноября 17, какъ г. царица пошла въ
 Рубцовскій объѣздъ и съ Москвы дорогою идучи и на освященіе церкви
 Введенія Пр. Богородицы нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ мило-
 стыни 42 алт.

но во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управлялись по старымъ обычаямъ собственными выборными людьми, мірскимъ сходомъ или совѣтомъ и старостою съ дѣловальниками и десятскими, которые всѣ выбирались обыкновенно на годъ. Эти служащіе лица утверждались въ своихъ должностяхъ особою записью, *выборомъ*, гдѣ прописывались и обоюдныя обязанности. Въ Кадашевской Хамовной слободѣ, въ концѣ XVII ст. по случаю большаго населенія (больше 2000 дворовъ) выбирали двоихъ старостъ, 4 дѣловальниковъ, 16 десятскихъ и дьячка (писаря). Выбиравшіе писали „и быть имъ старостамъ на Хамовномъ дворѣ и за нашими мірскими дѣлами ходить неоплошно и объ нашихъ мірскихъ дѣлѣхъ радѣть и о чемъ доведется бить челомъ великому государю; а намъ ихъ всею слободою слушать и въ челобитѣхъ ихъ не подавать и по ихъ присылкѣ на Хамовной дворѣ на *совѣтъ* приходять безъ ослушанія и не огуряться“... Въ ярославскихъ селахъ въ выборныхъ службахъ бывало: староста, три дѣловальника, два земскіе дьяка, два доводчика.

Центральною мѣстностью Слободы въ дѣловомъ отношеніи былъ Хамовный дворъ, на которомъ находилось нѣсколько хамовныхъ избъ, просторныхъ и свѣтлыхъ, съ большими окнами, для производства различныхъ работъ, ткацкихъ, бралежныхъ и швейныхъ. Сюда то и собирались каждый рабочій день хамовники и дѣловицы, садились за станы, ткали полотна, брали скатерти и убрusy и шили въ пальцахъ. По дворамъ они работали только не очень сложныя дѣла, особенно пряжныя или прядильныя, и вообще такія, которыя не требовали обширнаго помѣщенія.

Въ Кадашевской слободѣ на Хамовномъ же дворѣ жила въ особомъ помѣщеніи кадашевская приказная боярыня и стояла особый анбаръ съ хамовною всякою казною, гдѣ хранился ленъ нечесаный, очесаный кужель, счески и т. п.; также берда простыя и берда съ набилками, что берутъ посольскія скатерти, берда наметочные полотенные, утиральничные, убрusные, нитные и пр. На томъ же дворѣ находилась и слободская *схожая* изба, въ которой слобожане собирались на мірскіе совѣты.

Въ 1658—1662 г. Кадашевской хамовной дворъ былъ построенъ каменный. Когда по царскому указу приступали къ постройкѣ дѣловыхъ палатъ, то прежде всего опросили приказную боярыню Татьяну Шилову, всѣхъ дѣловыхъ хамовниковъ и мастерицъ, какія именно палаты, какой величины и какого

тви будутъ надобны, чтобы дѣлать въ нихъ всякое хавное. Тѣ объяснили, что надобны 4 палаты поземныя, а омежъ ихъ сѣни, а мѣрою длиннику 21 саж., поперегъ 5 саж.; противъ тѣхъ палатъ другія таковыяжъ мѣрою.

Около двора выстроена каменная ограда кругомъ на 157 въ вышину отъ бѣлокаменнаго фундамента въ 2 саж.; двумя воротами большими и малыми, шириною пол-5 саж.; орхъ до орла 6 саж.; и съ четырьмя наугольниками круглыми (дѣ башенъ) вышиною отъ ограды до яблока въ $1\frac{1}{2}$ саж. Дѣвыхъ палатъ выстроено двѣ большихъ въ длину внутри кажда по $8\frac{1}{2}$ саж., шириною внутри по $4\frac{1}{2}$ саж., съ сводами пашными вышиною 2 саж. слишкомъ и каждая съ 20 окнами въ свѣту по $1\frac{1}{2}$ ар. длины и по 1 арш. ширины. Межъ ими вни шириною $2\frac{1}{2}$ саж., съ рундукомъ; а во второмъ ярусѣ палата надъ сѣнями съ 6 окнами и двѣ палаты по сторонамъ тогоже размѣра и съ тѣмъ же количествомъ оконъ, какъ въ нижнихъ палатахъ. Выходъ былъ сдѣланъ съ рундука лѣстницею въ 17 ступеней.

Въ палатахъ было построено 5 печей, 4 бѣлыхъ, а пятая *киевская мурамлена*. Кромѣ того подлѣ хамовнаго двора огороженъ рѣшеткою *бѣленной* дворъ для бѣленья полотенъ въ длину 34, а по перегъ 16 саж., съ рѣшетчатыми же воротами, а на межѣ бѣленнаго и хамовнаго дворовъ вырытъ колодезь. Впослѣдствіи при Петрѣ изъ этого хамовнаго двора устроенъ Суконный дворъ, сохранившій и доселѣ свое имя въ такъ называемыхъ суконыхъ баняхъ, между большимъ и малымъ каменными мостами.

Кадашевская хамовная слобода, пользуясь большими льготами въ торговыхъ промыслахъ, была едвали не самая богатая слобода въ Москвѣ. Изъ ея жителей всегда пополнялась и Гостиная сотня. Однакожъ, для того, чтобы хамовное дѣло стояло всегда вполнѣ и не разстроивалось отъ выхода изъ слободы дѣловидъ, было крѣпко заказано (особенно съ 1670 г. окт. 25), чтобъ кадашевцы дочерей своихъ и племянницъ и внучатъ, не бивъ челомъ государю, за слободу и въ Кадашево инослободцовъ и гулящихъ людей замужъ отнюдь не выдавали и въ дома не принимали.

Управлявшая хамовнымъ дѣломъ слободы Кадашевская Боярыня заботилась главнымъ образомъ о томъ, чтобы бѣлая казна во всѣхъ своихъ видахъ работалась какъ возможно лучше, чище,

отчетливѣе. Когда она доставляла царицѣ казну въ наиболѣе исправномъ видѣ, то обыкновенно получала въ награду портище сукна на опошень. Точно также хамовники и дѣловицы особенно отличавшіеся въ искусствѣ своего рукодѣлья, тоже получали отъ царицы награду, а ихъ рукодѣлье посылалось на хамовной дворъ, какъ образецъ для работы съ приказомъ дѣлать точь въ точь по такому образцу. Время отъ времени являлись большіе искусники въ томъ или другомъ родѣ хамовнаго рукодѣлья. Въ 1692 г. великимъ государямъ Иоанну и Петру билъ челомъ *сидьлой* хамовникъ ткачъ Авдюшка Епифановъ и писалъ между прочимъ: работаю вамъ государямъ лѣтъ съ 15, и рукодѣльишко мое вамъ государямъ годилось и въ образцахъ съ Верху на хамовной дворъ сходило, чтобъ точь моей руки было, слово въ слово; и моей руки въ точи ни у кого не прибрали, только прибрали въ точи моей же руки работу.

Въ ярославскихъ селахъ Брейтовѣ и Черкасовѣ хамовный дворъ назывался *семереннымъ* дворомъ отъ семеренныхъ избъ, въ которыхъ производилось хамовное дѣло, сидѣли мастерицы. Семернею именовалась изба или хоромина семи сажень длиною, съ свѣтлыми по обѣимъ стѣнамъ окнами, постройка, именно по своей длинѣ, необходимая для ткацкаго дѣла. Мы видѣли, что въ Кадашовѣ палаты имѣли каждая 8½ саж. длины и по 10 оконъ въ стѣнахъ. Подобнымъ образомъ устроены были и семерни, т. е. помѣщенія деревянные. Въ селахъ хамовнымъ дѣломъ и хамовниками завѣдывалъ прикащикъ, назначаемый отъ царицыной Мастерской палаты. Дворъ его стоялъ подлѣ семереннаго двора. Сельчане же между собою управлялись и разверстывали хамовное дѣло своими выборными людьми, мирскимъ сходомъ. На отвѣтственности прикащика, старостъ и дѣловальниковъ лежала исправная доставка бѣлой казны въ Москву, въ Приказъ царицыной Мастерской палаты, куда казну отвозили старосты съ дѣловальниками и сдавали ее въ коробьяхъ за своею печатью. Когда на Семеренномъ дворѣ *новую* казну въ дѣло заводили (каждогодно въ началѣ февраля, 9 числа, иногда въ началѣ апрѣля), то въ семеренныхъ избахъ попы всегда пѣли молебны Спасу, Богородицѣ и Ивану Предтечи и воду святили. Изготовленіе казны оканчивалось въ концѣ ноября и когда ее укладывали въ коробья, дек. 1 или 10, чтобы везти въ Москву, то попы также пѣли молебенъ Рождеству Богородицы, Иоанну Предтечи, Алексѣю Человѣку Божию, за

на весь соборъ вобще давалось въ первомъ случаѣ
а во второмъ 4 ал. 2 д. и къ образамъ свѣчь во-
авилось на 6 денегъ.

ности этихъ селъ переписныя книги свидѣтельству-
овъ 1669 г. въ Брейтовѣ находилось жилыхъ дворовъ 159,
въ нихъ 910 челов.; въ Черкасовѣ 89 дворовъ, людей
90 ч. Въ 1671 г. мая 20, по случаю цѣлованья
ей царицѣ Натальѣ Кирилов., въ Брейтовѣ и на
къ, на Заруцкомъ и на Воронежкомъ, хамовниковъ и
и и племянниковъ и дѣтей и внучать было 233 чел.
каго и цѣ ищъ 234 ч. Въ Черкасовѣ муж.
ч., ; и обоего ч.